86.372-4
—
Е17

Евлампий, Тобольский архиепископ

Новый год, или Предуготовительные к покаянию поучения...

28876
84

N° 6

НОВЫЙ ГОДЪ.

K TM 24112/223

86.372-43
Е 17

НОВЫЙ ГОДЪ,

или

ПРЕДЪУГОТОВИТЕЛЬНЫЯ

къ покаянію

ПОУЧЕНІЯ

25
Н-74

отъ новаго года до святыя четыредесятницы

ЕВЛАМПІЯ,

епископа вологодскаго,

нынѣ архіепископа тобольскаго.

28 02
Библиотека Тобольского
Гос. Музея инв. №28876

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1853.

Отложити вамъ, по первому житію ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ: обновлятися же духомъ ума вашего, и облещися въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины Еф. 4, 22 — 24.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной цензуры печатать дозволяется. Іюня 4 дня 1852 года.

Цензоръ Архимандритъ Кириллъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЛОВЪ: ПРЕДЪУГОТОВИТЕЛЬНЫЯ КЪ ПОКАЯНІЮ ПОУЧЕНІЯ.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Стр.

СЛОВО 1. 1-е. *Помянухъ дни древнія, поучихся.* . . 1
О чемъ при взорѣ на прошедшую жизнь должны мы особенно воспоминать?

СЛОВО 2. 2-е. *Отложити вамъ ветхаго человѣка, и облещися въ новаго.* 14
Какъ внутренно, – духовно обновляться?

СЛОВО 3. 3-е. *Преобразуйтесь обновленіемъ ума.* . . 25
Чѣмъ можемъ достойно ознаменовать новый годъ? Обновленіемъ ума и сердца.

СЛОВО 4. 4-е. *Не сообразуйтеся вѣку сему.* 39
О побужденіяхъ къ преобразованію обновленіемъ нашей жизни и дѣлъ.

СЛОВО 5. 5-е. *Блюдите како опасно ходите, искупующе время.* 50
О необходимости неопустительно пользоваться настоящимъ временемъ для содѣлыванія спасенія.

СЛОВО 6. 6-е. *Скажи ми, Господи кончину дней моихъ.* 61
Какъ, при неизвѣстности будущаго, употреблять послѣдующее время во спасеніе?

СЛОВО 7. 7-е. *О благодарности къ Богу.* 73

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРЕДЪ ПРОСВѢЩЕНІЕМЪ.

СЛОВО 8. 1-е. *Глась вопіющаго въ пустыни.* . . . 83
О проповѣди Предтечи, гласомъ покаянія обращающаго ко Христу.

СЛОВО 9. 2-е. *Чесо изыдосте пустыню видѣти?* . . 99
Что представляетъ Предтеча въ служеніи своемъ къ нашему наставленію?

ВЪ ДЕНЬ КРЕЩЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

СЛОВО 10. Какія мы и въ естественномъ и знаменательномъ дѣйствіи пріемлемъ блага отъ воды? . 110

ВЪ ДЕНЬ СОБОРА ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ.

СЛОВО 11. *Пріиде Іоаннъ Крститель, проповѣдуя въ пустыни Іудейстѣй.* 121
Предтеча, – Великій Пустынникъ, Проповѣдникъ покаянія, вѣрный служитель Христовъ.

ВЪ НЕДѢЛЮ ПО ПРОСВѢЩЕНІИ.

СЛОВО 12. *Оттолѣ начатъ Іисусъ проповѣдати: покайтеся.* 137

ВЪ НЕДѢЛЮ О ЗАКХЕѢ.

СЛОВО 13. *Закхее, потщався слези.* 150
Закхей-примѣръ рѣшительнаго послѣдованія Христу.

ВЪ НЕДѢЛЮ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ.

СЛОВО 14. 1-е. *Смиримъ себѣ предъ Богомъ.* 168
О смиреніи предъ Богомъ.
СЛОВО 15. 2-е. *Человѣка два внидоста помолитися въ Церковь.* 180
О томъ, какъ надлежитъ молиться?

ВЪ ДЕНЬ СРѢТЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

СЛОВО 16. 1-е. *Вознесоста родители отроча Іисуса.* 193
О обязанности родителей посвящать отъ юности дѣтей своихъ на служеніе Богу.
СЛОВО 17. 3-е. *Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, съ миромъ.* 210
Надлежитъ быть въ мирѣ съ собою, чтобы срѣтить смерть мирно.
СЛОВО 18. 2-е. *Се лежитъ сей на паденіе и на востаніе многихъ.* 219
Кому Іисусъ Христосъ лежитъ на паденіе и кому на востаніе?

ВЪ ДЕНЬ СУМЕОНА БОГОПРІИМЦА.

СЛОВО 19. 1-е. *Ибъ ему обѣщанно не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня.* 233
Надлежитъ трудиться спасительно въ жизни, чтобы уснуть сладкимъ сномъ смерти.
СЛОВО 20. 2-е. *Яко видѣста очи мои спасеніе Твое.* . 244
Какъ можно содѣлать смерть не страшною, но утѣшительною?

ВЪ НЕДѢЛЮ БЛУДНАГО СЫНА.

СЛОВО 21. *Отыде на страну далече и ту расточи имѣніе, живый блудно.* 256
Бесѣда о гибельномъ дѣйствіи преобладанія страстей.

ВЪ НЕДѢЛЮ МЯСОПУСТНУЮ.

СЛОВО 22. 1-е. *Поставитъ овцы одесную Себе, а козлища ошую.* 278
О томъ, сколько страшенъ будущій судъ для грѣшниковъ.
СЛОВО 23. 2-е. *Идутъ сіи въ муку вѣчную.* 293
О вѣчности мученія грѣшниковъ.

ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ.

СЛОВО 24. *И изгна Богъ Адама изъ рая на землю.* . . 306
О паденіи Прародителей и о участіи каждаго въ грѣхѣ Прародительскомъ.
СЛОВО 25. О иноческихъ обязанностяхъ, одинаковыхъ въ существѣ съ обязанностями всѣхъ христіанъ. 324

НА

НОВЫЙ ГОДЪ

СЛОВО 1.

Помянухъ дни древніе, поучихся во всѣхъ дѣлѣхъ Твоихъ, въ твореніихъ руку Твою поучахся (Пс. 142, 5).

Такъ св. Царь Давидъ воспоминалъ первые дни, воспоминалъ древнія лѣта минувшихъ вѣковъ, и въ великихъ пропзшествіяхъ міра и церкви съ духовнымъ любомудріемъ поучался непсповѣдимымъ судьбамъ промысла Божія въ устроеніи спасенія человѣческаго. *Помыслихъ дни первыя, и лѣта вѣчная помянухъ, и поучахся* (Псал. 76, 6.). Отъ великихъ событій міра и церкви переходилъ мыслію къ пропзшествіямъ собствен-

ной жизни, и въ особенныхъ обстоятельствахъ своей жизни видя благопромыслительные пути десницы Вышняго, отъ живаго чувства безпредѣльныхъ милостей Божіихъ, испытанныхъ въ прошедшей, одушевлялся надеждою на благопопечительность Божію въ настоящей и послѣдующей своей жизни. *Помянухъ дни древнія, поучихся во всѣхъ дѣлѣхъ Твоихъ, въ твореніихъ руку Твою поучахся.*

По примѣру порфироноснаго Пророка нужно и намъ воспоминать прежнее время жизни своей, и съ тѣмъ вмѣстѣ безчисленныя къ намъ милости Божіи, явленныя на пути жизни каждому изъ насъ. Жизнь наша, не какъ жизнь Царе-Пророка. Жизнь великихъ людей, подобно теченію великой рѣки, полная небесныхъ благословеній, всюду разливаетъ благословеніе. Жизнь наша, какъ скудный потокъ, не только при обыкновенномъ теченіи, но и при самомъ разливѣ ничего особеннаго не представляетъ. Дни наши, не какъ дни лѣтняго неба, исполненные свѣта и теплоты, — дни наши, какъ дни зимняго небосклона, не свѣтлы и темны; лѣта наши

составляютъ не поприще восхожденія отъ совершенства къ совершенству,—а суть слабая паутина дѣлъ, или паче, долгое уже, коимъ непрестанно привлачаются грѣхи и завязуются беззаконія.

Не смотря на скудость нашихъ дѣлъ, по которой мы походимъ на безплодныя древа, рука Божія всегда велика въ путяхъ каждаго изъ насъ; она всегда хощетъ творить въ насъ и чрезъ насъ благая и благоугодная. Посему много въ жизни каждаго изъ насъ есть такого, о чемъ къ славѣ благости, правды и премудрости Божіей достойно намъ воспоминать; особенно благопотребно воспоминать намъ прежнее время въ день новолѣтія.

О чемъ же при взорѣ на прошедшую жизнь должны мы особенно воспоминать?

Тотъ же Псалмопѣвецъ опредѣленно показываетъ намъ, о чемъ мы, при взорѣ на прошедшую жизнь нашу, съ умиленіемъ сердца должны воспоминать. Объемля благодарною мыслію безчисленныя благодѣянія Божіи, онъ примѣромъ своимъ научаетъ каждаго изъ насъ въ полнотѣ душевной благо-

дарности воспомнпать особенныя благодѣянія Божіи: *благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его, очищающаго вся беззаконія твоя, изцѣляющаго вся недуги твоя, избавляющаго отъ истлѣнія животъ твой, вѣнчающаго тя милостію и щедротами* (Псал. 102, 1—4).

Итакъ изъ прошедшей жизни должны мы благодарно воспомнпать предъ Богомъ прежде всего то, что Господь покрывалъ милостію Своею всѣ неправды наши, что псцѣлялъ тѣлесные недуги наши, что пзбавлялъ отъ угрожавшихъ намъ бѣдъ, что не смотря на недостопнство наше, пзливалъ на насъ благословеніе свое въ дѣлахъ нашихъ.

Стоя на предѣлѣ мпнувшаго и чертѣ наступпвшаго года, дабы намъ вполнѣ чувствовать безпредѣльную мплость Божію, воззримъ окомъ умпленной благодарности на то велпкое для грѣшниковъ благодѣяніе Божіе, какъ Господь терпѣлъ Своимъ милосердіемъ и покрывалъ долготерпѣніемъ безчисленные грѣхи и неправды наши.

Не будемъ здѣсь говорпть о нашихъ общихъ слабостяхъ и преткновеніяхъ, о грѣ-

хахъ немощи и невѣдѣнія. Будемъ говорить о тѣхъ тяжкихъ душевныхъ недугахъ нашихъ, которые составляютъ господствующія наши страсти, каковы: сладострастіе и плотоугодіе, самолюбіе и честолюбіе, корыстолюбіе и злопріобрѣтеніе. Мы сами живо сознаемъ, что эти и происходящія отъ нихъ разтлѣнныя склонности, составляя въ насъ, по свойству каждаго, господствующія расположенія, столь пагубное производятъ дѣйствіе на духъ нашъ, что омрачая умъ, оскверняя сердце, растлѣвая волю, растроиваютъ всю духовную дѣятельность нашу. Гордость, питая въ насъ презрѣніе къ низшимъ, недоброжелательство къ равнымъ, раболѣпство къ высшимъ, холодность ко всѣмъ, дѣлая и сердце наше чуждымъ истинной радости, какому не подвергала насъ уничиженію не только въ глазахъ другихъ, но и въ собственныхъ своихъ? Корыстолюбіе, возжигая ненасытную жажду къ пріобрѣтеніямъ, какихъ не влагало и въ уста и въ руки наши хитростей, обмановъ, притѣсненій, хищеній? Сладострастіе и плотоугодіе не разтлѣвало ли всѣ чувства и не превращало ли тѣло наше—

храмъ живущаго въ насъ Духа Святаго, въ вмѣстилище всякія нечистоты?

Но, можетъ быть, мы боролись съ страстями нашими, только страсти насъ преодолѣвали. Что же? Боролись ли мы въ самомъ дѣлѣ со страстьми нашими, которыя теперь держатъ въ оковахъ души наши? Отражали ли льстивыя нападенія ихъ, когда онѣ омрачая умъ, пронзая разженными стрѣлами сердце, влекли къ злымъ начинаніямъ волю нашу? Предпринимали ли дѣятельныя средства — ослабить силу грѣховныхъ влеченій въ насъ самихъ — чрезъ обузданіе чувствъ, въ другихъ — чрезъ удаленіе отъ опасныхъ встрѣчь, въ окружающихъ обстоятельствахъ, чрезъ устраненіе особенно тѣхъ поводовъ, которые, какъ хврастіе, возжигаютъ въ насъ пламень страстей? Напротивъ—не стремились ли мы сами всѣми мѣрами къ удовлетворенію любимыхъ страстей своихъ, не изыскивали ли всѣ случаи, не привлекали ли намѣренно всѣ поводы, не преодолѣвали ли всѣ препятствія, и внѣшнія, полагаемыя порядкомъ нашихъ дѣлъ, и внутреннія, противопоставляемыя голосомъ совѣсти, чувствомъ

страха Божія и стыда человѣческаго? Не часто ли, напротивъ, страхъ Божій, какъ молнія, грозно освѣтивъ душу, терялся въ ночи мрачныхъ помышленій нашихъ, голосъ совѣсти противу нарушенія собственной многократной рѣшимости, подобно искрѣ, вылетавшей изъ потухавшаго въ хладномъ воздухѣ пламени, при первомъ воплѣ нечистыми желаніями былъ заглушаемъ? И мы, забывъ Бога, не внемля гласу совѣсти, оставивъ свои обязанности, пренебрегая даже видимыя опасности для внѣшняго и внутренняго благосостоянія нашего, предавались необузданности страстей нашихъ? Вспомнимъ притомъ, сколько самыхъ лучшихъ дней жизни нашей омрачено грѣховными дѣйствіями, и въ какое растройство приводимы были душевныя наши силы, находившіяся въ благоустроенномъ состояніи для выполненія необходимѣйшихъ обязанностей нашихъ, безотлагательнаго исполненія коихъ требовали отъ насъ слава Божія, благо ближнихъ, честь нашего долга и званія? Вспомнимъ, сколько разъ изъ тихаго, мирнаго, райскаго состоянія свѣтлыхъ мыслей и чистыхъ расположе-

ній совершенно произвольнымъ, отъ одной разтлѣнной привычки завпсѣвшимъ возбужденіемъ страстей нашихъ вдругъ низвергали себя въ состояніе крайняго униженія, и, чувствуя надъ собою разрушительное дѣйствіе страстей нашихъ, сколько разъ внутренно оплакивали состояніе свое и полагали въ сердцѣ своемъ рѣшительное намѣреніе противоборствовать душепагубной лести владычествующихъ надъ нами грѣховъ? Но проходило нѣсколько минутъ, нѣсколько часовъ, заживали нѣсколько душевныя раны, и мы опять мирились съ нашими похотями, охотно предавались гибельной лести ихъ.

Сколько же мы должны благодарить Господа, что Онъ, покрывая насъ долготерпѣніемъ, истинно не по беззаконіямъ нашимъ творитъ намъ, ниже по грѣхамъ нашимъ воздаетъ намъ! Не забудемъ еще: сколько разъ отъ неустроенности нашей жизни и растроенности дѣлъ, мы близки были потерять наше здоровье, даже вовсе лишиться жизни, сколько разъ угрожаемы были опасностію, навлещи на себя напасть и поношеніе людское, и однакожъ спасены, избавлены, даже

возвышены въ чести, осыпаны благами, взысканы благоволеніемъ высшихъ, любовію равныхъ, расположенностію ближнихъ нашихъ? При помышленіи о семъ, что должны рещи о себѣ предъ безпредѣльнымъ благоутробіемъ Божіимъ? Съ поникшимъ долу лицемъ и уничиженнымъ сердцемъ должны рещи: *Тебѣ Господи, правда, намъ же стыдѣніе лица;* должны въ благоговѣйномъ удивленіи долготерпѣнію Божію, каждый отъ всея крѣпости души своея въ пламенномъ чувствѣ благодарнаго благословенія Господа возопить съ Псалмопѣвцемъ: *благослови, душе моя, Господа, и не забывай всѣхъ воздаяній Его: очищающаго вся беззаконія твоя, изцѣляющаго вся недуги твоя, избавляющаго отъ истлѣнія животъ твой, вѣнчающаго тя милостію и щедротами.*

Пребудемъ ли же въ грѣхахъ потому, что Господь покрываетъ насъ своею милостію и долготерпѣніемъ? Нѣтъ, не для того милуетъ насъ Господь, чтобы мы, ненаказанно продолжая грѣхи, прилагали зло къ злу и беззаконіе къ беззаконію, и нераскаянно

состарѣвшись, и умерли во грѣхахъ. Нѣтъ,— Господь долготерпитъ о насъ, не хотя, да погибнемъ, но да въ покаяніе пріидемъ.

Почему безотвѣтны мы, если чувствуемъ на себѣ милость и долготерпѣніе Божіе; однакожъ не приходимъ въ чувство, не раскаеваемся въ злыхъ дѣлахъ своихъ, не полагаемъ сердечнаго намѣренія востать и исправиться. Не радя о богатствѣ кротости и долготерпѣнія, которыми благость Божія на покаяніе насъ ведетъ, мы по упорству своему и нераскаянному сердцу собираемъ себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія (Рим. 2, 4. 5.).

Что же намъ дѣлать съ собою, съ своими страстями и преобладающими слабостями, чтобы остановить потокъ зла, непрестанно влекущаго насъ въ погибель? Надлежитъ съ болѣзненнымъ сердцемъ войти въ себя, и нашедши свѣтильникъ ума темнымъ, сердце отъ обуреванія страстей хладнымъ, волю отъ необузданности похотей растлѣнною и все духовное существо въ разстройствѣ, въ грѣховныхъ язвахъ и струпахъ, прежде всего

принести Господу чистосердечное покаяніе въ множествѣ грѣховъ нашихъ предъ служителемъ алтаря; потомъ денно-нощно съ Іереміею плакать надъ опустошеннымъ душевнымъ своимъ Іерусалимомъ, и въ твердой рѣшимости исправленія начать, при помощи Божіей, преобразованіе своего ума, очищеніе сердца, исправленіе воли. Оставя легкомысліе, отвергнувъ пристрастіе къ чувственности, обуздавъ похоти, надлежитъ рѣшительно перемѣнить мысли плотскаго нашего ума, расположенія страстнаго сердца, стремленія испорченной воли, перемѣнить, какъ мысли ложныя, расположенія нечистыя, стремленія гибельныя; съ тѣмъ вмѣстѣ уничижить себя въ мысляхъ и чувствованіяхъ предъ Богомъ, смирить въ расположеніяхъ предъ человѣками. Такъ, при непрестанномъ испытаніи себя, въ страхѣ Божіемъ и твердой рѣшимости должны мы очищать наши расположенія и дѣйствія предъ Богомъ, дабы обновиться благодатію!

Съ такими расположеніями и съ такою рѣшимостію—жить для Бога, для пользы бли-

жнихъ, для истиннаго своего блага должны мы вступить въ новый годъ!

Помянухъ дни древнія, поучихся во всѣхъ дѣлѣхъ Твоихъ. Господи Іисусе Христе, Спасителю нашъ! Воспомнивая протекшее время жизни нашей, къ неутѣшной горести видимъ, что лучшіе дни наши проведены нами недостойно Тебя, что мы, раболѣпствуя страстямъ нашимъ, оставляли Тебя, Источника жизни. Ты по благоутробію Твоему всѣми мѣрами благости непрестанно приближалъ насъ къ себѣ; но мы среди суетъ и страстей своихъ, чтя Тебя устами, сердцемъ далеко отстояли отъ Тебя. Прости намъ, Милосердый, тяжкіе грѣхи наши, повергни ихъ въ бездну всепрощенія Твоего; исправь, очисти, изгладь ихъ благоутробіемъ Твоимъ. Дни, проведенные нами въ беззаконіи, суть неумолкные обвинители наши не только предъ судомъ всевѣдѣнія Твоего, но и предъ собственнымъ судомъ совѣсти нашей. Нынѣ воспомянувъ дни первые, и помысливъ лѣта мимошедшія, мы, у подножія престола Твоего, дерзаемъ пламенно умолять безконечную благость Твою: даруй намъ чувство бо-

лѣзненно сознавать преступленія наши, ниспосли неослабную ревность исправлять, и слезными потоками очищать пороки наши, дабы впредь содѣлаться достойными милости Твоея, и заслужить всепрощающую и всеисправляющую благодать Твою. Аминь.

СЛОВО 2.

Отложити вамъ, по первому житію, ветхаго человѣка тлѣющаго въ похотьхъ прелестныхъ; обновлятися же духомъ ума вашего, и облещися въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины (Еф. 4. 22. 23. 24.).

Все ветшаетъ и измѣняется, все и въ насъ и внѣ насъ. Опыты нашей жизни, нашихъ силъ, нашихъ жилищъ, опыты городовъ, народовъ, царствъ, опыты необычайныхъ воздушныхъ перемѣнъ и страшныхъ, разрушительныхъ явленій природы достаточно доказываютъ непрестанную перемѣнчивость всего находящагося подъ луною.

При такой повсемственной перемѣнчивости всего земнаго и вмѣстѣ при непрестанномъ умаленіи нашего бытія, ветшаніи жизни, оскуденіи силъ, дабы удержать объемлющее насъ тлѣніе, необходимо намъ особенно по состоянію внутреннему, — по состоянію

душевныхъ силъ слабѣющее въ себѣ укрѣплять, ветшающее обновлять, тлѣющее оживлять.

Мы напротивъ, вмѣсто того, чтобы съ продолженіемъ жизни и умноженіемъ лѣтъ возрастать въ разумѣ истины, преуспѣвать въ благочестіи, укрѣпляться сердцемъ въ духовныхъ опытахъ и приносить плоды благодѣланія, мы отъ нашей разсѣянности, безпечности, съ теченіемъ времени, разтлѣваясь въ грѣховныхъ привычкахъ и господствующихъ надъ нами пристрастіяхъ, темнѣемъ въ нашихъ мысляхъ, ожесточаемся въ сердечныхъ чувствованіяхъ, хладѣемъ въ благочестивыхъ расположеніяхъ, ослабѣваемъ въ добрыхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ.

Таково большею частію состояніе наше; и благо было бы, если бы мы живѣе чувствовали состояніе наше и чаще сокрушались въ печали по Богѣ, которая, какъ горькое врачество, могло бы по крайней мѣрѣ остановить объемлющее насъ грѣховное тлѣніе. Посему-то св. Церковь, вѣдая удобопользовенность нашего естества, и всегда, а нынѣ, вводя насъ въ новый годъ, отверзаемый благостію Божіею, со всею силою Апо-

стольскимъ наставленіемъ убѣждаетъ, чтобы мы, при наступленіи новаго года, всемѣрно позаботились о совлеченіи ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ и облеченіи въ новаго, созданнаго по образу Божію въ правотѣ ума, чистотѣ сердца, святости волн.

Не вотще Господь обновляетъ благостію своею дни и лѣта наши, пробавляя время жизни нашей, обновляетъ для того, чтобы и мы для славы Его и спасенія своего обновлялись въ нашей жизни и дѣлахъ.

Для возбужденія сердечной заботы, ознаменуемъ наступленіе новаго года размышленіемъ: какъ намъ внутренно, духовно обновляться ?

Чтобы обновиться внутренно, духовно, во всемъ существѣ нашемъ, необходимо намъ перемѣнить наши мысли, наши чувствованія, наши расположенія, дабы съ перемѣною мыслей, чувствованій, расположеній, перемѣнить намъ и наши поступки, дѣйствія и всю жизнь нашу. Если корень святъ: то и вѣтьви ; если источникъ чистъ: то и струи будетъ источать чистыя. Если внутреннее

расположеніе духа нашего будетъ исправлено, очищено, благоустроено: то и внѣшнія дѣйствія будутъ правы, благи, благоустроены.

Но чтобы преобразовать намъ внутреннее расположеніе духа нашего; надлежитъ намъ преобразовать умъ, очистить сердце, исправить волю, дать имъ одно направленіе, силу, дѣйствіе, дабы они въ совокупности, какъ свѣтъ и теплота, производили въ насъ стремленіе къ Богу, плоды благихъ дѣлъ, жизнь правую и благую.

Какой же умъ, какое сердце, какую волю надлежитъ перемѣнить намъ? умъ, сердце, волю ветхаго нашего человѣка. Такъ, — есть въ насъ два человѣка, одинъ ветхій, плотскій, грѣховный, который въ плотскомъ рожденіи происходитъ отъ ветхаго, падшаго Адама со всѣми растлѣнными склонностями и расположеніями; другой внутренній, духовный. Одинъ, какъ раждаемый отъ плоти и крови, живетъ для земли и плоти, ищетъ чувственныхъ удовольствій, чтобы ѣсть, пить, веселиться, и ищетъ внѣшней чести, довольства благъ, сокровищъ, дабы жить въ чув-

Библиотека Тобольского Гос. Музея инв. № 28876

ственномъ покоѣ. Другой на останкахъ разрушеннаго образа Божія благодатно созидается въ насъ по образу Христову; созидается усвоеніемъ правды Христовой, подражаніемъ Божественному примѣру самоотверженія Его, непорочнымъ хожденіемъ предъ Богомъ и человѣками, отрѣшеніемъ отъ земнаго и пріискреннимъ соединеніемъ со Христомъ, какъ источникомъ всѣхъ благъ и совершенствъ.

Сообразно такому состоянію, есть въ насъ отъ благодати Христовой умъ, правомыслящій, сердце любящее добро, воля благопокорная волѣ Божіей; но есть отъ поврежденнаго естества умъ омраченный заблужденіемъ, сердце тлѣющее въ похотяхъ, воля противящаяся волѣ Божіей. Умомъ, сердцемъ, волею благодатнаго человѣка, мы услаждаемся закономъ Божіимъ, тщимся и мыслить и желать и дѣлать все истинное, честное, правое; умомъ, сердцемъ, волею плотскаго человѣка, если не открыто, то сокровенно дѣйствуемъ противу закона Божія, затмѣваемъ въ себѣ ясное разумѣніе о Богѣ, подавляемъ чувство страха Божія и подъ

различными видами уклоняемся отъ исполненія святой воли Божіей. Поелику же духовныя силы въ отношеніи къ плотскимъ силамъ въ растлѣнной природѣ нашей такъ слабы, какъ тусклый свѣтъ средп тьмы, какъ искра среди пепла, какъ сѣмя среди тернія: то грѣховная дѣятельность плотскаго человѣка нашего господствуетъ и во внѣшней и внутренней жизни нашей. Плотской умъ, сердце, воля наши, будучи обращены только на предметы земные и ища въ нихъ чувственнаго наслажденія, житейскихъ выгодъ, мірской чести, тлѣютъ въ губительныхъ похотяхъ не только при обладаніи отъ страстей, но и при кажущейся благообразности дѣйствій. При самомъ познаніи Божественной истины кичливый умъ имѣетъ въ виду не столько послушаніе истинѣ Христовой, сколько превозношеніе лжемудрымъ знаніемъ; при самыхъ, по видимому, благочестивыхъ расположеніяхъ растлѣнное сердце наше управляется желаніемъ не внутренней чистоты и благоугожденія Богу, но самолюбивымъ желаніемъ услаждаться своими мнимыми совершенствами. При таковомъ дѣйствіи

ума и сердца, слабая въ добрѣ воля уже не правое, не благое творитъ, но злое, законопреступное и явно и тайно содѣваетъ.

Итакъ чтобы обновиться намъ внутренно, духовно, обновиться въ умѣ зрѣніемъ Бога, въ сердцѣ любовію совершенствъ Его, въ волѣ стремленіемъ къ исполненію святой воли Его, надлежитъ намъ перемѣнить плотскій умъ, перемѣнить растлѣнное сердце, перемѣнить превратную волю; *надлежитъ перемѣнить плотскій умъ,*— утвердивъ въ умѣ мысль о вездѣприсутствіи Божіемъ, надлежитъ остановить въ умѣ нашемъ непрестанное стремленіе помысловъ нечистыхъ, преступныхъ, и обратить помышленія наши въ чистый потокъ мыслей здравыхъ, назидательныхъ, благоговѣйныхъ, дабы, выну зря предъ собою Бога, пріобучались мыслить не человѣческое, но Божіе; *надлежитъ перемѣнить растлѣнное сердце,*— изъ вмѣстилища нечистыхъ пожеланій надлежитъ намъ содѣлать сердце свое сосудомъ благодатныхъ расположеній, Божественной любви, радости, мира, умиленія, дабы не самолюбіе, но любовь къ Богу была началомъ и источникомъ

всѣхъ движеній нашего сердца, *надлежитъ перемѣнить поврежденную волю*, — отринувъ всякое своенравіе и самоугодіе, водворить въ волѣ нашей благопокорность и послушаніе на всякое доброе дѣло, дабы *немощи немощныхъ носити, и не себѣ угождать, но угождать ближнему во благое* (Рим. 15, 1, 2.), не свою волю, но волю Божію творить, и прочее во плоти время не себѣ, не человѣческимъ похотѣмъ жить, *но жить умершему за насъ и воскресшему Христу Господу* (2 Кор. 5, 15), чтобы Онъ своею благодатію производилъ въ насъ и хотѣніе и дѣйствіе по своему благоволенію (Фил. 2, 13.).

Дабы силою Духа Христова устрояться намъ въ благодатное состояніе обновленія, надлежитъ войти со вниманіемъ въ себя, вникнуть въ свое поведеніе, углубиться въ состояніе, и прилѣжно, тщательно передумать, пересудить о томъ, о чемъ прежде мыслили по плотскимъ нашимъ понятіямъ, думали по чувственнымъ расположеніямъ, судили по нечистымъ склонностямъ и навыкамъ, и, передумавъ, пересудивъ, рѣшительно перемѣнить мысли плотскаго нашего ума, рас-

положенія чувственнаго сердца, стремленія испорченной воли, перемѣнить, какъ мысли ложныя, расположенія нечистыя, стремленія гибельныя, посему осудить въ себѣ то, что прежде одобряли, отвергнуть и возненавидѣть то, что прежде любили, воспретить себѣ не только въ дѣлахъ, но и въ словахъ, мысляхъ и желаніяхъ то, что прежде неудержанно съ услажденіемъ себѣ позволяли;— съ тѣмъ вмѣстѣ уничижить себя въ мысляхъ и чувствованіяхъ предъ Богомъ, смирить въ расположеніяхъ предъ человѣками. Такъ непрестаннымъ разсужденіемъ и испытаніемъ самихъ себя въ страхѣ Божіемъ и твердой рѣшимости должны мы очищать всѣ наши мысли, расположенія и дѣйствія, яко отъ Бога, яко предъ Богомъ, дабы обновляться внутренно, духовно!

Христіане, обновляемые по образу Создавшаго и возсоздающаго насъ благодатію! — Вѣдая назначеніе наше, чтобы намъ, какъ чадамъ свѣта, какъ новому творенію во Христѣ Іисусѣ, чрезъ совлеченіе ветхаго человѣка облекаться въ новаго во всемъ существѣ нашемъ, будемъ всѣми мѣрами очищать

себя отъ всякія скверны плоти и духа во всѣхъ сплахъ и дѣйствіяхъ нашихъ.

Преобразуясь обновленіемъ ума нашего отъ помысловъ суетныхъ, будемъ поступать не какъ неразумные, но какъ мудрые, стараясь во всемъ познавать, что въ отношеніи къ волѣ Божіей добро, благоугодно, совершенно; для сего будемъ исполняться обильно словомъ Христовымъ, будемъ научать и вразумлять другъ друга (Кол. 3. 16). Очищая грѣхолюбивое сердце, будемъ постоянно, по заповѣди Христовой, нести крестъ свой, крестъ умерщвленія грѣховныхъ нашихъ склонностей, дабы чрезъ отверженіе чувственныхъ утѣшеній, дѣлать сердце чистымъ и непорочнымъ. Исправляя растлѣнную волю нашу, будемъ по примѣру Христа Спасителя, не свою волю творить, но творить волю Божію, поставившую насъ въ нашемъ званіи, предуказавшую намъ наши обязанности, преднаписавшую наши взаимныя, братолюбныя отношенія, дабы никому ни чѣмъ не быть должными, какъ развѣ назидательною, благотворною — христіанскою любовію.

Если будемъ всемѣрно очищать себя, какъ

Онъ чистъ есть, Онъ Божественный первообразъ нашъ; если будемъ обновляться, дѣятельно преуспѣвая въ истинѣ и добрѣ: то, будучи сообразны Христу въ семъ тѣлѣ смерти, будемъ сообразны Ему и по тѣлу славы Его (Фил, 3, 21.), и облечемся безсмертною, никогда не увядающею юностію, облечемся тогда, когда все это ветхое, порабощенное подъ игомъ тлѣнія прейдетъ; небо и земля, и все будетъ новое (2 Пет. 3, 13.), и всѣ предъуставленные быть сообразными образу Сына Божія (Рим. 8, 29.) просвѣтятся, яко солнце, въ царствіи Отца ихъ (Мат. 13, 43).

Господи, благословивый намъ вступить во врата новаго года, научи насъ благодатію Твоею облекаться въ новаго, внутренняго, духовнаго человѣка, дабы жить Тебѣ, Богу нашему въ обновленіи жизни для славы Твоей, для блага ближнихъ и своего спасенія. Аминь.

СЛОВО 3.

Преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего (Римл. 12, 2.).

Св. Церковь, возвѣщая намъ новое лѣто Господне, вкупѣ возвѣщаетъ и о новыхъ къ намъ милостяхъ Господнихъ. Содержащій въ десницѣ Своей времена и лѣта, отверзая намъ врата новаго лѣта, и прилагая къ жизни нашей лѣта на лѣта, благоволитъ, чтобы мы еще посредѣ живыхъ повѣдали дѣла Его, посредѣ Церкви съ пѣснію восхваляли имя Его, еще наслаждались благами жизни и радостями взаимной любви и общенія о Господѣ. И тогда, какъ многіе изъ ближнихъ нашихъ, превосходившіе насъ и здравіемъ тѣла и крѣпостію душевныхъ силъ, уже изъяты изъ числа живыхъ, мы на землѣ живыхъ еще блюдемся благостію Божіею. Да

будетъ благословенъ Благословляющій насъ продолженіемъ жизни и благоотшшымъ теченіемъ ея!

Не говоря о благоотшшной жизни, которая непререкаемо есть благо на земли, жизнь, какова бы ни была по внѣшнему состоянію, сама по себѣ есть всегда великое благо. Жизнь наша по предназначенію ея есть насажденіе на землѣ для неба, въ продолженіи сѣяніе во времени для вѣчности, въ дѣйствіи развитіе духовныхъ силъ для истины и добра, возрастаніе въ вѣрѣ въ Бога и любви къ ближнимъ для принесенія плодовъ спасенія въ настоящемъ и блаженства въ будущемъ вѣкѣ. Во всякое время представляя множество необходимыхъ, полезныхъ, пріятныхъ предметовъ для нашей дѣятельности, жизнь наша въ своемъ теченіи должна составлять для насъ лѣствицу восхожденія въ совершенствѣ.

Если по несчастію въ минувшее время жизнь наша проходила среди опущеній, слабостей, нестроенія: то предстоящее время представляетъ намъ справедливый предметъ заботы о томъ, чтобы послѣдующею благо-

устроенною дѣятельностію, сколько возможно, загладить допущенные безпорядки; а хотя бы минувшая жизнь наша текла по видимому и не безъ дѣлъ, но если текла среди такихъ дѣлъ, которыя порабощали насъ нечистымъ стремленіямъ и похотямъ міра: то вступая въ предлежащее поприще, мы еще болѣе имѣемъ причинъ озаботиться спасительнымъ попеченіемъ о томъ, чтобы, свергнувъ съ себя иго господствующихъ надъ нами страстей, возбудить въ себѣ святую ревность — послѣдующее время жить не для угожденія похотямъ, но по волѣ Божіей и, шествуя стезею исправленія, преспѣвать въ устроеніи спасенія нашего. Съ такими расположеніями должны мы вступать въ отверзаемое намъ благостію Божіею новое лѣто.

Дабы пробавляющаго намъ милости свои продолженіемъ жизни Господа благодарить не словами, но дѣлами и самою жизнію,— во славу благоволившаго намъ вступить во врата новаго года, помыслимъ о томъ, чѣмъ можемъ достойно ознаменовать новое лѣто благости Божіей.

Мы должны ознаменовать новое лѣто чѣмъ

либо новымъ, чтобы отъ предшествовавшей послѣдующую жизнь нашу отличало явственными чертами; отличало внимательностію къ себѣ, благоустроенностію въ дѣлахъ, порядкомъ во всѣхъ отношеніяхъ, и показывало въ насъ не внѣшнюю только, но паче внутреннюю перемѣну сердца и дѣлъ.

При особенныхъ обстоятельствахъ, каково и наступленіе новаго года, мы обыкновенно спрашиваемъ тѣхъ, которые болѣе имѣютъ свѣденій о ходѣ общественныхъ и частныхъ пропзшествій и дѣлъ: нѣтъ ли чего новаго, особеннаго? Не будемъ осуждать въ себѣ склонности любовѣдѣнія; она естественна, и располагаетъ насъ къ пріобрѣтенію многихъ полезныхъ свѣдѣній? Но при этомъ любовѣдѣніи нельзя намъ похвалить въ себѣ того расположенія, по которому мы ищемъ новаго, особеннаго въ постороннихъ и часто вовсе къ намъ не принадлежащихъ пропзшествіяхъ, а въ самихъ себѣ не ищемъ, какъ будто бы у насъ самихъ уже вовсе ничего не бывало достойнаго вниманія. И правда, что у насъ нѣтъ ничего достойнаго вниманія, но нѣтъ отъ себя самихъ. Въ этомъ

случаѣ мы походимъ на тѣхъ искателей благъ, которые имѣя подлѣ себя сокровища, пускаются вдаль, и тогда какъ ничего не пріобрѣтаютъ вдали, оставляютъ безъ вниманія то, что вблизи, и теряютъ у себя собственное свое. И мы ищемъ новаго отъ другихъ, и въ другихъ, а не умѣемъ найти ничего такого у себя. Но если съ надлежащимъ вниманіемъ войдемъ въ себя, и во внутреннее свое состояніе: то найдемъ въ самихъ себѣ много такого, что можетъ содѣлаться для насъ источникомъ занятій новыхъ, особенныхъ. Этотъ непзчерпаемый источникъ новыхъ душеполезныхъ занятій есть, по Апостолу, *преобразованіе ума нашего*, или внутренняя перемѣна нашихъ мыслей и расположеній, а соотвѣтственно тому перемѣна и въ нашихъ словахъ и дѣлахъ. Чтобы могло быть въ насъ новѣе, занимательнѣе, если бы мы при помощи Божіей, начали въ себѣ перемѣну въ мысляхъ и расположеніяхъ, въ словахъ и дѣлахъ?

Наблюдая надъ собою, мы и сами не можемъ не примѣчать, каковъ обыкновенный образъ мыслей нашихъ, каково употребленіе

слова, каковы наши поступки и дѣйствія: мы обыкновенно мыслимъ безпорядочно, не полагаемъ мыслямъ нашимъ добраго основанія ни по отношенію къ порядку, чтобы мысли наши текли по направленію здраваго сужденія, ни по отношенію къ выбору предметовъ, чтобы онѣ обращены были прежде всего на предметы необходимые, душеспасительные, потомъ на предметы полезные, назидательные, на житейскія наши дѣла, обязанности, на благопріятное и неблагопріятное теченіе опыхъ, за тѣмъ уже на предметы пріятные, на тѣ удобства, которыми поддерживается взаимная наша пріязнь, выгоды, радости и утѣшенія.

При неблагоустроенности нашихъ мыслей и чувствованій, не благоустроенно и наше слово: взаимныя бесѣды и разглагольствія наши не растворяются духовною назидательностію, и — слово наше не озаряется лучемъ свѣта, рѣчь не орошается теплотою жизни; но большею частію бываетъ холодна, разсѣянна, а въ частномъ обращеніи часто необдуманна, жестока, уничиженна.

Когда же мы не управляемся здравымъ

разсужденіемъ и благимъ чувствомъ въ нашихъ мысляхъ, словахъ, то нѣтъ благочестивой настроенности и въ нашихъ дѣйствіяхъ, твердаго благоразумія въ нашихъ поступкахъ; мы въ жизни своей, подобно слабымъ ладіямъ, влаемся, какъ волнами, различными маловажными случаями, въ дѣлахъ нашихъ, какъ дѣти, увлекаемся всякимъ призракомъ льсти, и не устроенными поступками ясно доказываемъ неустроенность духа нашего.

Потому мы и не находимъ въ себѣ ничего новаго, достойнаго вниманія, что въ бытіи своемъ уподобляемся ветхимъ, удобопроникаемымъ отъ внѣшняго вѣтра домамъ, или и благовидным отвнѣ, но немѣющимъ никакой благоустроенности внутри.

Что же надлежитъ намъ дѣлать съ самими собою, чтобы истинно благоустрояться въ духѣ нашемъ, въ нашей жизни и дѣлахъ, благоустрояться, какъ домамъ Божіимъ, внѣшнею и внутреннею лѣпотою правоты и непорочности? *Преобразуйтеся*, увѣщаваетъ насъ Апостолъ именемъ щедротъ Божіихъ, показывая намъ путь къ внутреннему совер-

шенству, *преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего.* Это значитъ, что для истиннаго благоустройства намъ надлежитъ преобразоваться во всѣхъ силахъ духовнаго существа нашего, въ умѣ, сердцѣ, волѣ.

Умъ есть свѣтильникъ разумной природы нашей; сердце есть источникъ разумной въ насъ жизни; воля есть дѣятельная сила, которая осуществляетъ мысли нашего ума, приводитъ въ дѣйствіе чувствованія сердца. Какъ въ насъ свѣтитъ умъ, какую теплоту жизни имѣетъ сердце, съ какою силою дѣйствуетъ наша воля, такъ мы и мыслимъ и чувствуемъ, такъ располагаемся и дѣйствуемъ. Если умъ нашъ, разумное око души, постоянно обращенъ къ Богу, Творцу, Промыслителю и Спасителю нашему; если сердце наше во всѣхъ своихъ расположеніяхъ исполнено чистымъ стремленіемъ къ Нему; если воля наша предана въ послушаніе волѣ Божіей: тогда въ нашемъ маломъ мірѣ является свѣтъ истиннаго разумѣнія, является дыханіе живой вѣры въ Бога, теплота плодотворной любви къ ближнимъ, и открываются совокупно въ дѣятельномъ стремленіи слу-

жить Богу дѣлами благочестія, служить ближнимъ дѣлами благотворительности, совершать въ самихъ себѣ служеніе Богу чистотою и непорочностію.

Христіанинъ! Ты, который съ горестію чувствуешь грѣховное тлѣніе существа твоего и разстройство душевныхъ силъ твоихъ, ты многократно съ сокрушеніемъ обращался къ Богу о помощи, и самъ собиралъ силы твои, чтобы исторгнуться тебѣ изъ состоянія душепагубнаго тлѣнія и ходить въ обновленіи жизни,—*се время благопріятно.* Нынѣ съ пламенною молитвою обратись ко Господу, нынѣ утвердись въ рѣшимости начать въ себѣ постепенное исправленіе, и при помощи Божіей, положи начало къ внутреннему преобразованію твоихъ мыслей, расположеній, склонностей: перемѣни твой умъ, сердце и волю. Перемѣни умъ,—останови въ умѣ твоемъ мутное стремленіе мыслей неосновательныхъ, разтлѣнныхъ, и обрати въ чистый потокъ мыслей здравыхъ, назидательныхъ, благоговѣйныхъ, дабы умъ непрестанно мыслилъ не плотское, но Божественное, духовное. Перемѣни твое сердце,

изъ вмѣстилища, нечистыхъ пожеланій содѣлай оное сосудомъ благодатныхъ движеній Божественной любви, радости, умиленія, дабы не самолюбіе, а любовь къ Богу была началомъ расположеній твоего сердца. Перемѣни твою волю, отринувъ всякое своенравіе и самоугодіе, водвори въ душѣ твоей безусловную преданность въ волю Божію и благопослушаніе на всякое добро, дабы не свою волю, но волю Божію творить, и не себѣ угождать, но угождать ближнему во благо къ созиданію (Рим. 15, 2.).

Не легко произвести намъ внутреннюю перемѣну нашего ума, сердца, воли; не легко перемѣнить въ себѣ образъ мыслей, расположеній, дѣйствій. Духовное преобразованіе должно быть въ насъ дѣломъ цѣлой жизни, и требуетъ непрестанной мысленной борьбы, непрестанной брани, гдѣ помыслы ложные должны быть разсѣяваемы помышленіями здравыми, вожделѣнія похотныя преодолѣваемы чувствованіями богобоязненными, побужденія нечистыя расположеніями правыми, прилипки льстивыя размышленіемъ о предметахъ душеспасительныхъ. Не легокъ

таковый трудъ; онъ требуетъ непрестанной бодрственности, твердости, самоотверженія. За то если бы тщательнѣе занимались исправленіемъ себя, больше заботились о томъ, какъ со дня на день дѣлаться намъ лучше, совершеннѣе въ нашихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ: то не стали бы мы заниматься не въ свое время и не своимъ, не стали бы съ тщетнымъ любопытствомъ искать и спрашивать новостей отъ другихъ. По благости Божіей мы много бы имѣли достойнаго вниманія вокругъ самихъ себя и въ себѣ. Тогда отразить отъ себя нечистую мысль, преодолѣть въ себѣ преступное желаніе, обуздать пепстовое стремленіе было бы для насъ несравненно большимъ пріобрѣтеніемъ, нежели когда бы узнали новости всего свѣта.

И какая можетъ быть для насъ радостнѣе новость, какъ не та, когда бы мы при помощи Божіей, начали въ себѣ внутреннюю перемѣну, когда бы вмѣсто прежней мрачности нашего ума, нечистоты сердца, грѣховности воли, мысли наши стали свѣтлѣе, желанія чище, расположенія мирнѣе? Когда

бы вмѣсто слова не обдуманнаго, часто ни какимъ благодатнымъ чувствомъ неорошеннаго, стало исходить изъ устъ нашихъ слово, солію благоразсужденія и назиданія разтворенное; когда бы вмѣсто предпріятій неблагонамѣренныхъ, поступковъ легкомысленныхъ, дѣйствій неназидательныхъ, всѣ дѣйствія наши были одушевляемы вѣрою въ Бога, и любовію къ ближнимъ, очищаемы христіанскимъ самоотверженіемъ въ насъ самихъ: о, тогда узрѣли бы въ себѣ самихъ не земную новость, но узрѣли бы благодатное обновленіе ума, узрѣли бы благодатное преобразованіе *ветхаго человѣка въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 23. 24.)

Христіане! Вступимъ, при благословеніи Божіемъ, во врата новаго года съ твердымъ намѣреніемъ, начать въ самихъ себѣ внутренное преобразованіе, и съ рѣшимостію постепенно обновляться въ нашихъ мысляхъ, расположеніяхъ и дѣйствіяхъ. Какъ странники, шествующіе къ небу, не будемъ озираться вспять на дѣла темныя, но тѣснымъ

путемъ самоотверженія будемъ восходить отъ силы въ силу, дабы съ благодерзновеніемъ приближаться и къ предѣлу жизни нашей, и на самую смерть взирать, какъ на переходъ въ блаженную страну, гдѣ въ полной мѣрѣ будемъ возрастать во всѣхъ духовныхъ совершенствахъ.

Укрѣпимъ благодатною силою разслабленныя руки и разслабленныя колѣна, препоясшемъ чресла наши святою рѣшимостію жить для Бога: падшій да востанетъ, претыкающійся да утвердится въ шествіи, разсѣянный да соберется, учащійся да придетъ въ разумъ истины, преспѣвающій да течетъ къ почести вышняго званія, праведникъ паче да творитъ правду радуяся. Всѣ будемъ совершать дѣла Божіи со вниманіемъ, трезвенностію, съ сердечною преданностію въ волю Божію.

Всеблагій Господи, отверзшій намъ врата новаго лѣта, благослови благодатію Твоею входъ нашъ въ новое лѣто благости Твоея, огради насъ святыми Твоими Ангелами, наставн насъ Духомъ Твоимъ Святымъ на стезн правды, *да не ктому человѣческимъ по-*

хотемъ, но пресвятой волѣ Твоей *живемъ прочее время,* и благоугодно совершивъ временное поприще, сподобимся достигнуть новаго лѣта нескончаемой жизни въ вѣчномъ царствіи Твоемъ. Аминь.

СЛОВО 4.

Не сообразуйтеся вѣку сему: но преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего (Римл. 12, 2.).

Тогда какъ Господь обновляетъ для насъ время и пробавляетъ лѣта жизни нашей, вмѣстѣ съ тѣмъ, по благоутробію Своему, требуетъ отъ насъ и обновленія въ разумѣ и духовномъ чувствѣ. *Преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего.* Господь благоутробно требуетъ отъ насъ обновленія въ разумѣ, во всѣхъ чувствахъ и расположеніяхъ душевныхъ, — дабы не только между нами юные и цвѣтущіе крѣпостію, но и примѣтно къ лѣтамъ старости наклоняющіеся не ослабѣвали, не ветшали, но съ продолженіемъ времени обновлялись орлею юностію. Жизнь есть великое благо, есть основа и настоящихъ и будущихъ благъ: потому и про-

долженіе жизни есть великое благодѣяніе Божіе.

Но истинная жизнь есть правильное употребленіе силъ и способностей на дѣла благодатнаго нашего званія — Христіанъ, возстановляемыхъ благодатію Христовою. Посему и продолженіе жизни надлежитъ намъ знаменовать дѣлами, достойными Подателя благодатной жизни, которыя, низводя на насъ благословеніе Божіе, могутъ составлять залогъ истиннаго обновленія нашихъ силъ и благоустроенія жизни.

Но обольщаемые крѣпостію тѣлесныхъ силъ, спокойнымъ теченіемъ внѣшнихъ дѣлъ, обратившимся въ привычку образомъ мыслей и житейскихъ занятій, мы и самыя знаменательныя времена нашей жизни, безъ всякаго вниманія оставляемъ на произволъ теченія обстоятельствъ, обычаевъ, страстей. Отъ того въ нашей жизни и не примѣтно никакой особенной перемѣны на лучшее. Видны только тѣже слабости и пристрастія. Потому слово Божіе, извлекая насъ изъ суетнаго житейскаго круговращенія, особенно въ благовѣстіи новаго лѣта, когда всевидя-

щій Зритель дѣяній нашихъ ожидаетъ отъ насъ перемѣны на лучшее, громко взываетъ въ слухъ сердецъ нашихъ: *не сообразуйтеся вѣку сему: но преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего.* И сколько побужденій къ тому, чтобы намъ въ дальнѣйшей жизни чрезъ отверженіе грѣховнаго сообразованія съ міромъ, постепенно преобразовываться обновленіемъ жизни нашей?

Не сообразуйтеся вѣку сему.

Что такое есть вѣкъ сей? Вѣкъ сей вообще есть наше житейское состояніе въ семъ вѣкѣ, со всѣми его потребностями, То, что мы пріобрѣтаемъ нужное для жизни, покупаемъ, продаемъ, строимъ, совершаемъ дѣла званія нашего, упражняемся въ рукодѣліи, искусствахъ, наукахъ, все это есть образъ міра, дѣла вѣка сего. Этотъ образъ преходитъ, такъ же какъ и мы раждаемся и умираемъ. Но онъ самъ по себѣ необходимъ, какъ необходимо намъ поддерживать бытіе пищею, снабдевать жизнь нужными потребностями, сообразно нашему состоянію, на-

шимъ дѣламъ и обязанностямъ. И не только нужды жизни, но и самыя утѣшенія, по приличію нашихъ отношеній, составляютъ потребность земнаго бытія нашего, и сами по себѣ невинны, если употребляются въ должной мѣрѣ, въ свое время, надлежащимъ образомъ. Настоящая мѣра употребленія житейскихъ благъ, по Апостолу, такова, что имѣя пищу и одѣяніе, имѣя нужное для жизни, благоприличное для нашего состоянія, *сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8.). Такъ и употребляютъ временныя блага сущіе въ мірѣ, не сущіе отъ міра.

Не таковъ общій правъ вѣка сего. Люди, ища болѣе чувственныхъ наслажденій, и занимаясь устроеніемъ выгодъ внѣшняго состоянія, тщательно удовлетворяютъ всѣмъ житейскимъ потребностямъ, а о высшихъ потребностяхъ духа заботятся мало, о благоустроеніи внутренняго состоянія своего не брегутъ, о послѣдующей участи за сею жизнію забываютъ. Посему слово Божіе, сіяя въ мірѣ, какъ свѣтильникъ въ темномъ мѣстѣ, вопіетъ намъ высокимъ проповѣданіемъ богодухновенныхъ учителей: *не сообразуйте-*

ся вѣку сему. Живите въ мірѣ, но не будьте отъ міра; пріобрѣтайте блага жизни, но не прилѣпляйте къ нимъ сердецъ, не отметайте приходящихъ правымъ путемъ чести и преимуществъ, но *ищите прежде царствія Божія и правды Его* (Мат. 6, 33.), ищите прежде славы, яже отъ Бога (Іоан. 5, 44.); благоугождая паче всего Богу, будьте ради Бога слугами и человѣковъ; но ни кому не угождайте во истлѣніе рабствомъ грѣха, искореняйте и въ себѣ и въ другихъ предразсудки, старайтесь быть выше людскихъ мнѣній, не страшитесь огорчить человѣческую суетность ради угожденія Богу, и чистоты собственнаго сердца; умѣйте такъ проходить среди разнообразныхъ сѣтей искушеній и соблазновъ міра, какъ благоразумные путешественники умѣютъ проходить безвредно мѣстами трудными и опасными, вооружайтесь противу опасностей мужествомъ, противу трудностей терпѣніемъ, противу обольщеній безостановочнымъ, поспѣшнымъ удаленіемъ. *Не сообразуйтеся вѣку сему.*

Но преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего,—преобразуйтесь обновленіемъ ума, серд-

па, духа. *Преобразуйтеся обновленіемъ ума:* отвлекайте умъ вашъ отъ помысловъ самолюбивыхъ, пристрастныхъ, разсѣянныхъ, но устремляйте помышленіе ваше на то, что истинно, что честно, что праведно, что пречисто, что прелюбезно, что доброхвально, что составляетъ добродѣтель и похвалу (Фил. 4, 8.). *Преобразуйтеся обновленіемъ сердца:* испытывайте прилѣжно при всѣхъ начинаніяхъ ваше сердце и совѣсть, воля ли Божія, благая и совершенная управляетъ вами, дабы не свою исполнять волю, но волю Божію, и не то творить, что угодно намъ, но что угодно творить съ нами и чрезъ насъ Господу; *преобразуйтеся обновленіемъ духа:* мудрствуйте горняя, а не земная, занимайтесь не тѣмъ, что льститъ вашей суетности, услаждаетъ вашу чувственность, но что составляетъ существенную пользу вашу и относится къ истинному совершенству душъ вашихъ. Таковаго требуетъ отъ насъ преобразованія слово Божіе. *Не сообразуйтеся вѣку сему, но преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего.*

Если мы внимательны и къ самому тече-

нію времени и порядку естественныхъ вещей: то увидимъ, что и все окружающее представляетъ намъ явственныя напоминанія о духовномъ преобразованіи. Образъ времени и вещей представляетъ намъ непрестанную перемѣнчивость. Мы видимъ, что день преемствуется нощію, нощь днемъ, времена года одно за другимъ смѣняются въ явленіяхъ и дѣйствіяхъ своихъ. Мы сами отъ юности до старости живемъ среди непрестанныхъ перемѣнъ. Что эта перемѣнчивость вѣщаетъ намъ? Вѣщаетъ то, чтобы мы не плѣнялись красотою, которая есть цвѣтъ скороувядающій, не надѣялись на силу, которая есть злакъ, скоро изсыхающій, не уповали на богатство, которое есть украшеніе внѣшнее, не относящееся къ существу нашему; не хвалились и мудростію, которая безъ вѣденія Бога есть неразуміе. Такъ — преходящій образъ міра научаетъ насъ чрезъ отверженіе тлѣнныхъ благъ міра духовно преобразовываться. Но и въ самой перемѣнчивости вещей мы видимъ образы постоянства. Каждый день приноситъ съ собою свѣтъ для нашей жизни и дѣлъ; каждая ночь

приноситъ намъ упокоеніе отъ дневнаго волненія и трудовъ. И въ теченіи цѣлаго года, какъ великаго дня, зима, какъ ночь, представляетъ покой вещественной природы, весна, какъ утро, пробуждаетъ твари къ дѣятельности, лѣто, какъ полдень, приводитъ силы всѣхъ существъ въ благоплодное дѣйствіе, осень, какъ вечеръ, являетъ плоды предшествовавшаго дѣланія. Что среди самой премѣнчивости вещей вѣщаетъ намъ этотъ постоянный порядокъ времени, это единообразное явленіе силъ и дѣйствій? Вѣщаетъ то, чтобы и мы, въ теченіи жизни нашей различными возрастами, какъ степенями, восходя отъ совершенства къ совершенству, не смотря на окружающую насъ премѣнчивость вещей, въ нашемъ умѣ, сердцѣ, духѣ, непзмѣнно держались единой Божественной истины, добра, совершенства, каковыхъ требуетъ слово Божіе, благо ближнихъ и благодатное наше назначеніе — содѣлывать спасеніе наше во времени для вѣчности. Такъ порядокъ времени и вещей научаетъ насъ благоустроенному порядку жизни и дѣлъ!

Что же преднапишетъ къ духовному нашему умудренію вкупѣ и премѣнчивость образа міра и въ премѣнчивости единообразный порядокъ силъ и дѣйствій? Преднапишетъ то, что мы здѣсь только начинаемъ предуготовительное образованіе, полагаемъ только начатки жизни. Достойная своего наименованія жизнь, и достойная жизни дѣятельность должна начаться за предѣлами сей жизни, въ другомъ мірѣ и порядкѣ вещей. А потому, взыскуя здѣсь одно постоянное, правое, благоугодное, все прочее престающее, преходящее должны употреблять по требованію воли Божіей, сообразно съ пользою ближнихъ, какъ средство для цѣли, и оставляя позади себя, стремленіемъ духа нашего неуклонно простираться впередъ, къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ.

Вотъ что вѣщаетъ намъ гласъ благовѣстія новаго лѣта, глаголъ коего нынѣ слышится во всей вселенной. Вонмемъ, и положимъ въ сердцахъ нашихъ священную заботу, по возможности, преобразовываться духовно въ жизни и дѣлахъ нашихъ. Простые, изъ са-

маго обыкновеннаго порядка дней и ночей, приносящихъ намъ свѣтъ и покой, да научатся благоустроенному порядку жизни и дѣлъ. Мудрые, вѣдая, что всѣ дѣла Божіи истинны и благи, также какъ и заповѣди Божіи суть миръ и животъ, да ревнуютъ умудряться во спасеніе свое и другихъ благоплодіемъ дѣлъ. Подчиненные, уподобляясь въ дѣйствіяхъ своихъ землѣ, пріемлющей и свѣтъ и теплоту и орошеніе свыше отъ благотворнаго дѣйствія небесныхъ свѣтилъ, да совершаютъ дѣла званія своего въ благопослушаніи благодѣтельному направленію власти, совокупляющей разнообразныя силы и дѣйствія къ единому общему благу, Начальствующіе, какъ руководящія свѣтила, да направляютъ врученныхъ имъ путемъ общеполезной дѣятельности. Для сего преимущественно начальствующіе, какъ свѣтила, да сіяютъ свѣтомъ разума, и благотворительными дѣйствіями, какъ совокупностію свѣта и теплоты, блюдя чистоту нравовъ, разсѣявая мракъ пороковъ и суевѣрія, въ возможной мѣрѣ да тщатся добрыми дѣлами свѣтить для прочихъ во славу Божію, по оному

слову Спасителя, особенно къ начальствующимъ относящемуся: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла: и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Мат. 5, 16).

Господи! отверзи намъ благостію Твоею новый годъ. Благослови наше вхожденіе въ оный благопоспѣшествомъ. Впечатлѣй въ насъ святую заботу о томъ, чтобы съ наступленіемъ новаго года тщиться намъ оставлять прежнія пристрастія, вовлекающія насъ въ душетлѣнное сообразованіе съ міромъ, и постепенно преобразовываться умомъ для познанія истины, сердцемъ для дѣланія добра, духомъ для благоугожденія Тебѣ, — Богу нашему, и для служенія ближнимъ нашимъ въ истинномъ духѣ вѣры и любви. Аминь.

СЛОВО 5.

Блюдите, како опасно, ходите нелкоже не мудри, но якоже премудри: — искупующе время, яко дніе лукави суть (Еф. 5, 15. 16).

Такъ святый Апостолъ Павелъ научаетъ насъ благоразумно пользоваться временемъ, — не употреблять время на дѣла вредныя и даже безполезныя, но на угожденіе Богу и на устроеніе спасенія нашего. Поступайте во всемъ внимательно, дѣйствуйте осмотрительно, живите благоразумно, какъ свойственно разсудительнымъ; — особенно покажите мудрость и благоразуміе ваше въ томъ, чтобы всемѣрно *искупать*, неопустительно употреблять время на преуспѣяніе въ добрѣ. *Яко дніе лукави суть*, потому что дни, изъ которыхъ слагается время жизни нашей, *лукавы*, — обманчивы, скоротечны, текутъ быстро, неудержимо.

Въ самомъ дѣлѣ время течетъ быстро и непримѣтно. Въ отрочествѣ проходитъ у насъ время почти безъ сознанія; въ юности течетъ, какъ быстрый потокъ, по долинамъ и цвѣтущимъ лугамъ молодости нашей течетъ при живости воображенія, при обиліи силъ, при разнообразіи надеждъ быстро, течетъ среди жаркихъ порывовъ дѣятельности, равно какъ мечтательныхъ видовъ счастливой будущности непримѣтно; и въ зрѣлыхъ лѣтахъ мужества, то среди дѣлъ и занятій, то среди утѣхъ и удовольствій, то среди новыхъ надеждъ и чаяній время быстро течетъ и непримѣтно уноситъ у насъ съ лѣтами силы и для обыкновенной, житейской, а еще болѣе для духовной дѣятельности, и слабыхъ силами, скудныхъ благими пріобрѣтеніями, какъ разбитыхъ отъ житейскихъ треволненій, стремительно приближаетъ къ смерти съ одними поврежденіями, разстройствомъ, потерями.

Такъ, время обманчиво, или справедливѣе обманчивы наши надежды на продолжительность нашей жизни и на лучшую будущность, что въ дальнѣйшей жизни нашей мы

будемъ благоразумнѣе и добродѣтельнѣе, счастливѣе и успѣшнѣе; напротивъ съ теченіемъ жизни ослабѣвая въ духовной дѣятельности, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ мѣрахъ благоразумія, а часто теряя и то добро, которое имѣли, мы естественно не дѣлаемся ни счастливѣе, ни успѣшнѣе, находимся еще въ великой опасности, чтобы, оставляя жизнь нашу, какъ ветхую ладью, плыть безъ кормила мудрости и благочестія по произволу страстей, при преклонности лѣтъ, ослабѣвая и въ добрыхъ качествахъ, вдругъ не быть застигнутыми смертію съ бременемъ множества грѣховъ и не низринуться въ бездну невозвратной погибели.

Нынѣ, при окончаніи минувшаго и наступленіи новаго года, стоя какъ на стремнинѣ времени, которое многихъ возвело, какъ на гору, въ цвѣтущія лѣта крѣпости, а многихъ изъ насъ низвело, какъ въ долину въ преклонныя лѣта старости, въ ознаменованіе новаго лѣта, а паче благодарности нашей къ преблагому Господу, благословляющему насъ продолженіемъ жизни для нашего спасенія, остановимся съ священною заботою размы-

шленіемъ на томъ, сколь необходимо намъ неопустительно пользоваться настоящимъ временемъ для истиннаго нашего блага и спасенія.

Будемъ неопустительно пользоваться настоящимъ временемъ для благоугожденія Богу, во спасеніе свое и ближнихъ. Собственно намъ принадлежитъ одно настоящее; минувшее уже не въ нашей власти; въ будущемъ живемъ одними надеждами, въ существѣ своемъ оно намъ непзвѣстно: одно настоящее состоитъ въ нашемъ распоряженіи; мы собственно живемъ въ одномъ настоящемъ: мыслимъ, чувствуемъ, наслаждаемся, страдаемъ, предпринимаемъ, дѣйствуемъ. Почему настоящее время и должно намъ неопустительно употреблять для добрыхъ дѣлъ; для выполненія долга земнаго и небеснаго званія нашего. И поелику время течетъ, какъ быстрый потокъ, непрерывно, вмѣстѣ съ нимъ и жизнь наша протекаетъ невозвратно: то по причинѣ этой быстротечности времени и невозратности жизни и надлежитъ намъ неопустительно пользоваться настоящимъ временемъ для возможнаго добра.

Приближимъ это къ нашему понятію и чувству чрезъ подобіе. Жизнь наша въ ея продолженіи подобна книгѣ. Сія книга, по несчастію, выходящая уже не бѣлою, исписывается въ ея страницахъ, листахъ, отдѣленіяхъ, частяхъ, т. е. въ дняхъ, годахъ, возрастахъ, лѣтахъ, нашими дѣйствіями худыми и добрыми, исписывается, какъ письменами свѣтлыми и темными. По грѣховнымъ слабостямъ нашимъ проживемъ день худо, напишемъ страницу жизни нашей неправильно, темно; по благодати Божіей, проживемъ день хорошо, напишемъ страницу жизни нашей правильно, ясно. Проведемъ время въ небреженіи, въ праздности, въ бездѣйствіи, въ опущеніяхъ, оставимъ въ книгѣ жизни нашей мрачные пропуски, безобразную пустоту; расточимъ время въ разсѣяніи, въ похотяхъ, въ забвеніи себя, въ удаленіи отъ Бога, проведемъ въ книгѣ жизни темныя черты, впишемъ рыданіе, жалость горе (Іез. 2, 10).

Но замѣтимъ самое главное, что мы можемъ только продолжать книгу жизни нашей впередъ; а протекшее возвратить, — прожи-

тое исправить, сдѣланное вновь перемѣнить въ самой книгѣ дѣлъ нашихъ сами собою никоимъ образомъ не можемъ. Время прожитое, прошедшее, также какъ все сдѣланное, допущенное и съ временемъ протекшее выходитъ изъ предѣловъ власти нашей. Прожитое время на всегда невозвратно закрывается для насъ въ книгѣ жизни. Что прошло, невозвратимо: сдѣланное добро остается добромъ, и сдѣланное зло остается зломъ, остается въ жизни нашей темнымъ пятномъ порока, обличеніемъ нашего паденія, приговоромъ осужденія.

Сдѣланное зло собственно можетъ быть изглажено въ книгѣ жизни нашей только рукою благости Содержащаго въ десницѣ своей все прошедшее, какъ настоящее, и парящающаго не сущее, какъ сущее.

Подумаемъ же: если каждое наше опущеніе долга, наше небреженіе, допущенныя въ дѣлѣ спасенія, составляютъ мрачный пропускъ, пустоту въ книгѣ жизни нашей; и не говоря уже о порочныхъ дѣлахъ, которыя суть совершенное рукописаніе осужденія и смерти, если каждое нечистое желаніе, по-

мышленіе, расположеніе, волнующія духъ нашъ и возмущающія спокойствіе совѣсти, суть тоже, что вписаніе въ книгу жизни нашей скорби, рыданія, осужденія: то можно ли намъ на пути жизни быть безпечными въ употребленіи времени, когда дѣлами во времени мы должны пріобрѣсть или потерять блаженную вѣчность? Не должны ли всѣми мѣрами употреблять настоящее время на возможное добро, какое только по состоянію и званію нашему мы въ силахъ сдѣлать и совершить? Тѣмъ паче можно ли губить драгоцѣнное время на суетныя удовольствія, на минутныя забавы, которыми только губимъ себя и души свои?

Однакожь какъ мы употребляемъ драгоцѣнное время, данное намъ для пріобрѣтенія вѣчности? Окруженные суетою земныхъ дѣлъ, разнообразіемъ житейскихъ перемѣнъ, увлекаемые потокомъ заботъ, лестію мірскихъ удовольствій, мы большею частію во зло употребляемъ самое лучшее время жизни: занимаемся корыстными пріобрѣтеніями, гнимся за наслажденіями, влаемся, какъ вол-

ны, въ морѣ, ничему истинному и доброму основательно не хотимъ выучиться, ничего твердо для будущаго не пріобрѣтаемъ, ничего искренно для спасенія не созидаемъ. Чѣмъ же мы обезпечиваемъ себя въ этомъ страшномъ злоупотребленіи драгоцѣннаго времени нашей жизни, нашихъ силъ, дѣлъ спасенія? Обезпечиваемъ надеждою на будущее, что когда пройдетъ юность и съ нею пылкость страстей, когда померкнетъ въ глазахъ нашихъ лесть житейская: тогда мы успѣемъ погубленное исправить, потерянное возвратить, опущенное вознаградить. Тщетное чаяніе! Опущенное, потерянное, погубленное время мы никакъ не можемъ возвратить. Это можетъ быть только прикрыто благодатію, восполнено милосердіемъ Того, который оставляетъ намъ долги наши, прощаетъ грѣхи и прегрѣшенія наши, если мы истинно въ содѣланныхъ нами лютыхъ покаемся. Намъ самимъ никакъ не позволено успокоивать грѣховную безпечность свою будущимъ, а всѣми мѣрами, какъ вѣрнымъ рабамъ, повелѣно въ бодрственности дѣлать порученныя намъ дѣла въ непрестанномъ ожиданіи при-

шествія Господа нашего для востребованія отъ насъ отчета въ дѣлахъ нашихъ.

Вотъ—какъ самъ Спаситель выражаетъ Божественное попеченіе свое о неопустительномъ совершеніи дѣлъ, возложенныхъ на Него отъ Отца небеснаго· *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла Пославшаіо Мя, дондеже день есть* (Іоан. 9, 4). Кольми паче такое попеченіе во всей силѣ требуется отъ насъ, — маловременныхъ человѣковъ, чтобы совершать дѣла возложенныя на насъ Богомъ, неопустительно дѣлать доколѣ *день есть;* доколѣ мы пользуемся крѣпкими силами, благопріятными обстоятельствами, удобствомъ способовъ и средствъ. *Пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати;* пріидетъ нощь,—мы ослабѣемъ въ силахъ, насъ постигнутъ тяжкія предсмертныя болѣзни, изъ дрожащихъ рукъ выпадутъ всѣ способы къ дѣйствованію. И что если вся наша дѣятельность остановится на суетномъ, на нечистомъ, на порочномъ, на богопротивномъ? Тогда что будетъ съ нами? Какая участь ожидаетъ насъ?

Не только обѣщать себѣ съ грѣховною безпечностію долгожизненность, намъ не поз-

волено *хвалиться* даже о *утріи*, непозволено надѣяться на слѣдующій день и самонадѣянно напередъ усвоять себѣ оный. *Не хвалися о утріи*, говоритъ мудрый, *невѣси бо, что родитъ находяй день* (Притч. 27, 1). Не надѣйся на утро, ты не знаешь, будешь ли также здоровъ, благополученъ, способенъ исполнять дѣла свои, какъ нынѣ? Не сдѣлаешься ли немощенъ, болѣнъ? Не потеряешь ли свое достояніе и достоинство? Не встрѣтишь ли даже смерти и неостанешься ли только тлѣнною твоею частію въ твоемъ домѣ, среди твоихъ ближнихъ? *Не вѣси, что родитъ находяй день.*

Послушайте, *вы*, обличаетъ Апостолъ Іаковъ тѣхъ, которые въ мечтательномъ самонадѣяніи располагаютъ будущимъ, *послушайте:* вотъ, вы говорите: *днесь или утрь пойдемъ въ онъ градъ, и сотворимъ ту лѣто едино, и куплю дѣемъ и пріобрѣтеніе;* это говорите вы, которые не знаете, что завтра случится: *кая бо жизнь ваша? Пара, иже вмалѣ является, потомъ же изчезаетъ* (Іак. 4, 13. 14). Такъ и мы вмѣсто того, чтобы говорить о будущемъ: если угодно будетъ Господу,

и живы будемъ, тогда сдѣлаемъ то и другое, мы безразсудно надѣемся на будущее, а настоящее въ молвѣ житейской и въ несмысленныхъ похотяхъ расточаемъ и губимъ.

Будемъ надѣяться и на будущее, но со страхомъ и трепетомъ, единственно въ вѣрѣ и упованіи на Бога и усвоять себѣ оное добрымъ употребленіемъ настоящаго; особенно добрымъ употребленіемъ настоящаго стараясь, сколько возможно, вознаградить сдѣланныя опущенія и потери въ прошедшемъ, будемъ въ неослабномъ попеченіи, въ трезвеніи и бодрственности содѣлывать со страхомъ спасеніе наше, всего болѣе бояся нашей грѣховной безпечности: *да некогда отягчаютъ сердца наша объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на насъ внезапу день той* (Лук. 21, 34). *Дондеже время имамы, да дѣлаемъ благое ко всѣмъ. Доброе же творя, да не изнемогаемъ: во время бо свое пожнемъ, если не ослабѣемъ* (Гал. 6, 9. 10). Аминь.

СЛОВО 6.

ВЪ ДЕНЬ НОВАГО ГОДА.

Скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моихъ, кое есть, да разумѣю, что лишаюся азъ? (Псал. 38, 5).

И когда нужнѣе, какъ не при вступленіи въ новый годъ, каждому изъ насъ просить Господа о явленіи такой милости, чтобы путями, для премудрости Его извѣстными, для ограниченности нашей понятными, благоволилъ сказать, далеко ли отъ насъ тотъ крайній предѣлъ, коимъ должно кончиться земное наше шествіе, и сколько у каждаго остается въ жизни дней, которые можно назвать собственно днями, — днями по крѣпости лѣтъ, по благоуспѣшному теченію дѣлъ, по общеполезному употребленію силъ, а на-

че по благоугодному хожденію предъ Господомъ? *Скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моихъ, кое есть, да разумѣю, что лишаюся азъ?*

Если бы благоугодно было Господу явить намъ продолженіе жизни и кончину нашу, хотя бы въ слабомъ мерцаніи, хотя бы какъ чрезъ тусклое стекло, то изъ Божественнаго извѣщенія о неизвѣстной будущности могли бы мы видѣть, сколько впереди у насъ въ жизни есть свѣтлыхъ, утѣшительныхъ, благоуспѣшныхъ дней, и сколько дней скорби и немощей, дней блужданія и неразумія, дней преткновеній и паденій, которые, какъ дни потерянные, составляютъ въ свиткѣ жизни нашей пустоту, лишеніе, мракъ, въ порядкѣ дѣлъ разстройство, безчиніе, господство зла, отсутствіе добра. Если уже то, что прошло, невозвратимо, потому и опущенное въ протекшей жизни добро и допущенное зло для насъ также невозвратимы; по крайней мѣрѣ теперь, когда бы увидѣли впередъ какъ пойдетъ дальнѣйшій путь жизни нашей, мы могли бы, сколько отъ насъ зависитъ,

предотвратить, устранить угрожающее намъ зло преткновеній и паденій.

Вступивъ, по благодати Божіей, въ новое поприще года, мы нынѣ смотримъ и назадъ, что за собою оставили, смотримъ и около себя, что обрѣтается вокругъ насъ, смотримъ надеждою и вдаль, что ожидаетъ насъ впередъ. Посему нынѣ, когда во свѣтѣ лица Божія со всею духовною разсудительностію можемъ разчитать всѣ истинныя пріобрѣтенія и всѣ существенныя потери нашей жизни, всего нужнѣе каждому изъ насъ съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами взывать ко Господу: *скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моихъ, кое есть, да разумѣю, что лишаюся азъ,* — взывать молитвенно о вразумленіи насъ въ путяхъ жизни нашей, какъ намъ, при неизвѣстности будущаго, проводить послѣдующее время для спасенія.

Не дерзновенно ли для насъ съ псалмопѣвцемъ спрашивать у Господа о послѣдующемъ теченіи нашей жизни, что будетъ съ нами впередъ, когда намъ не позволено разчитывать времена и сроки? *Нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта,* говоритъ Спаситель,

яже Отецъ положи во своей власти (Дѣян. 1, 7). Спаситель не позволяетъ намъ входить любопспытаніемъ въ будущее, которое, не касаясь насъ и выходя за предѣлы нашего разумѣнія, относится до отдаленныхъ событій міра и участи рода человѣческаго. Напротивъ даже упрекаетъ насъ за невнимательность къ теченію времени и обстоятельствъ, которыя ближайшимъ образомъ относятся къ благоустроенію и временной и вѣчной участи нашей.

Вечеру бывшу, говоритъ Спаситель, *вы говорите, будетъ ведро; чермнуетбо ся небо,*— потому что небо красно; *и поутру, сего дня ненастье, потому что небо багрово. Лицемѣри*, упрекаетъ нынѣ и насъ, какъ упрекалъ нѣкогда Фарисеевъ, *лицемѣри! лице небесе умѣете разсуждати, знаменій же временомъ не можете искусити,*—разумѣть нестараетесь (Мат. 16, 3). Въ самомъ дѣлѣ, сколь многіе изъ насъ умѣютъ распознавать лице неба, умѣютъ по опытамъ наблюденій предугадывать продолженіе и перемѣны погодъ! Итакъ мы внимательны къ наблюденію воздушныхъ перемѣнъ; а знаменій такихъ перемѣнъ, по ко-

торымъ распознается необходимѣйшее для нашей жизни благорастворе́ніе, составляющее свѣтлость нашего ума, теплоту сердца, ясность чувствованій, живость всѣхъ душевныхъ расположеній, или неблагорастворе́ніе, составляющее вовсе противное состояніе, такихъ знаменій ненаблюдаемъ, неиспытываемъ, непознаемъ. Что для насъ всего ближе и необходимѣе, тому бы надлежало быть всего понятнѣе, примѣтнѣе. Посему и знаменія, относящіяся къ разпознанію благосостоянія нашего малаго міра, — нашей жизни и дѣйствій, благорастворенъ ли душевный воздухъ нашъ, ясно ли свѣтитъ свѣтильникъ ума нашего, исходитъ ли благодатная теплота изъ сердца, ощущаемъ ли въ себѣ вѣяніе жизни вѣры и благочестія, любви и упованія. посему крѣпко ли бытіе наше, или оно, какъ зданіе на пескѣ, отъ вѣтровъ страстей колеблется и отъ волнъ житейскихъ суетностей сокрушается, знаменія всего сего должны быть для насъ столько же ясны, ощутительны, сколько ясно то, что мы живемъ, движемся, существуемъ.

Но и солнце помрачается и небо потря-

сается и земля колеблется. Что же сказать о бренной храминѣ бытія нашего, которая подвержена непрестаннымъ и внѣшнимъ потрясеніямъ и внутреннимъ возмущеніямъ до того, что мы часто, имѣя очи, невидимъ, имѣя уши, неслышимъ, сердцемъ неразумѣемъ, и забывая себя, не разсуждая о пути, по которому идемъ, и куда идемъ, ходимъ и днемъ, какъ ночью, и въ самой полдень претыкаемся и падаемъ? Потому то богодухновенный Царь Давидъ, чувствуя въ постигавшихъ его немощахъ нужду въ помощи свыше, проситъ, и примѣромъ своимъ каждаго изъ насъ научаетъ просить у Бога просвѣщенія противу облежащаго мрака: *просвѣти очи мои, да некогда усну въ смерть* (Псал. 12, 4), и наставленія на правый путь: *наставн мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истинѣ Твоей* (85, 11); даже съ дѣтскою простотою проситъ, какъ слышали, извѣщенія о числѣ дней жизни, и самой кончинѣ: *скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моихъ, кое есть, да разумѣю, что лишаюся азъ.*

Что же? Пророческаго ли откровенія о

послѣдующей жизни просить себѣ, а вмѣстѣ и намъ Псалмопѣвецъ, чтобы продолженіе жизни было показано намъ какъ стезя, далеко видимая съ высоты во всѣхъ ея направленіяхъ по юдолямъ и холмамъ, по мѣстамъ гладкимъ и острымъ до самаго предѣла, котораго никто же прейдетъ? Не такого просить себѣ и намъ Пророкъ извѣщенія; это значило бы просить, чтобы отверста была намъ книга судебъ.

Чтобы намъ предъявлена была стезя послующей жизни, это съ состояніемъ нашимъ не совмѣстно и для насъ не полезно, даже вредно. Не совмѣстно съ состояніемъ нашимъ. Вотъ наше земное состояніе, по изображенію самаго Спасителя: *яко же человѣкъ отходя оставль домъ свой, и давъ рабомъ своимъ власть, и комуждо дѣло свое, и вратарю повель, да бдитъ* (Мар. 13, 34). Домовладыка есть Богъ, домъ есть міръ и жизнь наша, рабы—всѣ мы, порученное намъ дѣло—должности нашего состоянія и званія, вратарь—есть бдительность въ вѣрномъ исполненіи даннаго каждому дѣла. *Бдите*, присовокупляетъ Спаситель, *невѣсте бо, когда*

осподь дому пріидетъ, вечеръ, или полунощи, или въ пѣтлоглашеніе, или утро: да не пришедъ внезапу, обрящетъ вы спящя. А яже вамъ глаголю, всѣмъ глаголю: бдите (Мар. 13, 35 — 37). Нашъ долгъ, — какъ рабовъ, — есть дѣлать, бодрствовать, въ терпѣніи ожидать пришествія Домовладыки и ожидать особенно въ ночное время, особенно среди скорбей, среди трудностей и тогда, когда другіе предаются сну или разсѣянности. Намъ не сказано, когда Господь придетъ къ намъ. Только дано замѣтить, что приходъ Его долженъ быть внезапно (Матѳ. 24, 50), что для срѣтенія Его нужны свѣтильники, свѣщи, нужна бодрственность, что мудрые благовременно встрѣчаютъ Его, а буіи, долго непробуждаясь, приходятъ поздно, приходятъ уже къ заключеннымъ дверямъ. Отселѣ слава и мудрому Домувладыкѣ, честь и вѣрному рабу, когда Домувладыка приходитъ въ полунощи и находитъ вѣрнаго раба своего бодрствующимъ, готовымъ и ожидающимъ Его. О наградѣ нечего и говорить. Но какой тотъ рабъ, какой служитель, какой приставникъ, которому непрестаютъ твердить, что госпо-

динъ идетъ, господинъ приближается, господинъ уже при дверяхъ, а онъ спитъ, не пробудился, или и пробудился, но не готовъ, неисправенъ, разстроенъ, окруженъ безпорядками, безчиніемъ. Увы, лѣнивый рабъ! *пріидетъ господинъ раба того въ день, въ онъже не чаетъ, и въ часъ, въ онъ же невѣсть: И растешетъ его полма, и часть его съ невѣрными положитъ: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ* (Матѳ. 24, 50. 51). Итакъ наше состояніе, какъ вѣрныхъ, тщательныхъ, благоразумныхъ рабовъ, не то, чтобы знать время пришествія къ намъ Господа, а то, чтобы быть всегда готовыми къ срѣтенію Господа во всякое время.

Знать о времени кончины нашей, о времени пришествія къ намъ Господа было бы для насъ не полезно, даже вредно. Это къ несчастію доказываютъ многіе, нами самими видимые, печальные примѣры велегласно вразумляемой, и невразумляющейся безпечности. Не возвѣщаетъ ли иному лютая болѣзнь, медленно, но ощутительно поядающая и силы и цѣлость тѣлеснаго состава, не возвѣщаетъ ли, что страждущему пора вразумиться, по-

ра бросить губящую его привычку, пора обратиться къ Богу? Страждущій самъ день отъ дня болѣе чувствуетъ приближеніе смерти, чувствуетъ, и однакожъ живетъ также, какъ прежде. Не говоритъ ли тлѣющему отъ огня сладострастія, отъ огня піянства собственный его страшный опытъ, что тлетворный огонь сожжетъ его? Невоздержный самъ чувствуетъ, что сгараетъ, и однакожъ потребляющаго его пламени не потушаетъ. Что и въ вѣдѣніи безъ дѣйствія? Одна пагуба. Чего же проситъ Пророкъ и себѣ и намъ, когда съ такою силою вопіетъ ко Господу: *скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моихъ, кое есть, да разумѣю, что лишаюся азъ?* Вотъ чего онъ проситъ, какъ самъ изъясняетъ себя въ другомъ мѣстѣ: *десницу Твою тако скажи ми, и окованныя сердцемъ въ мудрости* (89, 12), т. е. научи насъ такъ счислять дни наши, чтобы пріобрѣсть намъ сердце мудрое. Вотъ подлинно Пророческое прошеніе, достойное и Бога, сотворившаго насъ мудростію и ходить въ мудрости, дабы мы, все испытывая, добраго держались (1 Сол. 5, 20); достойное и бого-

мудраго Наставника, который, научая иных путямъ спасенія, думалъ еще паче о обученіи самаго себя во спасеніе, а потому и молилъ Бога, чтобы Онъ обратилъ всѣ мысли его на послѣдній конецъ, какъ на цѣль жизни, дабы ему тещи вѣрнымъ путемъ и на вѣрное; прошеніе, достойное быть всегдашнимъ нашимъ прошеніемъ ко Господу, чтобы Господь научилъ насъ такъ провождать жизнь, такъ счислять дни наши, дабы время отъ времени пріобрѣтать намъ сердце мудрое.

Съ чего же начинать намъ пріобрѣтеніе сердечной мудрости? Съ того, если, по благодатному просвѣщенію, мы такъ будемъ заняты своею кончиною, что, непрестанно имѣя оную предъ очами, будемъ сообразно тому располагать и всѣ пути, счислять и всѣ дни жизни нашей.

А мы такъ должны располагать пути и счислять дни жизни нашей, что, если при тщательномъ разсмотрѣніи, хотя не найдемъ въ протекшей жизни особенныхъ духовныхъ пріобрѣтеній, но не найдемъ, по благости Божіей, и великаго расточенія полученныхъ даровъ: то потщимся, сколько возможно, не-

утраченное не расточать, а паче пріумножать. Съ продолженіемъ времени оставляя заднее, оставляя не только прежнія худыя привычки и слабости, но забывая даже и благія пріобрѣтенія, станемъ простираться впередъ путемъ благодатнаго преуспѣянія и, восходя отъ силы въ силу, полагать восхожденіе въ сердцѣ, — отъ дольняго къ горнему, отъ земли къ небу, отъ времени къ вѣчности. Если же, при внимательномъ взорѣ на прошедшую жизнь, мы не можемъ похвалиться неразсѣянностію; напротивъ много видимъ въ себѣ всякаго рода духовныхъ потерь, видимъ къ прискорбію, что много нами добра утрачено, много талантовъ погублено, много благодатнаго отеческаго имѣнія изжито на дальней сторонѣ расточительно; то будемъ просить Господа, чтобы Онъ ввелъ насъ въ самихъ себя, показалъ намъ всѣ потери и лишенія, дѣлающія насъ въ самихъ себѣ бѣдными, предъ Богомъ безотвѣтными, — вселилъ бы въ насъ печаль о драгоцѣнной потерѣ небесныхъ дарованій Его, далъ бы слезы для оплакиванія нашей невѣрности противу Него и вкупѣ рѣшитель-

ность возстать, и сплу постепенно пдти къ Нему путемъ исправленія; далъ бы намъ сердце новое и духъ новъ и утвердплъ бы насъ Владычнымъ Духомъ Своимъ, нектому человѣческимъ похотемъ, но Божественной волѣ Его прочее во плоти жити время (1 Пет. 4, 2), и ходить не якоже немудрымъ, но якоже премудрымъ, дабы во всемъ искушать, что есть воля Божія святая, угодная и совершенная, и всегда во всемъ, и въ словахъ и дѣлахъ, устраняя себя отъ сообразованія съ міромъ, преобразовываться обновленіемъ и ума и сердца и воли и всей жизни нашей, такъ чтобы съ новымъ годомъ благодатною силою укрѣпиться къ начатію новой, съ Христіанскимъ званіемъ сообразнѣйшей жизни.

Итакъ съ чувствомъ Христіанскаго смиренія и сокрушенною молитвою, влагаемою во уста каждому изъ насъ Псалмопѣвцемъ: *Скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моихъ, кое есть, да разумѣю, что лишаюся азъ*, вступая во врата новаго лѣта, должны мы молить Господа о томъ, чтобы Онъ по богатству благодати Своея такъ научилъ насъ продолжать жизнь, чтобы намъ непрестанно

имѣть предъ очами смерть; такъ научилъ счислять и прошедшіе и настоящіе дни, чтобы изъ разсматриванія оныхъ умудряться въ спасеніе на будущіе дни и наконецъ такъ разумѣть и чувствовать всѣ наши духовныя потери, чтобы обращать оныя въ побужденіе къ пріобрѣтенію духовной мудрости, къ стяжанію сердечной чистоты, къ укрѣпленію себя въ собранности духа, дабы цѣломудренно и праведно и благочестно жить въ послѣдующее время жизни.

Тако скажи намъ десницу Твою, Господи! И тако наказанныхъ сердцемъ въ мудрости введи насъ благопріятно въ начало новаго года, отверзаемаго Твоею благодатію! Аминь.

СЛОВО 7.

На новый годъ.

Благодаряще всегда о всѣхъ о имени Господа нашего Іисуса Христа Богу и Отцу (Еф. 5, 20).

Такъ Св. Апостолъ Павелъ научаетъ насъ благодарить Бога всегда и за все именемъ Господа нашего Іисуса Христа, или, какъ онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *и все, еже аще что творите словомъ или дѣломъ, вся во имя Господа Іисуса Христа, благодаряще Бога и Отца тѣмъ* (Кол. 3, 17). Такими чувствованіями благодарности къ Богу одушевляетъ насъ Апостолъ, что не только всякое дѣло, великое и малое, трудное и легкое, продолжительное и краткое, но и все, что мы по требованію нашихъ дѣлъ и отношеній производимъ нужное и полезное словомъ, что говоримъ, выслушиваемъ, въ чемъ

даемъ, принимаемъ распоряженія, все научаетъ насъ дѣлать во имя Господа Іисуса Христа, благодаря Бога и Отца чрезъ Него.

Святое наставленіе! Апостолъ наставляетъ насъ все дѣлать во имя Господа Іисуса Христа, дабы мы и начинали и продолжали и оканчивали все призываніемъ святаго и всеспильнаго имени Іисусова, имъ освящали, имъ, какъ печатію небеснаго благословенія, знаменовали всѣ дѣла наши;—наставляетъ все дѣлать съ благодареніемъ Богу Отцу, поелику все благое и полезное происходитъ отъ Бога: Богъ даетъ намъ силы къ дѣйствію, способы къ совершенію, средства къ успѣху, направляетъ дѣла наши къ славѣ Своей, къ пользѣ ближнихъ, къ собственному благу и спасенію нашему. *О Немъ бо живемъ, движемся и есмы* (Дѣян. 17, 28).

Если такими чувствами благодарности должны мы быть одушевлены къ Богу во всегдашней жизни и дѣлахъ: то какою благодарностію должны быть исполнены сердца наши при воспоминаніи особенно излитыхъ на насъ благодѣяній Божіихъ? Какимъ чувствомъ благодарности должны мы быть испол-

ненны въ настоящій день новаго года отверзаемаго намъ благостію Божіею?

И когда все существо наше должно исполняться глубочайшимъ чувствомъ благодаренія и благоговѣйнаго страха предъ Господомъ, Владыкою живота и смерти, содержащимъ въ десницѣ Своей времена и лѣта, какъ не теперь, когда стоимъ на чертѣ времени между прошедшимъ и будущимъ, откуда ясно можемъ видѣть бывшія и вновь являемыя намъ благодѣянія Божіи? Новый годъ есть новое знаменіе благодѣяній Божіихъ. Кто не чувствуетъ, что Господь, изводя изъ сокровищъ вѣковъ времена и лѣта, и возсіявая сладкій свѣтъ жизни, еще любообильно благоволитъ продолжать намъ бытіе наше не въ скудости и лишеніяхъ, не въ пришельствіи и страданіяхъ, но среди братій и ближнихъ нашихъ, среди благъ мира и радости? Славя безчисленныя къ намъ благодѣянія Божіи и въ общихъ всѣмъ и частныхъ каждому благахъ явленныя, не должны ли всѣ совокупно въ нераздѣльномъ чувствѣ излить нынѣ предъ Господомъ сердца наши въ искреннемъ благодареніи.

Дабы могли мы исполняться всегдашнимъ чувствомъ благодаренія Господу за безчисленныя благодѣянія Его, и свидѣтельствовать Ему благодарность свою не словами только и устами, но паче сердцемъ и дѣлами нашими: то съ благоговѣніемъ размыслимъ о безпредѣльныхъ къ намъ благодѣяніяхъ Божіихъ и симъ размышленіемъ ознаменуемъ начало новаго года, какъ залогъ новыхъ къ намъ благодѣяній Божіихъ.

Чтобы достойно благодарить Господа за безчисленныя благодѣянія Его, надлежитъ намъ, — сколько возможно, полнѣе обнимать и живѣе чувствовать безпредѣльныя благодѣянія Божіи, дабы всегда исполняться любовію къ Богу въ сердцѣ, хвалебнымъ исповѣданіемъ Его въ устахъ, дѣятельнымъ стремленіемъ къ поспѣшному подражанію милосердію Божію. Но говоря собственно, мы не можемъ опредѣлить ни числа, ни мѣры Божественнымъ къ намъ благодѣяніямъ; посему не имѣемъ въ себѣ ни столько чувства, чтобы обнять, ни такого слова, чтобы изобразить величіе благодѣяній къ намъ Божіихъ.

Мы не можемъ себѣ представить ни въ прошедшемъ ничего такого, чего бы не воспріяли, ни въ настоящемъ, чего бы не имѣли, ни въ будущемъ, чего не будемъ принимать, если только будемъ продолжать бытіе, отъ всещедрой руки Божіей. — Мы отвсюду, — и внутрь и внѣ окружены, исполнены, объяты благодѣяніями Божіими, подобно тому, какъ отвсюду бываемъ объяты окружающимъ насъ воздухомъ; — въ дни и въ нощи, въ покоѣ и трудѣ, на водѣ и на землѣ, подъ кровомъ дома и подъ сводами небесъ, — всюду обрѣтаемся посреди благодѣяній Божіихъ.

Міръ естественный, жизнь общественная, царство благодати непрестанно повѣдаютъ, передаютъ, изливаютъ на насъ безчисленныя благодѣянія Божіи. О Богѣ, силою Божіею, подъ промыслительнымъ кровомъ Божіимъ мы живемъ жизнію естественною, устрояемся въ жизни общественной, созидаемся въ жизни благодатной.

Все въ мірѣ, премудростію и благостію Божіею сотворенное, многоразлично служитъ

къ поддержанію бытія, пользѣ и благу жизни нашей: — солнце насъ освѣщаетъ, воздухъ оживляетъ дыханіе наше, облака источаютъ росу и дождь, земля, — жилище наше, — даетъ намъ пищу и все нужное къ наслажденію бытіемъ.

Въ жизни общественной Господь, по Своему благому и мудрому предвѣденію, поставляя насъ въ сообразное нашимъ свойствамъ и способностямъ состояніе, любовію родителей насъ воспитываетъ, добрымъ ученіемъ наставниковъ образуетъ, попечительностію начальниковъ назидаетъ въ благихъ нравахъ, усердіемъ друзей, благотвореніемъ благодѣтелей возбуждаетъ въ насъ рвеніе на поприщѣ чести и правоты, искренностію ближнихъ, расположеніемъ знаемыхъ въ различныхъ обстоятельствахъ многоразлично поддерживаетъ, и такимъ образомъ тайно и явно, ощутительно и непримѣтно направляетъ насъ ко всему доброму, честному, полезному; вразумляетъ въ слабостяхъ, подкрѣпляетъ въ немощахъ, утѣщаетъ въ скорбяхъ, благоустрояетъ на путяхъ жизни внѣшней и внутренней.

А въ царствѣ благодати, въ мірѣ строптельства спасенія нашего, по безпредѣльной любви и милосердію Своему Отецъ небесный далъ намъ свыше новый свѣтъ для ума, — слово свое, нетлѣнную пищу для сердца, — тоже слово Божіе, и священнотаинственную пищу, — плоть и кровь Сына Своего, далъ и превыше земныхъ хранителей и помощниковъ, небесныхъ Ангеловъ и Святыхъ Божіихъ, далъ и земныхъ наставниковъ и руководителей, — служителей таинъ Христовыхъ, благовѣстниковъ небеснаго ученія, дабы мы изъ сыновъ грѣха, осужденія и смерти преобразовывались въ сыновъ свѣта, — чадъ Божіихъ, наслѣдниковъ царствія. Кто изочтетъ всѣ Божественныя блага, всѣ дары, непрестанно въ царствѣ природы и благодати на насъ изливаемые?

Это общія благодѣянія Божіи, въ равной мѣрѣ всѣми и каждымъ изъ насъ непрестанно, и, къ прискорбію, часто безъ сознанія и благодарнаго чувства пріемлемыя.

Но кто изъ насъ самымъ очевиднымъ образомъ на себѣ не испыталъ, кто ощути-

тельно самыхъ явныхъ, осязательныхъ, какъ бы руками, не принималъ благодѣяній Божіихъ? Не бывали ли избавляемы единственно дѣйствіемъ благости Божіей одни отъ тяжкихъ болѣзней, другіе отъ непріязненнаго нападенія враговъ, тѣ отъ смертельныхъ ударовъ и паденій, угрожавшихъ или конечнымъ разрушеніемъ, или, причиненіемъ опаснаго вреда жизни нашей, тогда какъ всѣ пособія человѣческой помощи были для насъ или далеки или бездѣйственны? Не бывалъ ли иной сверхъ всякаго чаянія необыкновенно благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ изторгаемъ изъ бездны безславія и поношенія, кои навлекалъ на себя своими заблужденіями и пороками? Стыдъ и укоръ готовы были разразиться надъ главою его, и отъ мрачной тучи, приводившей въ трепетъ сердце его, онъ благопромыслительно покрываемъ былъ сѣнію милости Божіей, конечно въ надеждѣ исправленія. А сколько разъ всѣ мы бывали покрываемы въ тайныхъ грѣхахъ и прегрѣшеніяхъ нашихъ долготерпѣніемъ Божіимъ, которое, если бы не простиралось надъ нами, давно бы во адъ вселилась душа

наша? Кратко: безпредѣльная милость и благоволительное смотрѣніе Божіе на всѣхъ путяхъ жизни намъ предшествуютъ, сопутствуютъ, простираются надъ нами, окружаютъ насъ, мы, такъ сказать, непрестанно погружены въ нихъ.

Итакъ, чтобы достойно благодарить Бога, надлежитъ намъ непрестанно въ благоговѣніи созерцать щедроты Божіи въ благахъ природы, ощущать любовію милосердіе Его въ дарахъ благодати и благодарнымъ исповѣданіемъ устъ во всякое время принося жертву хвалы Благодѣтелю — Богу, всѣми силами существа нашего дѣйствовать къ благоугожденію святой воли Его. Дарованныя силы, — здравіе, способности надлежитъ намъ употреблять на богоугодные подвиги, для очищенія страстей, воюющихъ на души наши, на общеполезные труды, дабы усердно и право служить ближнимъ нашимъ тѣмъ даромъ, какой кто получилъ, на благоустроеніе дѣлъ нашихъ, дабы въ благоразуміи и честности устроять благосостояніе свое. Подобнымъ образомъ и дарованныя намъ блага жизни должны употреблять по волѣ Бо-

жіей:—богатство въ пособіе бѣднымъ и сирымъ, честь и силу къ облегченію страждущихъ, къ покровенію гонимыхъ, къ защитѣ безпомощныхъ, свой санъ и достоинство къ поддержанію правоты въ судахъ, порядка и честности на торжищахъ, благоговѣнія въ храмахъ Божіихъ, чистоты и непорочности въ частной жизни каждаго.

Это истинная благодарность Богу, когда мы, при непорочной, правой и благочестивой жизни, всѣми мѣрами дѣйствуемъ къ славѣ Божіей, къ пользѣ ближнихъ, къ душевному спасенію своему, и тѣмъ пріобрѣтаемъ достоинство чадъ Божіихъ, подражателей Бога и Христа.

Всемѣрно тщася соотвѣтствовать безпредѣльнымъ благодѣяніямъ Божіимъ дѣятельною благодарностію, жизнію, благочестивою предъ Богомъ, благодѣтельною для ближнихъ, непорочною въ отношеніи къ самимъ себѣ, мы при нарочитыхъ благодѣяніяхъ Божіихъ, какъ частныхъ, такъ и общихъ, должны не только внутренно питать чувство благодарности въ сердцѣ; но, для живѣйшаго одушевленія и себя и другихъ чувствова-

ніями любви къ благодѣтелю—Богу, должны открыто изливать чувства сердца въ хвалебномъ исповѣданіи устъ.

Гдѣ же должны мы изливать чувствованія сердца въ хвалебномъ исповѣданіи устъ? Должны изливать полное благодарности сердце во храмѣ Божіемъ. Храмъ Божій, какъ жилище Божіе, какъ домъ молитвы, есть благопріятное мѣсто возношенія благодареній нашихъ Богу. Здѣсь мы таинственно созерцаемъ престолъ Живущаго на небесахъ, обрѣтаемъ присутствіе Его, являемся лицу Его, пріемлемъ благодатныя дѣйствія Его. Въ храмѣ Божіемъ, отрѣшаясь отъ всего земнаго, мы свидѣтельствуемъ нашею благодарностію, что какъ все получили отъ Бога, такъ Богу,—Подателю всѣхъ благъ, за все и воздаемъ славу. Въ храмѣ Божіемъ самое благодареніе наше, часто хладное и одностороннее, вообще же не совершенное, оживотворяется живымъ словомъ самаго благодѣющаго Бога, одушевляется примѣромъ совокупнаго благодаренія многихъ, укрѣпляется благодатнымъ дѣйствіемъ силы Божіей.

Воспоминая благодѣянія Божіи и древнія

и настоящія, въ ближайшей нашей жизни и обстоятельствахъ очевидно намъ явленныя, будемъ приносить благодареніе Господу, какъ Источнику всѣхъ благъ, какъ Подателю всѣхъ даровъ, какъ Хранителю нашихъ силъ, какъ Строителю нашего спасенія. Будемъ всегда благодарить Господа за всѣ благодѣянія Его, за всегдашнія и особенныя, за обыкновенныя и чрезвычайныя, за явныя и тайныя, за частныя и общія, касающіяся и внѣшняго и внутренняго состоянія нашего, и временныхъ и вѣчныхъ благъ. Будемъ свидѣтельствовать благодарность нашу за безпредѣльныя благодѣянія Божіи благоговѣйнымъ служеніемъ Богу—Благодателю, посильнымъ благотвореніемъ ближнимъ нашимъ, всевозможнымъ угожденіемъ Ему, чрезъ неослабное исправленіе и непрестанное очищеніе самихъ себя.

Такъ да благословитъ и выну да благословляетъ душа наша Господа, и никогда да не забываемъ и не будемъ забывать благодѣяній Его, не только въ здравіи, но и въ болѣзни, не только въ обиліи, но и въ скудости, не только въ благоденствіи, но и зло-

ключеніяхъ, и мы всегда будемъ жить въ помощи Вышняго, водворяться въ кровѣ Бога небеснаго; — милость Господня будетъ пріосѣнять насъ, и подъ кровомъ благости Божіей всегда надѣяться будемъ.

Господи, Боже щедротъ и милосердія, Подателю жизни, Сокровище всѣхъ благъ! Впечатлѣй вседѣйствующею Твоею благодатію во глубинѣ души нашей непрестанное чувство и память благодѣяній Твоихъ, да выну благословляетъ Тебя душа наша и да не забываемъ всѣхъ благодѣяній Твоихъ. и научи насъ достойно благодарить Тебя, — благодарить всею мыслію ума и любовію сердца — благодарить исповѣданіемъ устъ, дабы выну достойно приносить Тебѣ жертву хваленія, плодъ устенъ исповѣдающихся имени Твоему, и въ храмѣ Твоемъ и въ домахъ жительства нашего; а паче научи насъ достойно благодарить Тебя дѣломъ, прославлять имя Твое чистотою нашего сердца, непорочностію жизни и воздавать славу правдѣ и благости Твоей правотою и добротою нашихъ дѣлъ. Аминь.

СЛОВО 1.

Въ недѣлю предъ просвѣщеніемъ.

Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень: правы творите стези Его. (Мар. 1, 3).

Кто будучи въ уединенной пустынѣ имѣлъ нужду или взывать о себѣ къ другимъ, или звать къ себѣ другихъ, тотъ можетъ имѣть понятіе, что такое гласъ вопіющаго въ пустыни, и каковъ этотъ гласъ? Это гласъ громкій, сильный, напряженный. Кто можетъ услышать, и кого можно подвигнуть къ вниманію въ глубокой пустынѣ безъ усиленнаго напряженнаго вопіянія? И таковъ былъ гласъ вопіющаго въ пустыни, гласъ проповѣдника покаянія, Предтечи и Крестителя Іоанна.

Предтеча былъ ближайшій провозвѣстникъ пришествія Мессіи, непосредственный предъ-

уготователь пути Спасителю міра, первый проповѣдникъ явленія Христова и приближенія царства Его. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ гласъ Слова, который гремѣлъ и въ пустынѣ внѣшней и въ пустынѣ внутренней сердецъ человѣческихъ и потрясалъ горы надмѣнія, сокрушалъ камни ожесточенія. Былъ свѣтильникъ свѣта, который ярко озарялъ сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной и направлялъ блуждающихъ на путь правды. Слово Предтечи, какъ и слово Иліи, горѣло подобно свѣщѣ въ нощной тьмѣ, и подобно огню, пламенемъ обличеній опаляло неправды человѣческія. Предъуготовляя къ пріятію Мессіи, въ духѣ и силѣ Иліи, Іоаннъ, образецъ законной праведности и строгости, внезапно возгремѣвъ въ пустынѣ Іудейской при берегахъ Іордана, явился подлинно какъ Ангелъ съ небеси. Облеченный во власяницу, какъ строгій пустынникъ, препоясанный кожанымъ поясомъ, по примѣру древнихъ Пророковъ, нося на лицѣ своемъ небесную печать величія, чистоты, безпримѣрнаго воздержанія; поелику ѣлъ только акриды и дикой медъ, Іоаннъ, не творя чудесъ, Самъ былъ чу-

домъ для всѣхъ. Необычайнымъ видомъ, а еще болѣе внутреннею сплою слова составлялъ предметъ удивленія нетолько для простаго народа, но для книжниковъ и законниковъ, для старѣйшинъ и князей Іудейскихъ.

Изъ нѣдръ глубокой пустыни, изъ жизни отрѣшенной, Ангелоподобной воззванный на великое дѣло пріуготовленія растлѣнныхъ неправдами людей къ новому благодатному царству Мессіи, Іоаннъ видѣлъ предъ собою однихъ грѣшниковъ, требующихъ исправленія и очищенія; потому проповѣдывалъ всѣмъ покаяніе, и въ проповѣди своей незналъ лицепріятія. Указывая на холодные камни, лежавшіе на берегу Іордана и безплодныя дерева этимъ подобіемъ изображалъ холодность и безплодіе духовное приходившихъ къ нему на крещеніе. *Покайтеся,* взывалъ онъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и сплою, покайтеся: перемѣните ваши мысли, ваши чувствованія, ваши расположенія, ваши поступки и дѣйствія и благодатною перемѣною уготовьтесь. *Приближибося царствіе небесное.* Вы Іудеи, народъ избранный, давно ожидаете обѣтованнаго Избавителя, вотъ Онъ

идетъ, идетъ въ слѣдъ за мной, Онъ уже средн васъ. Вы Его не знаете, и я незналъ Его. Но Пославшій меня крестить водою далъ мнѣ знаменіе узнать Его: на кого увидишь, сказалъ Онъ мнѣ, Духа сходящаго и пребывающаго на Немъ, Тотъ есть крестящій Духомъ Святымъ; и я видѣлъ Его, видѣлъ чаяніе и избавленіе ваше, видѣлъ и свидѣтельствую, что это утѣха Израилева, Царь душъ, Сынъ Божій (Іоан. 1, 20. 33. 34). Итакъ уготовьте путь грядущему Господу, Избавителю, исправьте стези Ему. Онъ идетъ воцариться въ васъ. Царство Его приблизилось. Но царство Его не земное, не человѣческое, а царство Божіе, царство духовное, царство правды, мира и радости о Духѣ Святомъ. Посему уготовьте путь Ему: *всяка дебрь исполнится и всяка гора и холмъ смирится: и будутъ стропотная въ правая, и остріи въ пути гладки.* Уготовьте путь грядущему въ сердца ваши, попекитесь приготовить себя къ принятію Его такъ: долы грѣховнаго униженія возвышеніемъ мыслей подымите горѣ, горы и холмы надмѣнія чувствомъ смиренія низложите долу; неровности сер-

дечныя и кривизны порочныхъ дѣлъ исправьте и обратите въ правоту добра. Такъ Предтеча Спасовъ, уготовляя Ему покаяніемъ путь въ сердца человѣческія, все неправое въ мысляхъ, превратное въ расположеніяхъ, порочное въ нравахъ, преступное въ дѣйствіяхъ обнажалъ, обличалъ, исправлялъ, дабы дать людямъ разумъ спасенія во оставленіе грѣховъ ихъ, тогда какъ благоволительно шелъ Востокъ съ высоты посѣтить во тьмѣ и сѣни смѣртней сѣдящихъ.

Такова была общая проповѣдь Предтечи всѣмъ приходившимъ креститься отъ него. Но чѣмъ знаменитѣе являлись къ нему слушатели, тѣмъ сила проповѣди его была разительнѣе. Съ простымъ народомъ приходили къ нему на крещеніе Фарисеи и Саддукеи, ученые и разумные, а Фарисеи славились еще между народомъ и благочестіемъ. Іоаннъ встрѣчалъ ихъ жесточайшимъ обличеніемъ: *рожденія ехиднова*, говорилъ онъ имъ, *кто сказа вамъ, бѣжати отъ грядущаго гнѣва?* Іоаннъ нещадно обличалъ Фарисеевъ и Саддукеевъ; поелику тѣ и другіе, особенно Фарисеи, и сами обольщались и оболь-

щали народъ гордою мыслію, что они — Іудеи суть чада Авраамовы, а какъ чадамъ Авраамовымъ, имъ неотъемлемо принадлежатъ всѣ великія обѣтованія о царствѣ Мессіи, и они имѣютъ исключительное право быть первенцами въ царствѣ Мессіи. Низлагая въ основаніи такое самолюбивое мнѣніе Фарисеевъ и Саддукеевъ, Іоаннъ самымъ укоризненнымъ напименованіемъ поражалъ ихъ. *Порожденія ехидновa! Кто сказа вамъ, бѣжати отъ грядущаго гнѣва?* Вы гордые Фарисеи и надменные Саддукеи, развлѣнные по естеству, какъ и всѣ потомки падшаго змѣинымъ искушеніемъ Праотца, порочные и по дѣламъ, вы приходите сюда не по чувству своей грѣховности, не съ сердечнымъ сокрушеніемъ, чтобы бѣжать отъ грядущаго гнѣва. Нѣтъ, васъ привлекаетъ сюда новость проповѣди и необычайность обстоятельства. Если же вы съ истиннымъ желаніемъ исправленія являетесь сюда: *то сотворити плодъ достоинъ покаянія;* войдите съ смиреніемъ въ свое состояніе, оставьте ложное мнѣніе о своей праведности, сознайтесь съ самоуничиженіемъ, что вы грѣшники, имѣющіе нужду въ помилованіи Божіемъ

и всевозможномъ исправленіи самихъ себя. И *неначинайте глаголати въ себѣ: отца имамы Авраама.* Перестаньте и думать о себѣ, что вы чада Авраамовы, наслѣдники обѣтованій Божіихъ. Богъ изъ камней сихъ можетъ воздвигнуть чадъ Аврааму, а васъ, которые по плотскому произхожденію именуетесь чадами Авраама, а по духу вовсе чужды его, васъ отвергнетъ; Шествующій для избавленія Израиля васъ, плотская чада Израиля, какъ безплодныя древа, посѣчетъ, и исторгнетъ для сожженія; Тотъ, Который имѣетъ крестить Духомъ Святымъ, и будетъ судить не по внѣшности, а по истинѣ и по внутреннимъ расположеніямъ сердца, васъ какъ плевелы развѣетъ, и какъ солому пожжетъ (Мат. 3, 7—12).

Такъ Предтеча, явясь въ пустынѣ, которая всего лучше выражала состояніе пустоты и безплодія сердецъ человѣческихъ, и приготовляя Іудеевъ, къ приближающемуся царству Христову, громогласно вопіялъ: *покайтеся; уготовайте путь Господень: правы творите стези Его; всякъ долъ да наполнится, и всякая гора и холмъ да унизится.*

Что же? Для однихъ ли Іудеевъ Предтеча есть строгій проповѣдникъ? Для однихъ ли Фарисеевъ и Саддукеевъ есть грозный обличитель? Предтеча, всеобщій проповѣдникъ покаянія, всегда одинаковъ для всѣхъ потомковъ ветхаго Адама, изъ состоянія разтлѣнія призываемыхъ въ благодатное царство Христово, въ царство правды и обновленія.

Войти въ благодатное царство Христово есть обратиться отъ тьмы въ свѣтъ, отъ области сатанины къ Богу, отъ смерти къ жизни, отъ зла къ добру, отъ разтлѣнія неправдами къ обновленію святостію жизни. А чтобы прейти въ свѣтъ, надобно уразумѣть гибель тьмы; чтобы уврачеваться, надобно познать опасность болѣзни, чтобы духовно обновиться, надобно ощутить тлѣтворность ветхой жизни. И Предтеча грозною проповѣдію покаянія, вводя насъ въ пустыню грѣховнаго безплодія, вводитъ въ познаніе естественнаго и дѣятельнаго разтлѣнія нашего, что грѣхъ, въ которомъ мы раждаемся, заражаетъ всѣ мысли и дѣйствія наши; однакожь мы какъ Фарисеи, гордимся своими мнимыми добродѣтелями и, какъ Саддукеи.

надѣемся мечтами высокоумія, но безпечно прилагая грѣхи ко грѣхамъ, должны трепетать любогрѣховности своей, и если не совлечемся Фарисейской праведности и Саддукейскаго самообольщенія, то и намъ предстоитъ страшное осужденіе и ярость огня, который пожжетъ насъ за сопротивленіе. Такъ Проповѣдникъ покаянія, приводя насъ въ трепетное чувство гибели грѣховнаго состоянія, обращаетъ съ вѣрою и любовію къ Спасителю міра, къ Сыну Божію, вземлющему на себя грѣхи наши, дабы примирить насъ съ Отцемъ, и въ обновленіи Духа привести какъ сыновъ свѣта въ славу Его. И такъ гласъ вопіющаго въ пустыни начинается обличительною проповѣдію покаянія, а оканчивается утѣшительнымъ благовѣстіемъ о всеобщемъ оставленіи грѣховъ и спасеніи грѣшниковъ ради воплотившагося Сына Божія.

Такъ подлинно — Предтеча есть другъ Христовъ; какъ жениху онъ обручаетъ души Христу. Грозна была проповѣдь Іоаннова, какъ острое врачевство; но вкупѣ и спасительна. Онъ приводилъ народъ не только въ

умиленный трепетъ обличеніями, но и въ непзъяснимый духовный восторгъ небеснымъ благовѣстіемъ о Мессіи, что Онъ грядетъ въ слѣдъ его, что Онъ посредѣ пхъ, что Онъ видѣлъ Его, что Онъ будетъ крестить пхъ Духомъ Святымъ, что Онъ кротокъ и благосердо вземлетъ грѣхи, какъ Агнецъ, что Онъ могущественень, и вкупѣ праведенъ и святъ, какъ Сынъ Божій; и всѣ наперерывъ изъ Іерусалима, изъ всей Іудеи и изъ всей окрестности Іордана, всѣ текли ко Іоанну на Іордапъ, дабы креститься отъ него, и посвятить себя въ гражданъ имѣвшаго немедленно открыться царства Мессіи.

Если и Іудеи наперерывъ текли на гласъ вопіющаго въ пустыни, тѣмъ паче мы, Христіане, внемля гласу Проповѣдника покаянія, должны творить плоды достойные покаянія. Безъ покаянія мы неувѣдаемъ и невоспріимемъ просвѣщенія Христова; безъ уготовленія стезей Христу исправленіемъ не узримъ спасенія Божія.

Когда свѣтильникъ свѣта обличеніемъ грѣховъ нашихъ освѣтитъ пустыню нашу; когда гласъ Слова воздвигнетъ насъ отъ дольняго,

ипзложитъ въ насъ возношеніе, приведетъ насъ въ сокрушеніе, и поставитъ на правоту стопы нашп: тогда вмѣсто грознаго Проповѣдника покаянія онъ содѣлывается для насъ Ангеломъ мирнымъ, который въ благоговѣйной радости показуетъ намъ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра; содѣлывается утѣшительнымъ благовѣстникомъ о Сынѣ Божіемъ, — Спасителѣ нашемъ.

Вотъ куда приводитъ насъ Іоаннъ, Проповѣдникъ покаянія, — приводитъ изъ дикой пустыни въ Церковь Божію, съ береговъ Іордана въ общество чадъ Божіихъ. Сперва какъ свѣтильникъ въ нощи печально озаряетъ грѣховную тьму нашу, и когда уразумѣваемъ спасеніе во оставленіе грѣховъ нашихъ: тогда въ слѣдъ за свѣтильникомъ озаряетъ насъ Востокъ съ высоты и мы зримъ на себѣ и окрестъ себя спасеніе Божіе. Уготоваемъ убо покаяніемъ путь Господу; се бо предстоитъ Христосъ. Аминь.

СЛОВО 2.

Въ недѣлю предъ просвѣщеніемъ.

Чесо изыдосте въ пустыню видѣти? (Мат. 11, 7)

Есть для чего идти въ пустыню Іорданову. Всякая другая пустыня теперь пуста, холодна, непроходна, мертва. А пустыня Іорданова и теперь полна веселія, цвѣтетъ, какъ кринъ. Вещественная пустыня цвѣтетъ во время весны и лѣта, когда зеленѣютъ пустынныя пажити, юдолія исполняются жизни, холмы препоясуются веселіемъ. Но пустыня благодатная можетъ цвѣсти благоплодіемъ и во время зимы, среди бурь и стужи. Кто не пожелаетъ быть въ такой дивной пустынѣ? Изыдемъ мысленно въ пустыню, которая такъ радостно привѣтствуется Исаіею: *да созвеселится пустыня, да процвѣтетъ, яко*

*крин*ъ, *слава Ливанова дана будетъ ей* (Исаіи 35, 1. 2). Эта прпвѣтствуемая отъ Пророка радостію пустыня, — образъ неплодящей прежде и сплою крещенія процвѣтшей церкви, въ первоначальномъ смыслѣ разумѣется пустыня Іорданова, гдѣ услышался гласъ вопіющаго въ пустыни, гдѣ въ дебри жаждущей проразилась вода святаго Крещенія, и съ тѣмъ вмѣстѣ открылась слава Господня и велпчіе Божіе.

Дивны совершплись дѣйствія въ пустыни Іордановой. Тамъ громко гласомъ вопіющаго въ пустыни возглашена всемірная проповѣдь покаянія, дабы всѣ уготовлялись срѣтить грядущаго Спасителя и такъ уготовали путь Ему, чтобы горы и холмы превозношенія унижались, строптивыя расположенія исправлялись, и всѣ воскрплялись ожиданіемъ узрѣть славу Божію; туда на грозную проповѣдь покаянія исходплп Іерусалпмъ, вся Іудея и вся страна Іорданская, туда наперерывъ текли юные и старые, простые и знатные, народъ и старѣйшпны, слушать чуднаго проповѣдника — Предтечу. Простертая ко всѣмъ проповѣдь его простыхъ слу-

шателей назидала простыми наставленіями, мытарей, — людей преданныхъ корысти и неправдамъ, приводила въ чувство рѣзкими изображеніями, но всею силою обличеній направлена была на гордыхъ Фарисеевъ и сластолюбивыхъ Саддукеевъ, и чистотою ученія, могуществомъ истины горѣла какъ огонь, поражала, какъ молнія. Тамъже въ пустынѣ, средп многолюдной толпы, указанъ былъ народу и Агнецъ Божій, кроткій и смиренный Спаситель, вземлющій грѣхи всего міра, и, какъ одинъ изъ грѣшниковъ, крещенъ въ водахъ Іорданскихъ. Пришедшій крестить весь міръ Духомъ и огнемъ; тамъ на Очищающаго насъ своимъ очищеніемъ изъ отверстыхъ небесъ снисшелъ Духъ Святый въ видѣ голубинѣ, и надъ Крестившимся возгремѣлъ съ высоты гласъ Бога Отца: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немже благоволихъ* (Мат. 3, 17).

Не благолѣпна ли, не цвѣтуща ли пустыня Іорданова? Да напечатлѣется боголѣпный образъ пустыни Іордановой съ священными

дѣйствіями, въ ней совершившимися, въ сердцахъ нашихъ!

Чтобы плоды духовныхъ дѣйствій пустыни Іордановой, на пути благодатнаго уготовленія нашего для Господа, дѣятельно явились въ насъ, то надлежитъ намъ войти во внутреннюю пустыню собранности мыслей, благотишія чувствъ, отрѣшенія духа отъ плоти. Безъ уединенія и внѣшняго, а паче внутренняго нельзя ощутить пустынной радости. Обуреваніе житейскихъ суетъ, волненіе заботъ, шумъ страстей не даютъ ни видѣть, ни слышать того, что совершается священнаго въ таинственной пустынѣ. Итакъ мысленно пшедши въ духовную пустыню собранности и тишины, дабы съ истиннымъ пріобрѣтеніемъ выйти изъ оной на поприще треволненій жизни, воззримъ на Проповѣдника пустыни, Іоанна, и нынѣ тѣмъ же гласомъ покаянія воззывающаго насъ къ благодатному обновленію, что онъ представляетъ въ велпкомъ служеніи своемъ къ нашему наставленію?

Чесо изыдосте въ пустыню видѣти? Спрашивалъ Іисусъ Христосъ Іудеевъ, говоря имъ

о Іоаннѣ Крестителѣ по тому поводу, что Іоаннъ изъ темницы, гдѣ содержался Иродомъ, гдѣ страдальчески и кончилъ жизнь свою, присылалъ сомнѣвавшихся учениковъ своихъ къ Іисусу, — спросить Его самаго: Онъ ли грядущій Мессія, или имъ ожидать другаго, — которыхъ Спаситель и отпустилъ, совершенно удостовѣрившись въ Божественности посланничества Своего произведенными въ присутствіи ихъ различными чудесами. Итакъ спрашивалъ Господь Іудеевъ: *чего смотрѣть ходили вы въ пустыню? Трость ли, вѣтромъ колеблему?* — то ли, какъ вѣтеръ шумитъ въ пустынѣ, и колеблетъ древа и трости? Конечно не шумъ вѣтра слышать, не колебаніе тростника видѣть ходили вы въ пустыню. Чего же смотрѣть ходили вы? *Человѣка ли въ мягки ризы одѣяна?* — или ходили смотрѣть человѣка, великолѣпно одѣтаго, привлекательнаго наружностію? Но великолѣпіе одежды и убранство наружное свойственны въ чертогахъ царскихъ живущимъ. Какое убранство, какое великолѣпіе въ пустынникѣ, который и воспитанъ и возросъ въ пустынѣ, съ дѣтства велъ жизнь уедп-

ненную, съ отрочества привыкъ быть отшельникомъ, отъ юности посвятилъ себя подвигамъ воздержанія, у котораго простая пища составляла только самое нужное поддержаніе бытія, жестокая власяная одежда прикрывала тѣлесную наготу, котораго нравы строги, расположенія тверды, слово крѣпко, нелицепріятно, какъ наставленіе законника, какъ слово проповѣдника законной правды.

Чего же смотрѣть ходили вы? *Пророка ли? Ей глаголю вамъ, и лишше пророка.*

Такъ было зачѣмъ ходить Іудеямъ въ пустыню; они ходили смотрѣть Пророка, и больше, нежели Пророка. Іоаннъ, въ преимущественномъ смыслѣ былъ пророкъ. Явившись въ пустынѣ съ проповѣдію и крещеніемъ покаянія, какъ Предтеча и потомъ Креститель Мессіи, Онъ проповѣдывалъ и покаяніе, и совершалъ крещеніе, какъ всеобщій путь пріуготовленія къ царству Мессіи, къ царству чистоты и святости, каковаго царства являлъ себя достойнымъ служителемъ. Будучи отъ дѣтства въ пустынѣ, и въ пустынномъ уединеніи возрасшій въ трезвенности и воздер-

жанін, въ чистотѣ и непорочности, изъ нѣдръ пустыни явился съ проповѣдію покаянія. какъ Ангелъ съ небесн. Совершалъ и водное крещеніе въ покаяніе, какъ совершенный блюститель чистоты и непорочности, коего ни взоръ, ни слухъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ни мысль, ни желанія не омрачались ничѣмъ уничиженнымъ, плотскимъ, не достойнымъ. Посему Іоаннъ, какъ Предтеча Христовъ, есть пророкъ, а, какъ Креститель Его, есть болѣе, нежели пророкъ. Онъ не въ сѣни и гаданіи зрѣлъ, не издалека провозвѣщалъ пришествіе Мессіи, но, какъ самовидецъ, перстомъ указывалъ Того. Котораго Іудеи давно чаяли и нетерпѣливо ожидали. Онъ-то и есть самый, о которомъ сказано: *се азъ посылаю Ангела моего предъ лицемъ твоимъ, иже уготовитъ путь твой предъ тобою.* Наконецъ Іоаннъ такъ великъ, что, по свидѣтельству Самаго Спасителя, не было никого изъ рожденныхъ женами больше Іоанна Крестителя.

Вотъ кого съ Іудеями исходили мы въ пустыню видѣть, исходили видѣть великаго пустынника, чуднаго подвижника, всемірнаго проповѣдника покаянія, путеводителя ко Хри-

сту, Ангела во плоти, Крестителя Христова, коего не было больше изъ рожденныхъ женами.

Если мы имѣли очи видѣть и уши слышать, то многое видѣли и слышали, и наставники и наставляемые, и учители и поучаемые, и руководители и руководимые. Что же мы слышали?

Во первыхъ слышали мы, братія - сослужители и сопастыри, чему поучаетъ насъ Спаситель въ Іоаннѣ, великомъ Пророкѣ и всемірномъ Учителѣ,—поучаетъ, чтобы мы не были тростіемъ, вѣтромъ колеблемымъ, ни въ ученіи, ни въ жизни и правахъ, не говорили бы ничего языкомъ, чтобы непсходило у насъ изъ сердца, и не поступали бы такъ въ одно, иначе въ другое время, и не испровергали бы своими поступками проповѣдуемаго нами святаго ученія; особенно были бы безъ пристрастія, какъ и Предтеча, къ удовольствіямъ міра и плоти, но представляли бы въ себѣ преимущественный примѣръ воздержанія и трезвенности, и еще болѣе, что не легко, но должно сказать, были бы

для народа Божія не только учителями, провозвѣстниками святой и совершенной воли Божіей, но были бы больше нежели учителями, были бы Ангелами руководителями, которые бы предшествовали имъ примѣромъ своимъ и вели ихъ путемъ Господнимъ къ Господу.

Слышали и всѣ вообще наставленіе Господа, какъ мы должны приходить въ пустыню духовнаго мира и благоотшія,—въ храмы Господни; должны приходить не по одному обычаю, и, предстоя въ храмѣ не должны вращаться сѣмо и овамо, не озирать и не озираться, не смущаться помыслами, и не смущать слабыхъ всякимъ дуновеніемъ суетности увлекающихся, не приходить въ пышности и великолѣпіи, чтобы блистать внѣшнимъ видомъ и обращать на себя взоры другихъ, не смотрѣть и на лица и украшенія другихъ. Но должны приходить въ храмы, какъ въ священное убѣжище отъ треволненій, какъ въ училище благочестія, въ собранности духа, чтобы каяться въ сокрушеніи, и внимая слову Божію, слову Пророческому и Апо-

стольскому, углублять въ умѣ тайны вѣры, напоять помышленія страхомъ Божіимъ, сердце любовію къ Богу и ближнимъ, всѣ чувства запечатлѣвать цѣломудріемъ и, вѣдая свою слабость въ благихъ мысляхъ, колеблемость въ добрыхъ расположеніяхъ, проспть смиренно Господа, чтобы, и по исхожденіи изъ храма, впечатлѣлъ въ насъ благодатную заботу, сколько возможно, обуздывать преобладающія нами пристрастія, и съ правымъ умомъ, твердымъ сердцемъ и начинать и совершать благія намѣренія, дабы по легкомыслію и житейской многопопечительности не уподобляться дѣтямъ, думающимъ только о забавахъ и минутныхъ удовольствіяхъ, но, какъ сынамъ свѣта, непоколебимо ходить во свѣтѣ истины и страха Божія, какъ чадамъ благодати, дѣйствовать въ духовной силѣ обладанія собою и своими склонностями, дабы, живя благочестно предъ Богомъ, праведно въ отношенія къ ближнимъ, непорочно въ самихъ себѣ, какъ жилъ и дѣйствовалъ великій пустынникъ Іоаннъ, въ духѣ кротости, послушанія и непорочности ходить въ жизни предъ лицемъ

Господа, и уготовлять себя въ благодатное жилище Господу.

Вотъ для чего мы ходили въ пустыню, вотъ что видѣть, что смотрѣть, что слышать ходили въ пустыню! Аминь.

СЛОВО

Въ день крещенія Господня.

Жаждущіи идите на воду. (Исаіи 55, 1).

Тогда, какъ нынѣ — во время хлада зимы, при исхожденіи на естественныя воды, нѣтъ почти потребности ощущать тѣлесную жажду, кто изъ жаждущихъ правды съ жаждою елеия не течетъ мысленно въ пустыню Іудейскую на источники водъ Іорданскихъ, дабы видѣть тамъ видѣніе дивное, слышать глаголаніе преславное? Тамъ Безгрѣшный, какъ грѣшникъ, является посреди грѣшныхъ, Чистый и все Очищающій требуетъ очищенія отъ раба, Облекающій всю тварь благолѣпіемъ въ рабіемъ зракѣ зрится нагъ предъ лицемъ неба и земли, Свѣтъ отъ Свѣта, одѣвающійся свѣтомъ, яко ризою, какъ Сынъ человѣческій омывается въ водахъ Іордан-

скихъ. Это Божественное видѣніе на земли. Но вотъ Божественное и видѣніе и слышаніе съ небеси. На крестившагося въ водѣ Іордана *и молящагося Іисуса* (Лук. 3, 21) снисходитъ Духъ Святый, въ видѣ голубинѣ, изъ отверстаго неба слышится Отеческій гласъ любви: *сей есть сынъ Мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ.*

Послѣ сего можемъ еще съ большею силою побуждать: *жаждущіи идите на воду* (Ис. 55, 1); идите на Іорданъ не только видѣть, слышать, но и воспріять; *идите и почерпите воду съ веселіемъ отъ источникъ спасенія* (12, 2).

Можно идти безъ жажды,—безъ желанія, безъ чувства, безъ усердія. Но въ такомъ расположеніи ничего нельзя ни услышать, ни увидѣть, а кольми паче ни для ума, ни для сердца нельзя воспріять ничего утѣшительнаго, живаго, спасительнаго. *Жаждущіи идите на воду, и почерпите воду съ веселіемъ отъ источникъ спасенія.*

Чтобы съ жаждою,—съ освященнымъ горѣніемъ духа идти на воду, простремъ съ желаніемъ спасительнаго напоенія взоръ на тѣ

блага, какія мы и въ простомъ, естественномъ, и въ знаменательномъ—таинственномъ дѣйствіи пріемлемъ отъ воды.

Какъ въ вещественномъ мірѣ бытіе вещей началось *отъ воды и въ водѣ* словомъ Божіимъ (2 Петр. 3, 5): такъ и въ благодатномъ мірѣ духовное бытіе и рожденіе начинается отъ воды и водою. *Аще кто не родится водою и Духомъ*, говоритъ Спаситель, *не внидетъ въ царствіе небесное* (Іоан. 3, 5). Въ вещественномъ мірѣ вода есть общая купель бытія и происхожденія всѣхъ вещей и въ благодатномъ мірѣ таинственная вода крещенія есть общая купель духовнаго бытія всѣхъ благодатныхъ чадъ Божіихъ, раждаемыхъ для жизни праведной и для творенія дѣлъ во свѣтѣ лица Божія. И дѣйствующее, животворное начало, какъ въ вещественномъ такъ и благодатномъ твореніи есть слово Божіе. *Порождени не отъ сѣмене истлѣнна, но не истлѣнна, словомъ живаго Бога и пребывающа во вѣки* (1 Пет. 1, 23); равно дыханіе, коимъ возбуждается благодатная жизнь, и отрожденный человѣкъ содѣлывается душею живою, производится носящимся надъ

безобразнымъ веществомъ животворящимъ Духомъ Божіимъ. Сіе дыханіе въ дѣятельной жизни поддерживается духомъ молитвы; молитвою внутренняя жизнь питается, укрѣпляется. Посему для питанія и укрѣпленія въ себѣ благодатной жизни, полученной въ купели крещенія, намъ необходимо, какъ новорожденнымъ младенцамъ, возлюбить чистое, словесное млеко слова Божія (1 Пет. 2, 2),—чистое, Богооткровенное ученіе правды и святости, дабы возрастать во спасеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ *духа въ себѣ не угашать*, но *возгрѣвать* оный непрестанною *молитвою и моленіемъ на всякое время Духомъ* (Еф. 6, 18). Тогда и въ нашей пустынѣ *проторжется вода; безводная будетъ во езера и на жаждущей земли источникъ водный будетъ* (Ис. 35, 6. 7).

Другое свойство естественной воды есть то, что вода составляетъ начало производительное. Въ землѣ, какъ въ общей утробѣ, посредствомъ напоенія растительная и животная сила, усыпленная возбуждается, приводится въ дѣйствіе. Сѣмена самыя добрыя и въ самой доброй, согрѣтой, но сухой, не

орошенной землѣ посѣянныя, безъ благотворнаго орошенія влагою, со всею плодотворною силою ихъ остаются бездѣйственны. Но когда благовременный дождь проливается на изсохшее лице земли, когда потокъ водный напаяетъ бразды ея, дождевными каплями размягчаетъ глыбы ея, тогда поля исполняются тука, разботѣваютъ пустынныя пажити, холми препоясуются радостію, удолія умножаютъ пшеницу (Пс. 64, 10—14): все тогда исполняется жизни.

И на духовной землѣ нашей не иначе, какъ потоками, орошеніемъ возбуждается, приводится въ дѣйствіе усыпленная грѣхомъ сила жизни со всѣмъ ея плодоприношеніемъ. Какими потоками, какимъ орошеніемъ приводится въ дѣйствіе благодатная въ насъ сила жизни? Слезными потоками. Подлинно—много мы можемъ посѣвать въ умѣ нашемъ благихъ сѣменъ истины и добра ученіемъ, слышаніемъ, благополезнымъ чтеніемъ, собесѣдованіемъ, а еще паче—различными опытами; много можемъ полагать основаній къ добрымъ дѣламъ тщательнымъ исполнені-

емъ нашихъ частныхъ—домашнихъ и общественныхъ обязанностей. Но все это не произведетъ въ насъ истиннаго плода во спасеніе, доколѣ сердце наше не будетъ умягчено сокрушеніемъ; доколѣ самыя очеса наши отъ росоноснаго движенія духа, не будутъ источать капли умиленія и скорби по Бозѣ. Покаяніе есть второе крещеніе. Слезное орошеніе умягчаетъ самое каменосердечіе; капли дождя слезнаго оживляютъ лице внутренней земли нашей и уготовляютъ бразды ея къ плодоприношенію. *Сѣющіи слезами, радостію пожнутъ. Ходящіи хождаху и плакахуся, метающе сѣмена своя: грядуще же пріидутъ радостію, вземлюще рукояти своя* (Пс. 125, 5. 6). По мѣрѣ возрастанія умиленія въ духѣ нашемъ, умъ нашъ начинаетъ порождать мысли богобоязненныя, сердце производить чувствованія благоговѣйныя, воля укрѣпляться въ твердыхъ расположеніяхъ благоугождать волѣ Божіей; вмѣстѣ съ тѣмъ легкомысліе начнетъ изчезать, житейскія пристрастія, какъ призраки, разсѣяваться, суетныя забавы представляться тѣмъ, чѣмъ онѣ суть на самомъ дѣлѣ, потерею времени, тра-

тою драгоцѣннаго здравія, всего чаще злоупотребленіемъ даровъ Божіихъ.

Чада благодатнаго рожденія отъ воды и Духа!—Научимся, и будемъ, по примѣру Пророка Давида, измывать слезами (Пс. 6, 7) сердечной скорби самое внутреннее ложе нечистыхъ нашихъ мыслей, желаній, расположеній. Тогда, по слову Господа, съ смиреннымъ благодерзновеніемъ на всепрощающую милость Его, можемъ явиться на судъ благости Его: и если будутъ грѣхи наши, яко багряное; Господь и ихъ, яко снѣгъ убѣлитъ; и если будутъ, яко червленое, яко волну убѣлитъ (Ис. 1, 18). Будемъ молить Духа Божія, да проразитъ Онъ въ сердцахъ нашихъ водный потокъ умиленія, и въ безводной дебри душъ нашихъ воду сокрушенія. Тогда и наша жаждущая пустыня, орошаемая внутреннимъ потокомъ умиленія, возрадуется, начнетъ процвѣтать, какъ кринъ (35, 1), и произращать дѣла спасенія.

Замѣтимъ еще одно общее свойство естественной воды, то свойство, что она имѣетъ чистительную силу. Безъ воды мы погрязли бы въ нечистотахъ; водою омываемъ

все нечистое, убѣляемъ наши ризы, содержимъ въ чистотѣ сосуды, дѣлаемъ даже свѣтлыми, прозрачными темныя, очернившіяся вещи. Омывая водою прилѣпшій прахъ и всякія нечистоты, убѣляемъ вещи безъ разрушенія, очищаемъ безъ сокрушенія. А что подлинно удивительное можемъ примѣчать въ свойствѣ воды, это то, что отъ воды чрезъ преломленіе въ ней лучей свѣта, и драгоцѣнные камни получаютъ чистоту, прозрачность, совершенство своего вида и сіянія. Удивительно дѣйствіе Премудрости Творческой въ естествѣ драгоцѣнныхъ камней, образующихся во глубинѣ нѣдръ земныхъ совокупнымъ дѣйствіемъ свѣта и воды! Это дивное, свѣтотворное дѣйствіе воды не представляетъ ли дѣйствія просвѣтительной силы Духа Святаго, очищающаго, просвѣщающаго, украшающаго многоразличными дарованіями измовенныя благодатію души? Чистота,—которая есть необходимое свойство наше, чада благодати, рожденныя отъ воды и Духа, чистота уясняетъ око ума, разширяетъ желанія сердца, просвѣтляетъ духовныя чувства, отрѣшаетъ отъ земли духъ, а отрѣ-

шенный отъ земнаго духъ, дѣлаясь способнѣе къ принятію на себя дѣйствій—Духа Божія, отъ источника всѣхъ благихъ дарованій, пріемлетъ, какъ небесное свѣтолитіе, духовные дары, духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣденія и благочестія и духъ страха Божія, съ которыми пріемлетъ, по изволенію Духа, и прочія дарованія, какъ отраженіе сіянія одного и того же свѣта. Кто вѣруетъ въ меня, говоритъ Спаситель, у того изъ чрева потекутъ рѣки воды живы (Іоан. 7, 38), потекутъ изъ внутреннихъ сокровищъ духовныя дарованія, также какъ изъ нѣдръ земли изъемлются многоцѣнные, свѣтосіяющіе камни.

Намъ непадлежитъ увлекаться желаніемъ великихъ даровъ. Паче всего надлежитъ заботиться о стяжаніи чистоты ума и сердца чрезъ измовеніе отъ Духа благодати. Чистота сама по себѣ есть уже великій духовный даръ, есть сокровище для духовныхъ драгоцѣнностей. Нужно только освѣжать ее свѣтомъ истины, растворять теплотою любви, и—при свѣтлости ума, при чистотѣ сердца неоскудѣетъ ни едино изъ тѣхъ великихъ,

драгоцѣнныхъ обѣтованій, каковыя намъ къ жизни и благочестію дарованы чрезъ познаніе Призвавшаго насъ славою и добродѣтелію (2 Петр. 1, 3. 4). *Блажени чистіи сердцемъ: яко тіи Бога узрятъ* (Мат. 5, 8)!

Спхъ обѣтованій чающе, о возлюбленніи, будемъ очищать себя отъ всякія скверны плоти и духа водою покаянія, чрезъ исхожденіе въ пустыню тишины и уединенія; блюдя чистоту и святыню во страсѣ Божіи, потщимся со дня на день обновляться духомъ во спасеніе, готовое открыться въ насъ во всякое время.

Жаждущіе правды, чистоты, освященія! Идемъ на воду, идемъ въ духовной жаждѣ Боговидѣнія мысленно на Іорданъ для благодатнаго напоенія во спасеніе. При мысли о освященіи естества водъ, напечатлѣемъ въ мысляхъ нашихъ, что вода есть общая купель рожденія — и вещественной, и невещественной — благодатной тварп; что напоеніе есть источникъ плодопрпношенія, и въ видимой — животной, душевной, и невидимой духовной прпродѣ, и что очищеніе водою и духомъ есть колико необходимое, толико же

благодѣтельное для насъ очищеніе, дарованное намъ благостію Божіею во избавленіе отъ огненнаго, жупельнаго потребленія.

Единородный Сыне Божій, погружающійся днесь для нашего очищенія въ водахъ Іорданскихъ, погрузи въ водахъ милосердія Твоего нечистоты наши! Душе Святый, нисшедый днесь въ видѣ голубинѣ на крестившагося Спасителя нашего, пріиди и на насъ,— возглавляемыхъ Божественною Главою нашею и соедини насъ съ Нимъ, какъ живые члены тѣла Его! Отче Небесный, надъ возлюбленнымъ Сыномъ Твоимъ возгласившій днесь во услышаніе всего міра гласомъ вѣчной любви, воспріими и насъ въ Сынѣ любви Твоея въ вѣчную любовь и благоволеніе Твое! Тогда и мы прочее будемъ жаждать душами нашими токмо того, когда пріидемъ и явимся лицу Твоему, Тріединый, препѣтый, превозносимый во вѣки, Троице, Боже нашъ. Аминь.

СЛОВО

Въ день собора Іоанна Крестителя.

Пріиде Іоаннъ Креститель, проповѣдая въ пустыни Іудейстѣй, и глаголя: покайтеся, приближибося царствіе небесное (Мат. 3, 1. 2).

Святая Церковь, — благовѣстница таинъ спасенія, и провозвѣстница великихъ дѣлъ Божіихъ въ царствѣ благодати, въ предшествовавшіе дни по гласу пустыннаго Проповѣдника изводила насъ въ пустыню Іорданову, для слышанія проповѣди его о уготованіи себя къ пріятію грядущаго Просвѣтителя душъ нашихъ, въ великій праздникъ минувшаго дня изводила насъ мысленно на Іорданъ видѣть крещеніе Спасителя и поклониться тайнѣ Троическаго Богоявленія; въ настоящій день собрала насъ для восхваленія самаго Крестителя и свидѣтеля Троичес-

каго на Іорданѣ Богоявленія, дабы прославить великое служеніе его, ублажить подвижническія добродѣтели, и, какъ изъ всемірной проповѣди о покаяніи, такъ и изъ примѣра высокихъ доблестей его поучиться покаянію и исправленію. Послѣ всепраздничественнаго дня Крещенія Спасителя непосредственно празднуя соборъ Предтечи и Крестителя, Церковь воздаетъ тѣмъ славу великому служителю царства Христова всеродною проповѣдію покаянія предуготовившему путь въ міръ Спасителю міра и чрезъ крещеніе Его послужившему великой тайнѣ обновленія всего рода человѣческаго крещеніемъ.

Во славу крестившагося для спасенія нашего Господа и въ честь великаго Крестителя Его, для назиданія нашего воззримъ съ благоговѣніемъ на Іоанна, 1) какъ на пустынника, 2) какъ на проповѣдника покаянія 3) какъ на вѣрнаго служителя Христова.

I. Предтеча—великій пустынникъ.

Іоаннъ былъ въ собственномъ смыслѣ пустынникъ и гражданинъ пустыни. *И бѣ въ*

пустынѣхъ, заключаетъ Евангелистъ Лука повѣствованіе о рожденіи Іоанна, *и бѣ въ пустынѣхъ до дне явленія своего ко Израилю*. Дарованный отъ Бога праведнымъ родителямъ, Захарію и Елисаветѣ во дни глубокой, неспособной къ чадородію старости, Іоаннъ, еще отъ чрева матери, исполненный Духа Святаго, отъ самой колыбели былъ воспитанъ въ безмолвіи. Сокрытый праведною Елисаветою въ пустынѣ отъ дѣтоубійства Иродова, и вмѣстѣ съ млекомъ благочестивой матери напитанный живыми чувствованіями благочестія и страха Божія, Іоаннъ, питомецъ уединенія, непримѣтно изъ нѣдръ святой матери перешелъ въ нѣдра безмолвія, приближился къ ангельскому собесѣдованію и жизни въ Богѣ. Возрастая въ пустыни, какъ благоуханное растеніе животнаго рая Божія, Іоаннъ, отрѣшенный отъ всякаго житейскаго стяжанія и чувственнаго утѣшенія, ни хлѣба не ѣлъ, ни вина не пилъ, искуственно приготовленныхъ (Лук. 7, 33); ѣлъ только акриды и медъ дикой, носилъ жесткую одежду изъ вельблюжьяго волоса и кожаный поясъ для опоясанія. Такими черта-

ми изображается въ Евангеліи пустынная жизнь Іоаннова, отрѣшенная отъ обыкновенныхъ житейскихъ потребностей: онъ не пилъ какъ предвозвѣстилъ и Архангелъ, ни вина, ни сикера, ни какого напитка, доставляющаго вкусу услажденіе (Лук. 1, 15). Дабы понять, что это черта велпкаго воздержанія въ Іоаннѣ, надобно представить себѣ, что Іоаннъ жилъ въ знойной пустынѣ и однакожь изобильной виноградомъ и другими плодами. Какое могло быть невинніе утѣшеніе для пустыннаго жителя, провождавшаго жизнь въ знойной пустынѣ, какъ не то почти необходимое утѣшеніе, чтобы для утоленія палящей жажды и для возстановленія утомленныхъ силъ, хотя безъискуственно растворить простую воду сокомъ винограда и другихъ плодовъ. Но Іоаннъ не касался ни плодовъ, тѣмъ паче не вкушалъ въ питіи ничего такого, что было бы растворено сокомъ плодовъ и потому могло услаждать и возбуждать желаніе въ большемъ избыткѣ упоять себя опымъ. Онъ ѣлъ медъ дикій и акрпды, пилъ воду,—ѣлъ и пилъ самое простое, легкое, безъискуственное и столько, сколько по

самой крайней надобности нужно было для поддержанія бытія. При такой пищѣ тѣло, не лишаясь нужнаго, но и не получая излишняго питанія, соотвѣтствовало во всемъ бодрственной дѣятельности души; высокій пламенный духъ Іоанна погруженъ былъ въ Богѣ; неомрачаемыя ни отвнѣ, ни внутри чувства были ясны и тонки; присовокупимъ къ сему простое, отшельническое одѣяніе, величественный, свѣтовидный лица зракъ, и мы можемъ ясно себѣ представить, что Іоаннъ и по самому внѣшнему своему виду былъ земный Ангелъ и небесный человѣкъ, существо превыше-земное, въ которомъ тѣло покорено было душѣ, чувства уму, плоть духу, въ которомъ сіялъ Божественный свѣтъ, сила и благодать. По сей-то ангелоподобной чистотѣ и отрѣшенію отъ чувственнаго онъ и удостоился быть крестителемъ Спасителя.

Если мы обратимся къ себѣ, то и сами можемъ чувствовать, сколько мы, именующіеся чадами благодати, не похожи на Іоанна, предуготовителя нашего къ благодати, сколько мы чувственны, сластолюбивы, плотоугодны, роскошны, невоздержны! Вразумимся же: если мы

по слабости и своеугодливости не можемъ отказать себѣ въ услаждающихъ брашнахъ и питіи, не будемъ по крайней мѣрѣ прельщаться и упиваться; не будемъ позволять себѣ услаждающихъ брашенъ тогда, когда возбраняетъ употребленіе оныхъ святая Церковь. Также если по духу времени и общежитія не можемъ поставить себя въ состояніе простоты жизни, не можемъ отказаться отъ искусственности въ одѣяніи: то отвергнемъ великолѣпіе, превышающее наше состояніе, отринемъ суетныя украшенія, которыми питается наша изнѣженность и тщеславіе, и которыми суетность ищетъ блистать въ очахъ другихъ, уловлять разсѣянность и уловляться въ разсѣяніе.

II. Предтеча—проповѣдникъ покаянія.

Будучи великій подвижникъ, Іоаннъ былъ въ преимущественномъ смыслѣ проповѣдникъ покаянія. Предназначенный предъити Мессіи въ духѣ и силѣ Иліи, дабы *обратить сердца отцевъ на чада*, дабы правыя понятія вѣры и благія расположенія благочестія пред-

ковъ возстановить и укрѣпить въ сердцахъ потомковъ, Іоаннъ являлъ образъ непрерывнаго покаянія въ самомъ себѣ, въ своей Ангело-подобной жизни, отрѣшенной отъ всякаго мірскаго прикосновенія; ни взоръ, ни слухъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ни мысль, ни желанія его не были омрачены ни чѣмъ плотскимъ, разсѣяннымъ;—являлъ въ своемъ ученіи, выражавшемъ какъ непорочность законной правды его, такъ и святость проповѣдуемаго имъ грядущаго царствія Мессіи. Пріуготовляя къ принятію Христа и Царства Его, и какъ свѣтильникъ свѣта озаряя сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной, какъ гласъ Слова направляя блуждающихъ на путь правды, Іоаннъ проповѣдію своею, исполненною духа и силы, высоты надменія низлагалъ, долы униженія подымалъ, дебри страстей и пороковъ разчищалъ. Возбудивъ Іудейскій народъ къ ожиданію Мессіи въ чувствѣ покаянія и исправленія, Іоаннъ всего болѣе направлялъ проповѣдь свою къ низложенію гордости начальниковъ и законоучителей Іудейскихъ, Фарисеевъ и Саддукеевъ. Низлагая чувственность Саддукеевъ и ложныя до-

бродѣтели Фарисеевъ Ангельскимъ воздержаніемъ и небесною чистотою, инспровергалъ гордость однихъ и плотоугодіе другихъ силою обличенія, а общее въ Іудеяхъ душевредное предубѣжденіе, что они чада Авраамовы, и слѣдовательно по самому происхожденію родъ святой, разрушалъ непререкаемою истиною, что одно плотское происхожденіе отъ Авраама не усвояетъ имъ правды Авраамовой, что они по правамъ своимъ не чада Авраамовы, а порожденіе злое, сыны беззакопія, что для избѣжанія грядущаго гнѣва имъ надлежитъ принести плоды истиннаго покаянія въ смиреніи и исправленіи жизни. Иначе шествующій Мессія, имѣющій крестить Духомъ святымъ, посѣчетъ и изторгнетъ ихъ, какъ безплодныя древа, пожжетъ и развѣетъ, какъ солому и плевелы. Такъ Іоаннъ проповѣдалъ покаяніе Іудеямъ.

Если бы Предтеча нынѣ явился посредѣ насъ съ своею пламенною проповѣдію: то онъ и между нами множество нашелъ бы Фарисеевъ,—людей, которые отвнѣ лицемѣрно украшаютъ себя ложными добродѣтелями, а внутри исполнены всякой нечистоты; еще

болѣе открылъ бы Саддукеевъ, людей плотскихъ, разсѣянныхъ, которые, не имѣя раченія о Богѣ, попеченія о душѣ, заботы о смерти и послѣдующей за смертію жизни, полагаютъ все благо въ удовольствіяхъ плоти, всю честь въ суетной славѣ мірскихъ достоинствъ, всю радость въ пріобрѣтеніи богатства и услажденіи чувствъ; и, быть можетъ, большую часть изъ насъ обличилъ бы въ несоотвѣтствіи нашей жизни носимому нами имени Христіанъ, чадъ благодати и наслѣдниковъ царствія. Нѣтъ! — сказалъ бы онъ намъ: вы несообразуетесь со Христомъ вашими нравами, расположеніями, вашими дѣлами и жизнію. Гдѣ у васъ мудрость Христова, гдѣ чистота Его, гдѣ кротость и терпѣніе Его, гдѣ самоотверженіе и благодушное несеніе креста Его,—эта внутренняя печать Христіанства? Нѣтъ, сотворите плоды достойны покаянія, и, нося на себѣ священнѣйшее имя Христіанъ, потщитесь соотвѣтствовать великому званію и избранію своему духовною мудростію въ умѣ, чистотою въ сердцѣ, благопослушаніемъ на всякое добро въ волѣ, распинаніемъ чувствъ со страстьми

и похотьми, неослабнымъ несеніемъ креста Его и неуклоннымъ шествіемъ въ слѣдъ за Нимъ въ трудахъ, терпѣніи, въ чистотѣ внѣшней и внутренней. *Сотворите плоды достойны покаянія.*

III. Предтеча — вѣрный до смерти служитель Христовъ.

Изъ многихъ великихъ доблестей Предтечи и Крестителя Господня замѣтимъ еще одну-ту, что онъ былъ вѣрный до смерти рабъ Божій и смиренный служитель Христовъ. Это довольно объяснить однимъ обстоятельствомъ необыкновеннаго уваженія, какое имѣли къ Іоанну ученики его.

Находясь въ узилищѣ, гдѣ содержался Иродомъ за обличеніе безаконія его, гдѣ положилъ и жизнь свою за правду законную, Іоаннъ посылалъ двухъ учениковъ спросить Іисуса, о Которомъ всюду проходила слава: *Ты ли еси грядый, или иного чаемъ?* Ты ли тотъ самый обѣщанный Мессія, или ожидать намъ другаго?

Іоаннъ посылалъ съ вопросомъ къ Іисусу не по своему недоумѣнію о Іисусѣ. Іоаннъ, креститель Христовъ, видѣвшій сошествіе Свят. Духа на Іисуса, слышавшій съ небесъ гласъ Отца, свидѣтельствовавшій о Немъ, какъ о Единородномъ, возлюбленномъ Сынѣ Своемъ, могъ ли имѣть какую тѣнь сомнѣнія о Іисусѣ, что Онъ есть обѣтованный Спаситель? Ученикамъ Іоанновымъ нужно было удостовѣреніе, они небыли еще увѣрены въ томъ, дѣйствительно ли Іисусъ есть обѣтованный Мессія? И вотъ отъ чего происходило сомнѣніе ихъ. Іоаннъ, коего, по свидѣтельству Самаго Христа, не было больше изъ рожденныхъ женами, облеченный духомъ и силою Иліиною, сильный ученіемъ, какъ гласъ Слова, чудный по воздержанію и святости жизни, какъ Ангелъ безплотный и человѣкъ небесный, Іоаннъ вдругъ явившись изъ пустыни посреди людей, сѣдящихъ во тьмѣ невѣденія и ходящихъ въ сѣни страстей, какъ, свѣтильникъ свѣтящій и горящій (Іоанн. 5, 35), когда началъ учить и крестить, то не только простой народъ думалъ, что онъ и есть Христосъ, но и начальники Іудейскіе, будучи въ тѣхъ же мысляхъ,

отправляли къ Іоанну отъ лица собора нарочныхъ изъ Іудеевъ и Левитовъ спросить Іоанна, кто онъ? Не Христосъ ли, что креститъ (Іоанн. 1, 25)? Что же до учениковъ Іоанновыхъ, то преданнѣйшіе изъ нихъ готовы были съ увѣренностію принять Іоанна за самаго Мессію. Несмотря на то, что Іоаннъ свидѣтельствовалъ, что онъ не Христосъ, но посланъ предъ Нимъ (Іоанн. 3, 28), что онъ крещаетъ водою а Христосъ будетъ крестить Духомъ Святымъ, и столько превосходитъ его, что онъ не достоинъ развязать ремень у сапога Его (— 1, 26, 27), ученики Іоанна, относя это къ смиренію своего учителя, чѣмъ больше слышали ученіе его и ближе видѣли дѣла его, тѣмъ болѣе увѣрялись въ величіи Іоанновомъ.

Вотъ Іоаннъ уже заключенъ былъ Иродомъ въ темницу. Лишенный свободы, онъ не лишенъ былъ утѣшенія, чтобы свободно приходили къ нему въ темницу, для принятія наставленій его. Въ это время ученики Іоанновы, пришедши къ нему въ темницу, возвѣстили ему о множествѣ чудесъ, совершаемыхъ Іисусомъ, но возвѣстили съ недовѣріемъ къ

достоинству лица Его, какъ Мессіи. Тогда Іоаннъ, оканчивая уже теченіе свое, и уподобляясь догоравшему свѣтильнику, дабы при самомъ догораніи дать послѣднее свидѣтельство о Христѣ, что Онъ есть истинный Мессія, по поводу возвѣщенія учениками о множествѣ чудесъ, совершаемыхъ Христомъ, посылаетъ двухъ учениковъ самыхъ ревностныхъ изъ приверженцевъ своихъ, подъ видомъ, будтобы и самъ раздѣлялъ сомнѣніе съ ними, спросить самаго Іисуса: Онъ ли есть Мессія, или не Онъ? Посланные, пришедши къ Іисусу, сказали о причинѣ посланія ихъ къ Нему Іоанномъ. Въ то время Іисусъ, въ глазахъ посланныхъ изцѣливъ многихъ отъ различныхъ болѣзней и злыхъ духовъ, сказалъ имъ въ отвѣтъ, чтобы они шли и сказали Іоанну то, что видѣли и слышали, давъ сомнящимся разумѣть, что они сами своими глазами видятъ исполненіе пророческихъ пророченій о Мессіи, ясно знаменующихся на Немъ въ различныхъ благодѣяніяхъ и благотворныхъ изцѣленіяхъ, чудесно совершаемыхъ Имъ, и въ скрытномъ упрекѣ вразумилъ ихъ, что блаженъ тотъ, кто не соблазняясь смиреннымъ

видомъ Его, въ Божественныхъ дѣяніяхъ Его съ вѣрою зритъ въ Немъ Мессію.

Такимъ образомъ ученики Іоанновы возвратились удостовѣренными о Божественности Спасителя, и вполнѣ удостовѣрились о Іоаннѣ, что онъ не Христосъ, но только посланъ предъ Нимъ, — уготовать путь Ему. Столько-то Іоаннъ былъ кротокъ, смиренъ и далекъ отъ всякаго присвоенія не принадлежащаго ему. Каковую черту смиренія съ особенною силою замѣчаетъ въ немъ Евангелистъ, говоря объ отвѣтѣ его Іереямъ и Левитамъ: *исповѣда и неотвержеся: и исповѣда; яко несмь азъ Христосъ.* (1, 20). Онъ радуясь пострадалъ и за истину, какъ рабъ Божій, какъ служитель Христовъ, который отъ пустынной пещеры до меча спекулатора въ Иродовой темницѣ единственно служилъ для славы Христа и Царства Его.

Христіане! такъ ли мы вѣрны нашему званію, нашему служенію, нашему дѣлу, данному намъ отъ Бога, возложенному на насъ отъ Церкви, отъ общества, отъ семейства! Такъ ли мы чужды и предъ Богомъ и человѣками всякаго присвоенія непринадлежащей намъ

чести? Будемъ, какъ твари, воздавать Славу Богу, какъ чада Церкви, съ благоговѣніемъ чтить уставы ея, какъ подчиненные оказывать повиновеніе Начальству, какъ сочлены отдавать честь и преимущество высшимъ и лучшимъ насъ, какъ собраты и всякому человѣку должное, а на себя съ смиреніемъ и самоуничиженіемъ будемъ смотрѣть, только какъ на слугъ Божіихъ и на служителей братіи нашей, все, что ни имѣемъ добраго, душевные и тѣлесные дары, блага жизни, честь и преимущества состоянія, все будемъ приписывать Богу, Подателю всѣхъ благъ, а себѣ только немощи, недостатки, и грѣхи; не будемъ смѣть и мыслію судить и осуждать ближнихъ нашихъ.

Отъ дней Іоанна Крестителя, великаго подвижника, проповѣдника всемірнаго покаянія и вѣрнаго уготовителя спасительнаго пути Христова, *доселѣ царствіе Божіе нудится и нуждницы*, кающіеся, смиряющіеся и исправляющіеся грѣшники *восхищаютъ е.* Іоаннъ Крестителъ и въ мытаряхъ пробудилъ чувство, желаніе, рвеніе къ исканію царства небеснаго и отчужденные отъ царствія Божія

грѣшники стали восхищать царствіе Божіе. Какъ же намъ, призваннымъ для царствія и посящимъ имя сыновъ Царствія, какъ намъ нынѣ, при содѣйствіи благодати Христовой, прямымъ путемъ не тещи въ отверстое для насъ царствіе небесное, не совращаясь и не озпраясь? *Покайтеся: приближибося царство небесное.* Аминь.

СЛОВО

Въ недѣлю по просвѣщеніи.

Покайтеся, приближибося царствіе небесное (Мат. 3, 2)

Такъ Предтеча, явившись въ пустынѣ Іорданової, воззывалъ Іудеевъ въ устраненіи отъ житейскаго волненія къ пріятію грядущаго Мессіи. Предуготовляя путь Грядущему, взывалъ онъ въ сплѣ духа: *покайтеся*, — остановите потокъ житейской разсѣянности, войдите въ себя, соберитесь съ мыслями, уготовтесь обузданіемъ нечистыхъ склонностей, отложеніемъ порочныхъ дѣлъ пріять грядущаго Мессію. *Приближибося царствіе небесное:* — приближилось то царство, которое обѣщалъ Богъ возстановить на земли посредствомъ обѣтованнаго Избавителя. Это царство не земное, а небесное; Царь

этого царства — Сынъ Божій грядетъ съ неба, блага приносптъ небесныя, — истинное богопознаніе и благочестіе, царство будетъ устроять небесное, будетъ уготовлять гражданъ на земли для неба. *Покайтеся:* я посланъ крестить и крещаю васъ водою, чтобы предъочистить для достойнаго принятія грядущаго Мессіи, а Грядущій вслѣдъ меня будетъ *крестить васъ Духомъ Святымъ:* небесною истиною будетъ просвѣщать ваши умы, Божественною чистотою исправлять сердца, благодатною правотою направлять на всякое добро. При такомъ духовномъ крещеніи, Онъ, какъ сердцевѣдецъ, будетъ о каждомъ судить по внутреннимъ свойствамъ и послушныхъ слову Его, какъ пшеницу, будетъ уготовлять въ небесную житницу, а безплодныхъ, какъ плевелы, назначать на сожженіе неугасаемое.

Такъ проповѣдывалъ Предтеча. Народъ благоговѣлъ къ нему, Мытари и грѣшники смирялись, самые Фарисеи и Саддукеи не смѣли противовѣщать проповѣднику законной правды, который въ подвижническомъ

видѣ своемъ представлялъ совершенный образъ покаянія.

И Самъ проповѣданный имъ Избавитель, вступивъ въ великое служеніе спасенія человѣческаго, началъ проповѣдь свою также съ покаянія: *отселѣ начатъ Іисусъ проповѣдати и глаголати: покайтеся—приближибося царствіе небесное.* Началъ проповѣдь съ покаянія не какъ приготовленіе, но какъ открытіе проповѣданнаго уже царства, началъ и какъ царь,—учредитель этого царства, и какъ исполнитель воли Отца небеснаго, и полагая основаніе благодатному царству небеснымъ ученіемъ, благодѣтельностію чудесъ, а паче Божественными своими добродѣтелями, своею проповѣдію возвѣщалъ тоже, что обѣтованное царство Мессіи настало и открылось посреди тѣхъ, которымъ проповѣдуется. *Покайтеся, приближибося царство небесное.*

Христіане! давно намъ проповѣдуется покаяніе: *покайтеся,—царствіе Божіе внутрь васъ.*—Вонмемъ проповѣди самаго Спасителя о покаяніи, и размыслимъ: въ чемъ состоитъ истинное покаяніе, дабы содѣлаться

причастниками внутрь насъ сущаго царства Христова.

Извѣстно, что никакая скверна, не очищенная искреннимъ, болѣзненнымъ покаяніемъ, не исповѣданная предъ милосердіемъ Божіимъ, не войдетъ въ царство небесное (Апок. 21, 27). Отселѣ весь путь царства благодати есть преимущественно путь покаянія, исправленія, очищенія, гдѣ терпимы милосердіемъ Божіимъ и великіе грѣшники въ надеждѣ покаянія и исправленія. Но и всѣ мы много и тяжко согрѣшаемъ (Іак. 3, 2), и произвольными грѣхами обнажаемся благодатной ризы правды, въ которую облечены въ купѣли крещенія, теряемъ право чадъ Божіихъ, ниспадаемъ изъ царства благодати. Непрестанно согрѣшающимъ и грѣхами очерняющимъ чистоту душевную непрестанно нужно покаяніе, какъ второе крещеніе, какъ непрерывное благодатное омовеніе.

Итакъ, при непрестанныхъ преткновеніяхъ и паденіяхъ нашихъ на пути благодатнаго шествія къ царству небесному, стоитъ всего вниманія нашего вполнѣ знать и ра-

зумѣть, въ чемъ состоитъ истинное покаяніе.

Истинное покаяніе есть истинное познаніе самаго себя, познаніе не своихъ совершенствъ, не своихъ добрыхъ дѣлъ, каковыхъ въ насъ нѣтъ, а если бы и были, какъ онѣ дѣло благодати, благодати Божіей принадлежитъ за нихъ и хвала;—но есть живое познаніе своихъ растлѣнныхъ свойствъ, пороковъ, преступленій. Это живое познаніе, переходя въ столь же живое чувство гибельнаго состоянія грѣховной жизни, производитъ сокрушеніе въ духѣ, поселяетъ заботу въ сердцѣ:—свергнувъ съ себя иго господствующихъ страстей и пороковъ, жить для благоугожденія Богу, для исправленія своихъ грѣховъ, для служенія ближнимъ примѣромъ возможнаго назиданія.

Посему истинное покаяніе начинается съ живаго познанія грѣховъ, какъ душевныхъ болѣзней, переходитъ въ чувство сердечнаго раскаянія о грѣхахъ, какъ о душетлѣнныхъ болѣзняхъ, и въ сердечномъ раскаяніи порождаетъ рѣшимость о исправленіи грѣховъ, какъ о уврачеваніи опасныхъ душевныхъ бо-

лѣзней. Больный, знающій болѣзненность свою, чувствуя опасность своего состоянія, будетъ чувствовать нужду и во врачѣ и врачеваніи. Это троякое дѣйствіе покаянія явствуетъ и изъ примѣра обращенія блуднаго сына, который прежде всего *пришелъ въ себя,* — въ сознаніе своихъ грѣховъ, потомъ въ раскаяніи пошелъ и повергся предъ отцемъ: *Отче! согрѣшихъ на небо и предъ тобою,* — и въ сердечномъ раскаяніи выразилъ рѣшимость о исправленіи своемъ въ дому отца: *сотвори мя, яко единаго отъ наемникъ твоихъ.*

Первое дѣйствіе покаянія — познаніе своихъ грѣховъ.

Дабы познать грѣховность свою, — эту темную область нашихъ дѣлъ, надлежитъ намъ въ подробности знать весь ходъ грѣховной жизни своей, что мы въ продолженіи жизни худаго дѣлали, въ чемъ безразсудно поступали, когда какія рѣчи говорили непотребныя, слова соблазнительныя, которыя повели насъ къ намѣреніямъ постыднымъ, расположеніямъ

преступнымъ, стремленіямъ необузданнымъ, къ дѣйствіямъ беззаконнымъ, откуда произошли многоразличныя распутія къ такимъ же и подобнымъ дѣйствіямъ, изъ которыхъ съ теченіемъ времени образовалась цѣпь беззаконныхъ поступковъ и дѣлъ. Съ свѣтильникомъ строгаго испытанія мы должны обозрѣть жизнь свою со времени перваго проявленія въ насъ нравственнаго самосознанія и свободной воли, а вмѣстѣ съ нею преступнаго стремленія къ непозволенному: отъ чего и въ чемъ мы на пути нашей жизни и въ возрастѣ отрочества и юношества, и въ лѣтахъ мужества и даже преклонной старости особенно омрачались и запинались, претыкались и падали, воставали и опять низвергались, потемняли въ себѣ чувство страха Божія и внутренней правоты. Для сего надлежитъ намъ отыскать, вывести изъ сокровенностей тьмы, и во всей сплѣ обличить въ себѣ господствующую страсть, коренный порокъ, изъ котораго, какъ вѣтви, произрасли другіе, омрачающіе жизнь нашу, пороки. На этотъ корень надлежитъ намъ паче всего обратить вниманіе свое. Если мы самый ко-

рень зла потрясемъ, исторгнемъ, потребимъ: тогда удобнѣе можемъ отсѣкать и вѣтви.

Мы такъ раболѣпствуемъ господствующимъ въ мірѣ страстямъ, что онѣ всего чаще отъ нашей слабости безразлично свирѣпствуютъ въ нашемъ сердцѣ: корыстолюбіе подъ видомъ многоразличныхъ потребностей предаетъ насъ злоприобрѣтенію; плотоугодіе погружаетъ въ роскошь и сладострастіе; честолюбіе, при непмѣніи истинной чести, прикрываетъ внутреннее уничиженіе лицемѣріемъ, недостатокъ сердечной правоты наружною исправностію. Но сколько бы ни омрачены были грѣховно наши мысли, сколько бы ни смѣшаны желанія и не запутаны дѣйствія, мы не можемъ не чувствовать, какая главная страсть преобладаетъ въ насъ. Она даетъ видѣть себя изъ того, что мы всего болѣе любимъ, чѣмъ всего болѣе занимаемся, что составляетъ главный предметъ нашихъ желаній. Что болѣе всего занимаетъ наше сердце: то составляетъ и сокровище сердца. Если мы испытаемъ главный свой недугъ: то ясно увидимъ душевредныя обнаруженія его въ пройденномъ нами пути, ознамено-

ванномъ слѣдами стропотными и развращенными. Если корыстолюбіе есть коренная болѣзнь наша: то увидимъ, что отъ юныхъ лѣтъ склонности наши омрачались преступнымъ стремленіемъ къ злоприобрѣтенію, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ хитростямъ, обманамъ, клятвопреступленіямъ. Если тщеславіе есть душевный недугъ нашъ: то пренебреженіе къ равнымъ, ласкательство къ высшимъ, раздражительность, завистливость, своенравіе составляютъ мрачныя черты поведенія нашего. Если же гнусное сладострастіе составляетъ господствующую болѣзнь нашу: то многоразличные случаи нечистоты, изыскиваемые, привлекаемые, уловляемые, удерживаемые, продолжаемые, даже съ забвеніемъ внѣшняго приличія, какъ густою тьмою, покрываютъ пути жизни нашей. Такъ въ свойствахъ сильнѣйшихъ наклонностей и въ качествѣ порочныхъ дѣлъ, какъ въ зеркалѣ, увидимъ главные душетлѣнные недуги свои.

Такъ, начавши съ кореннаго зла, должны пересмотрѣть всѣ отрасли порочныхъ расположеній и законопреступныхъ дѣлъ, оскверняющихъ жизнь нашу.

Второе дѣйствіе покаянія — сокрушеніе сердца о грѣхахъ.

Но это испытаніе своей совѣсти въ грѣховной жизни и особенно въ разсужденіи смертныхъ болѣзней, потребляющихъ въ насъ духовную жизнь отчужденіемъ отъ Бога и благодати Его, должно быть въ насъ не сухое, не холодное, но сокрушенное, соединенное съ болѣзнію сердца, съ горькимъ чувствомъ грѣховнаго безобразія и униженія. Оно должно быть подобно тому, когда у больнаго, покрытаго гнойными струпами, при осмотрѣ ранъ, съ болѣзненнымъ прикосновеніемъ очищаютъ оныя, или отдираютъ присохшія перевязи для замѣны другими. Таково должно быть испытаніе своего сердца и судительное разсмотрѣніе своей грѣховной жизни: — надлежитъ возбудить въ совѣсти обличительное чувство тяжести грѣховъ, подвергнуть всей строгости суда ея непотребство оныхъ, вооружить ее всѣми мстительными воплями противу нечистоты побужденій и средствъ въ совершеніи оныхъ.

Не довольно возбудить въ себѣ чувство раскаянія въ грѣхахъ представленіемъ общей тяжести грѣховъ. Тяжки грѣхи, какъ преступленіе закона Божія, какъ нарушеніе св. воли Божіей, какъ оскорбленіе Господа, — Создателя, Промыслителя и Спасителя нашего, какъ свидѣтельство неблагодарности нашей къ безпредѣльнымъ благодѣяніямъ Божіимъ, вездѣ и во всемъ непрестанно насъ окружающимъ, наконецъ гибельны грѣхи, могущіе быть причиною вѣчной погибели нашей, если не покаемся.

Для возбужденія чувства сокрушенія всѣ эти представленія во всей живости необходимы: — необходимо представлять, что мы грѣхами нашими преступаемъ законъ Божій, составляющій основаніе бытія, дѣйствій, жизни всѣхъ тварей, нарушаемъ св. волю Божію, которая есть источникъ всякаго блага и совершенства, оскорбляемъ милосердаго Создателя, Промыслителя и Спасителя нашего, по единой благости насъ создавшаго, премудро жизнь нашу устрояющаго, и по единому милосердію Своею смертію отъ вѣчной смерти насъ искупившаго, что, безпо

рядками жизни и законопреступными дѣйствіями разслабляя душевныя и тѣлесныя силы свои, разстроивая существенное благо и лишая себя истиннаго наслажденія въ жизни, уготовляемъ себѣ и въ будущемъ несчастную участь. Все это мы должны представлять себѣ для возбужденія болѣзненнаго чувства тяжести грѣховъ нашихъ. Но это общее представленіе, не обнимая во всей глубинѣ безобразія грѣховъ нашихъ, часто бываетъ не сильно привести въ сокрушеніе обуявшую въ грѣхахъ окаменѣлость сердца нашего. При множествѣ тяжкихъ грѣховъ, для сокрушенія сердца надобно разкрыть внутренность его, —надобно въ плачѣ и рыданіи разторгнуть самую глубину сердца, представить предъ умные взоры всѣ тайныя причины, побужденія, средства, коп употребляемы были при совершеніи особенно тяжкихъ грѣховъ, разкрыть во всей наготѣ постыдные умыслы, съ копми составляемы были корыстолюбивые разчеты, начертываемы честолюбивые планы, возжигаемы сладострастныя расположенія, выполняемы преступныя дѣйствія: — надлежитъ во всей живости вообразить то

произвольное омраченіе ума, коимъ потемнялн въ себѣ свѣтъ, облнчительно освѣщавшій насъ въ обымавшей тьмѣ, то намѣренное ожесточеніе сердца, когда правое чувство вопіяло противу неправды злоумышленія, то насильственное подавленіе всѣхъ добрыхъ чувствъ, способствовавшихъ волѣ превозмогать преступныя требованія: чувство страха Божія, любовь къ сладчайшему Спасителю, стремленіе къ добру, веселіе невиннаго сердца; надлежитъ представить во всемъ видѣ гнусность грѣховныхъ нашихъ дѣйствій, коими разстроивали въ себѣ лучшія расположенія, искажали лучшія свойства, и на пути стремленія къ совершенію оныхъ упорно превозмогали самыя открытыя, и естественнымъ и благодатнымъ порядкомъ вещей противополагаемыя препятствія, удалялись отъ Бога, унижали себя въ глазахъ ближнихъ, даже предъ самими собою, когда насильственно подавляли вопіявшій голосъ совѣсти. Кратко: надлежитъ все безобразіе грѣховъ нашихъ съ ихъ отвратительными дѣйствіями, побужденіями, средствами, какими были достигаемы, представить въ такой силѣ, чтобы

стыдъ покрывалъ лице при одномъ помышленіи о нихъ, трепетъ и содраганіе при исповѣди ихъ, плачь и рыданіе по исповѣданіи преступныхъ таинъ. И какой корыстолюбецъ не придетъ въ чувство внутренняго безобразія преобладающей имъ страсти, при обнаженіи всѣхъ непотребныхъ дѣйствій ея, когда живо представитъ ненасытимую жадность побуждавшую его ко всякому злоприобрѣтенію, непомѣрную скупость для скопленія имѣнія, простиравшуюся до лишенія себя и присныхъ своихъ самаго нужнаго, всякаго рода лихоимство и прочіе неправедные способы пріобрѣтенія! Какой честолюбецъ не содрогнется погибельнаго пути своего честолюбія, когда увидитъ, что пройденный имъ путь былъ проложенъ низкимъ ласкательствомъ, постыдною угодливостію, хитрыми происками, притѣсненіемъ низшихъ, уничиженіемъ равныхъ, низверженіемъ достойнѣйшихъ, и окончился безумнымъ высокомѣріемъ, суетными тщеславіями, расточительною роскошью. Какой плотоугодникъ не восплачетъ о своемъ пагубномъ разтлѣніи, когда представитъ блато плотскихъ нечистотъ, которыми

осквернивъ душу и тѣло низринулъ себя до состоянія низкихъ животныхъ!

Такъ, въ дѣлѣ покаянія не должно щадить лукаваго въ злоухищреніи сердца, но раскрывать всѣмрачныя глубины его, и тѣмъ смягчить грѣховное его окаменѣніе и возбуждать его къ сѣтованію и печали по Богѣ, дабы мы, вошедши въ себя, какъ въ осквернѣнную и разстроенную храмину, возрыдали о своемъ грѣховномъ запустѣніи и всѣми мѣрами со всею ревностію подвиглись начать исправленіе своей жизни.

Тяжко для нравственнаго чувства нашего, хотя оно само омрачено, освѣтить строгимъ испытаніемъ таинныя глубины сердца нашего, а еще тягостнѣе судительнымъ взоромъ обслѣдовать сокровенные пути беззаконій и болѣзненнымъ сокрушеніемъ потрясти самыя основанія скверны плоти и духа. Эта кромѣшная тьма беззаконій для чувства, когда оно бываетъ озарено благодатнымъ свѣтомъ, такъ тягостна, какъ тяжкое бремя, такъ мучительна, какъ жестокая болѣзнь. Но

въ священныя времена покаянія, когда все и внѣ и внутрь располагаетъ насъ къ раскаянію въ грѣхахъ, мы способны бываемъ благодерзновенно открыть преступныя тайны сердца, открыть при свидѣтелѣ исповѣди нашей предъ Богомъ. Кающійся грѣшникъ въ пламенномъ чувствѣ сокрушенія, подлагаетъ себя подъ очистительное дѣйствіе суда и осужденія, и въ этомъ священномъ горѣніи, подобно раскаленному металлу, изметаетъ изъ себя искреннимъ исповѣданіемъ все нечистое стяжаніе ветхаго человѣка, дотолѣ всѣми хитростями сокрываемое. Это-блаженное состояніе бываетъ со многими, въ истинномъ сокрушеніи кающимися!

Но этимъ не окончивается дѣло истиннаго покаянія.

Третіе дѣйствіе покаянія—дѣятельное исправленіе грѣховной жизни.

Истинное покаяніе есть исправленіе содѣянныхъ грѣховъ, есть дѣятельное сверженіе съ себя обременительной тяжести, уврачеваніе смертельной болѣзненности ихъ. Къ ужасу поз-

навъ множество и тяжесть грѣховъ своихъ надлежитъ возстать отъ грѣхопаденій и исправленіемъ жизни идти къ небесному Отцу нашему. Но такъ ли бываетъ съ нами? Мы открываемъ въ себѣ гнойныя раны, сокрушаемся объ опасности болѣзненнаго состоянія своего; а когда дойдетъ до врачеванія, не хотимъ врачеваться и не только остаемся безпечными въ разсужденіи опаснаго своего состоянія, но неудержанно впадаемъ въ тѣже грѣховные недуги. Отъ того и бываетъ часто жизнь наша послѣ внѣшней исповѣди хуже прежней. страсти сильнѣе свирѣпствуютъ въ насъ, и мы наружно очищающіеся, а въ самомъ дѣлѣ остающіеся не очищенными, еще паче предаемся сквернамъ плоти и духа.

Отъ чего же мы едва успѣемъ оплакать преступныя расположенія и дѣйствія свои, какъ тотъ часъ снова предаемся онымъ? Отъ того что тотчасъ теряемъ изъ виду поносную, отвратительную, Богопротивную сторону грѣховъ нашихъ, а смотримъ на льстивую, въ каковой представляютъ ихъ страсти наши. Отселѣ влекомые разтлѣнною чувственностію, какъ удою, тотчасъ спѣшимъ на постыдную

сладость преступныхъ дѣйствій. Но сила покаянія, какъ дѣятельнаго исправленія, и состоитъ въ томъ, чтобы не возвращаться на прежніе грѣхи, тяжесть коихъ познана, зловредность извѣдана. Итакъ, чтобы начать намъ въ неослабной твердости исправленіе свое, надлежитъ, по примѣру каявшагося Давида, имѣя всегда предъ очами стыдъ свой, всѣми мѣрами противиться грѣховному влеченію. При нападеніи преступныхъ расположеній, по очищеніи себя исповѣдію, надлежитъ каждому съ болѣзнію сердца говорить самому себѣ: *совлекохся* грѣховныя *ризы моея, како облекуся въ нію? омыхъ нозѣ мои, како осквернію ихъ?* (Пѣс. 11. 5, 3).

Нелегко и не вдругъ можно исправить укоренившіяся привычки, застарѣвшія пристрастія. Дѣло исправленія сердца и жизни требуетъ трудовъ и времени. И дикую долину, заросшую терніемъ и волчцами, нелегко удобрить и претворить въ плодоносное поле; кольми паче трудно исправить сердце, заросшее терніемъ пороковъ и удобрить его для благочестія и плодоприношенія добрыхъ дѣлъ. Надобно отвлещи отъ предметовъ страстей при-

гвожденныя къ нимъ мысли, отторгнуть прилѣпленныя желанія, отклонить устремленныя склонности, пресѣчь направленныя къ удовлетворенію ихъ дѣйствія. Для сего надобно разсѣявать объемлющій душу мракъ страхомъ Божіимъ, очищать нечистоту сердца молитвою, утверждать волнуемую похотѣніями волю въ святой волѣ Божіей. Сколько для сего нужно борьбы съ суетными помыслами, сколько брани съ нечистыми желаніями, сколько противоборствій непотребнымъ стремленіямъ, сколько противодѣйствій преступнымъ дѣйствіямъ. При успѣшномъ укрощеніи грѣховныхъ помысловъ, при погашеніи нечистыхъ желаній, при отраженіи постыдныхъ стремленій, при непрерывномъ противодѣйствіи преступнымъ дѣйствіямъ надлежитъ разсѣевать, какъ зло-смрадный дымъ,—помыслы самолюбивые помышленіями смиренномудренными, желанія обольстительныя желаніями здравомысленными, намѣренія корыстолюбивыя, предпріятія самонадѣянныя—высокомѣрныя расположеніями безкорыстными, кроткими—смиренными. Для сего надлежитъ намъ въ сплѣ Христовой постоянно нести крестъ свой,

крестъ самоотверженія, надлежитъ налагать и на внѣшнія и на внутреннія чувства обузданіе—молчать тамъ, гдѣ прежде имѣли суетность безъ нужды и пользы говорить, смиряться въ мысляхъ тамъ, въ чемъ прежде надменно думали о себѣ, уничижать себя и въ самыхъ дѣйствіяхъ тамъ, гдѣ прежде мечтательно поставляли себя выше другихъ; отвращать взоръ отъ соблазнительнаго, слухъ отъ бесѣдъ обольстительныхъ, тѣмъ паче не позволять себѣ, по Апостольскому слову, ни касаться, ни вкушать, ни осязать (Кол. 2, 21) ничего разтлѣннаго, отъ чего страсть гнѣва, похоти, любостяжанія, нетерпѣливости, какъ пламень, вспыхнуть и возгорѣться можетъ; напротивъ того взоръ возносить горѣ къ Богу, слухъ преклонять къ наставленію, слово обращать на хвалу Божію, на бесѣду полезную, назидательную, непрестанно упражнять умъ въ помышленіи, всѣ душевныя и тѣлесныя силы въ исполненіи того, что истинно, что честно, что справедливо, что любезно, что достохвально, что составляетъ добродѣтель и похвалу. А для конечнаго очищенія чувствъ, внѣшнія чувства связывать, какъ чиститель-

нымъ обузданіемъ, — постомъ, воздержаніемъ, трезвеніемъ; внутреннія–Богомысліемъ, молитвою.

Такъ на пути исправленія прп рожденнаго и дѣятельнаго разтлѣнія нельзя намъ успѣть безъ усильныхъ трудовъ и непрерывной внутренней и внѣшней дѣятельности. И при употребленіи возможныхъ мѣръ осторожности, мы ослабѣвая въ благодатномъ направленіи, можемъ тысящекратно увлекаться любимыми склонностями, падать нетолько мыслями и желаніями, но и самымъ дѣломъ: юность лѣтъ, живость чувствъ, мечты воображенія, многоразличныя привычки, льстивые обычаи, открытые соблазны, поддерживаемые господствующими страстями въ мірѣ, суть непрестанныя сѣти и камни претыканія и для тѣхъ, которые ходятъ духомъ, и всѣми благодатными оружіями препоясуются противу міродержителей тьмы вѣка сего. Но все, что бываетъ дѣломъ нашей немощи, неосмотрительности, внезапности, все то скоро чувствуется, искренно оплакивается, не столь опустошительное производитъ дѣйствіе на духъ нашъ; а потому легче исправляется. Опасны

намѣренныя, изысканныя паденія; онѣ сугубое производятъ омраченіе ума, тяжкое разслабленіе сердца, какъ намѣренное возвращеніе на прежнее, и потому смертоноснѣе Надобно опасаться грѣха особенно любимаго, господствующаго, дабы не подпасть владычеству его до изнеможенія, до упадкадуха; гибельно оставаться въ паденіи. Но при успѣяхъ съ нашей стороны къ собственному исправленію, главная наша сила, утѣшительная помощь и подкрѣпленіе есть благодатная сила Христова, помощь свыше отъ небеснаго Отца, подкрѣпленіе Духа святаго, Наставника на всякое добро; каковую Божественную силу и помощь надлежитъ намъ испрашивать непрестанною, умиленною и сокрушенною молитвою.

Когда при непрестанной заботливости и постномъ тщаніи объ исправленіи самихъ себя предъ Богомъ, предъ ближними, предъ собственною совѣстію, будемъ бодрствовать надъ собою въ силѣ Божіей самоиспытаніемъ и очищеніемъ: тогда Господь не оставитъ насъ своею благодатію, не попуститъ насъ погрязнуть во грѣхахъ, пошлетъ намъ свою помощь, разсѣетъ окружающіе насъ грѣхов-

ные соблазны, подастъ силу немощи нашей, и, сколько благими, столькоже и премудрыми судьбами, поведетъ насъ путемъ непрестаннаго самопознанія, покаянія и исправленія ко спасенію.

Будемъ жить въ непрестанномъ покаяніи, и мы будемъ находиться въ близости къ царству небесному. Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ О ЗАКХЕѢ.

Закхее, потщався слѣзи: днесь бо въ дому твоемъ подобаетъ Ми быти. Лук. 19, 5.

Настоящее Евангеліе представляетъ намъ съ одной стороны милосердіе Того, Который пришелъ взыскать и спасти погибшаго, съ другой поучительный примѣръ: какъ часто, повидимому, случайныя и отъ человѣческихъ побужденій происходящія расположенія къ добру, воспріемлются великою милостію Божіею. Это мы видимъ на Закхеѣ.

Закхей былъ начальникъ мытарей, главный откупщикъ податей, былъ человѣкъ богатый. Не смотря на обширныя занятія, какихъ требовала его должность, Закхей, начальникъ сборщиковъ податей, возбуждаемый славою

о Іисусѣ, сильно желалъ увидѣть Іисуса. И для Закхея открылся благопріятный случай удовлетворить своему желанію. Въ это время Іисусъ проходилъ чрезъ Іерихонъ; Закхей старался не опустить этого случая достигнуть своего желанія — увидѣть Іисуса. Но вотъ затрудненіе. Іисусъ шелъ, окруженный со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ народомъ. Закхей былъ ростомъ малъ, изъ за народа не могъ видѣть Іисуса. Что же онъ дѣлаетъ? Прибѣгаетъ къ средству, повидимому, не довольно сообразному съ состояніемъ его, какъ человѣка въ обществѣ извѣстнаго;—онъ забѣгаетъ впередъ, влѣзаетъ на дерево подлѣ того мѣста, гдѣ Іисусу надлежало проходить, чтобы съ дерева увидѣть Іисуса.

Можно видѣть изъ этаго: каковъ былъ Закхей, начальникъ мытарей. Судя по тому, какое онъ употребилъ средство увидѣть Іисуса, легко разумѣть, что онъ безъ разчета, отъ души дѣлалъ добро, когда открывался случай къ тому; забылъ, что онъ былъ человѣкъ по состоянію не простой,— побѣжалъ, предварилъ множество шедшихъ около Іисуса, взлѣзъ на дерево, чтобы увидѣть Іисуса,

И предъитекъ возлъзе на ягодичину, да видитъ, яко хотяше мимо ея пройти.

И сердцевѣдецъ вполнѣ оцѣнилъ расположеніе Закхея. Онъ, благоволительно являющійся и непщущимъ Его, и обрѣтающійся невопрошающимъ о Немъ, тѣмъ паче приблизился благоволеніемъ Своимъ къ пскавшему Его, и желавшему приблизиться къ Нему. Господь, подошедши къ тому мѣсту, гдѣ былъ Закхей, и видя его на деревѣ, съ благоволеніемъ воззвалъ къ нему: *Закхее, потщався слези:*–Закхей! слѣзь скорѣе; — сегодня надобно быть Мнѣ у тебя въ домѣ. Закхей искалъ увидѣть Іисуса, и влѣзши на дерево увидѣлъ Его. Теперь Іисусъ Самъ обрѣтаетъ Закхея милостію, Самъ изъявляетъ желаніе быть у него въ домѣ, посѣтить его и осчастливить Своимъ посѣщеніемъ. Какая милость, какое счастіе для начальника мытарей! Іисусъ самъ желаетъ идти и идетъ въ домъ Закхея: *днесь въ дому твоемъ подобаетъ мнѣ быти.*

Но и Закхей умѣлъ чувствовать эту великую милость Господа. Онъ тѣмъ съ большею радостію принялъ Іисуса въ домъ свой, чѣмъ то было для него неожиданнѣе. *И потщав-*

ся слезе, пріятъ его съ радостію. Этого мало. Когда Фарисеи, обыкновенно слѣдившіе за дѣйствіями Іисуса, обнаружили явное негодованіе, что Іисусъ пошелъ въ домъ къ человѣку недостойному, незаслуживающему уваженія: то пламенный Закхей, выражая чувство глубокой своей благодарности къ неожиданной милости, ставши предъ дражайшимъ Посѣтителемъ и неожиданнымъ Гостемъ, съ твердою рѣшительностію сказалъ: *Господи се полъ имѣнія моего дамъ нищимъ: и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею.* Закхей столько тронутъ былъ этимъ нечаяннымъ для него посѣщеніемъ, что въ глубокомъ чувствѣ милости Господней назначаетъ половину имѣнія своего нищимъ и даетъ обѣщаніе вчетверо удовлетворить за обиды и притѣсненія, если кому оныя причинены отъ него. Такъ-то каются истинно кающіеся! Есть люди, которые по общей человѣческой слабости впадаютъ во многіе тяжкіе грѣхи, но умѣютъ и каяться, и исправляться и возставать. Чѣмъ больше ощущаютъ къ себѣ милости Божіей, тѣмъ живѣе чувствуютъ свои преступленія; чѣмъ больше сознаютъ

въ себѣ грѣховъ, тѣмъ болѣзненнѣе сокрушаются о нихъ, чѣмъ любообильнѣе пріемлютъ прощеніе, тѣмъ съ большею рѣшительностію заглаждаютъ неправды свои. *Се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ: и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею.*

Послѣ сего, безъ сомнѣнія, Закхей выполнилъ, что обѣщалъ, удовлетворилъ за обиды, какія могли быть причинены кому либо по дѣламъ должности, отверзъ домъ свой для благотворенія бѣднымъ и нищимъ; сдѣлавшись незлобивымъ, благотворительнымъ, сдѣлался и на всякое благое дѣло расположеннымъ; словомъ:—домъ Закхеевъ спасенъ, Закхей сталъ истиннымъ сыномъ Авраамовымъ, и Сынъ человѣческій, Спаситель міра Своимъ милостивымъ посѣщеніемъ обрѣлъ и взыскалъ грѣшника.

Зикхее, потщався слѣзи: днесь въ дому твоемъ подобаетъ Ми быти. Такъ, взыскующій спасенія человѣческаго, Господь Іисусъ, въ лицѣ Закхея мытаря, примѣняясь къ господствующимъ въ насъ страстямъ и порокамъ, взываетъ каждому изъ насъ: *потщався слези, днесь въ дому твоемъ подобаетъ Ми быти.*

Взываетъ къ падшему житейскою гордостію, дабы, сошедши съ высоты кичения ума и сердца, повергнулся предъ Кроткимъ сердцемъ и съ смиреніемъ подклонилъ выю свою подъ благое иго Его. Взываетъ къ обладаемому пристрастіемъ къ богатству и сокровищамъ міра, дабы, отвергши суетное великолѣпіе, отверзъ сердце свое для принятія нетлѣннаго сокровища царствія Божія и правды Его; — вѣщаетъ увлекающемуся лестію ложныхъ удовольствій, дабы, оставивши кладенцы сокрушенные, обратился къ источнику невозмущаемыхъ наслажденій чистой совѣсти. И неужели мы не чувствуемъ, какъ ожидающій обращенія нашего Господь, стоя долготерпѣніемъ и благостію при дверяхъ сердецъ нашихъ, толчетъ въ оныя то дѣйственнымъ словомъ Своимъ, являющимъ намъ тщету благъ міра сего, то внутреннимъ влеченіемъ къ Себѣ духа нашего, часто среди самыхъ удовольствій томящагося и невольно воздыхающаго о грѣховномъ удаленіи своемъ отъ Бога? Если бы мы внимательнѣе были къ званію благодати, и внутренно и внѣшно направляющей насъ на путь спасе-

нія, и не заглушали разсѣянностію и житейскими попеченіями пробуждающейся въ насъ совѣсти, вопіющей противу собственныхъ неправдъ и плотской безпечности нашей: то и мы бы, подобно Закхею, съ слезною радостію приняли въ сердца свои Господа и, ходя исправленіемъ жизни въ свѣтѣ заповѣдей Его, пріобрѣли благодатное общеніе Его. И для кого не сладостенъ гласъ Господа, вѣщающаго къ каждому изъ насъ: *Закхее, днесь въ дому твоемъ подобаетъ Ми быти?* Сладостенъ призывный гласъ Господа, — вожделѣнно пришествіе Его! Пришедши, Онъ сотворитъ въ насъ обитель Себѣ и устроитъ каждаго въ благодатный домъ свой, возжетъ въ насъ свѣтильникъ благаго и праваго разума, исполнитъ сердце наше теплотою любви Своей, дастъ волѣ нашей силу творить святую волю Его. Онъ и готовъ придти къ намъ;— ждетъ долготерпѣніемъ только того, чтобы мы отверзли Ему благою рѣшительностію исправленія сердца нашп: *Се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой и отверзетъ двери, вниду къ нему и вечеряю съ нимъ и той со Мною* (Апок. 3, 20). От-

верземъ Ему сердца наши искреннимъ покаяніемъ и исправленіемъ неправдъ нашихъ, отверземъ души наши повиновеніемъ святой волѣ Его и готовностію съ вѣрою и любовію служить Ему во всѣ дни жизни нашей, — и Онъ внидетъ въ насъ Духомъ благодати своея для содѣланія въ насъ спасенія нашего.— *Аще кто любитъ Мя и Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан, 14, 23).

Пріиди, Господи, въ домъ души нашей, устрой ее Твоею благодатію въ жилище Себѣ, и обитай въ насъ къ славѣ Твоей и спасенію душъ нашихъ. Аминь.

СЛОВО

въ недѣлю Мытыря и Фарисея.

Не помолимся фарисейски братіе. Смиримъ себе предъ Богомъ, мытарски зовуще: очисти ны, Боже, грѣшныя. Стих. 1-я въ нед. М. и Ф.

Св. церковь, руководительница наша на пути спасенія, заранѣе приготовляя насъ къ душеспасительному поприщу святаго Поста, прежде всего поставляетъ на стезю смиренія, какъ на самый вѣрный путь къ тому, чтобы посредствомъ покаянія идти за Подвигоположникомъ нашимъ къ совершенству. Представляя Спасителеву притчу о Мытарѣ и Фарисеѣ, научаетъ насъ Мытаревой смиренной, и предостерегаетъ отъ Фарисеевой высокомѣрной молитвы.

Извѣстно, кто были въ Іудейскомъ народѣ Фарисеи и Мытари. Фарисеи, составлявшіе высшее сословіе, были законоучители народа и занимали первыя мѣста въ обществѣ; но были заражены лицемѣріемъ, старались блистать всѣми наружными добродѣтелями, а внутренняя жизнь ихъ была омрачаема всякаго рода пороками. Мытари были откупщики народныхъ податей. Содержа за дорогую плату народныя подати на откупѣ у Римлянъ, въ подданствѣ которыхъ была тогда Іудея, какъ область покоренная, они и себѣ старались получить корысть: почему и почитались людьми неправедными, притѣснителями, чуждыми страха Божія и человѣколюбія.

Надменный высокимъ мнѣніемъ о своемъ благочестіи Фарисей, пришедши въ церковь для молитвы, хотя благодарилъ Бога въ молитвѣ за свои добродѣтели, но въ тоже время превозносился ими предъ людьми: *иѣсмь, яко же прочіи человѣцы;* другіе въ глазахъ его были то хищники, то притѣснители, то прелюбодѣи, а на мытаря, позади его молившагося, онъ указывалъ, какъ на олице-

творенное беззаконіе. Между тѣмъ мытарь, дѣйствительно сознавая живо свои неправды предъ Богомъ, въ безмѣрномъ сокрушеніи несмѣя и глазъ возвести горѣ, съ преклоненнымъ долу лицемъ и сердцемъ, въ слезахъ и воздыханіяхъ билъ только себя въ перси и въ горькомъ чувствѣ своей грѣховности трепетно повторялъ одну краткую молитву: *Боже! буди милостивъ мнѣ грѣшнику.*

Что же? Мнимый праведникъ, оправдывавшій самого себя, вышелъ изъ храма осужденнымъ; а смиренный мытарь, униченный въ очахъ фарисея, и еще болѣе униченный въ собственныхъ глазахъ грѣшникъ, услышанъ былъ Богомъ и вышелъ прощеннымъ, оправданнымъ: *Яко всякъ возносяйся смирится: смиряяй же себе, возвесется* (Лук. 18, 14.).

Спаситель, притчею о мытарѣ и фарисеѣ, научая насъ не высокоглаголивой, не самооправдывающей, но умиленной и смиренной молитвѣ, научаетъ и вообще смиренію предъ Богомъ и человѣками.

Какъ смиреніе есть такая угодная Богу добродѣтель, которая особенно низводитъ

взоръ небеснаго благоволенія на *кроткаго, молчаливаго и трепещущаго словесъ Божіихъ* (Исаіи 66, 2,) и божественнымъ примѣромъ Спасителя бывъ возвеличена, всѣмъ намъ особенно заповѣдана отъ Него: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мат. 11, 29,): то приготовляясь къ великому поприщу Поста и молитвы поучимся смиренію предъ Богомъ.

Истинное смиреніе есть непрестанное сознаніе нашей зависимости отъ Бога, живое чувствованіе нашего недостоинства въ разсужденіи даруемыхъ отъ Него благъ, и нашей грѣховности предъ святостію Божіею. Итакъ истинное смиреніе должно наполнять насъ глубочайшимъ чувствомъ, что мы всегда и во всемъ находимся въ непрестанной зависимости отъ Бога; что всѣ блага, и въ себѣ и внѣ себя имѣемъ единственно отъ руки Божіей; но, при всей благодѣтельности Божіей, нашею жизнію несоотвѣтствуемъ святой волѣ Божіей. При помышленіи о семъ, какъ намъ не смиряться предъ Творцемъ, Благопромыслителемъ и Спасителемъ нашимъ?

И во первыхъ не каждую ли минуту, не каждое ли мгновеніе мы находимся въ зависимости отъ вседѣйствующей силы Божіей. *О Богѣ мы и живемъ и движемся и есмы* (Дѣян. 17, 28.): о Богѣ мы *живемъ* жизнію естественною, о Богѣ *движемся*, дѣйствуемъ и тѣлесными и душевными силами, о Богѣ *есмы*, существуемъ во всѣхъ состояніяхъ жизни естественной и благодатной отъ младенчества до глубокой старости. Наше рожденіе и возрастаніе, наши силы и здоровье, наши дѣла и предпріятія, и все продолженіе нашей жизни совершается подъ вліяніемъ благопромыслительнаго смотрѣнія Божія, какъ въ путяхъ міроправленія Господь посылаетъ намъ благотворный свѣтъ солнца, благоплодный дождь съ небесъ, благораствореніе воздуха, и мы наслаждаемся жизнію, окружающимъ обиліемъ благъ, благопоспѣшествомъ въ дѣлахъ. Иначе когда отвращаетъ отъ насъ лице благоволенія своего, свѣтъ солнечный превращается въ палящій зной, ліяніе дождя въ тлѣтворную мокроту, теплота воздуха въ заразительное дыханіе. Такъ и въ путяхъ Промысла о жизни нашей, простираетъ къ намъ

Господь руку благости своея, хранитъ насъ, милуетъ, щадитъ, ограждаетъ отъ напастей, укрѣпляетъ въ немощахъ, поспѣшествуетъ въ начинаніяхъ: тогда мы и здравы, и благоуспѣшны, тогда живемъ благоотшно, дѣйствуемъ благоуспѣшно, существуемъ благоденственно. Иначе если только на мгновеніе отвратитъ отъ насъ взоръ благоволенія своего, мы дѣлаемся и немощны и бѣдны и нищи и слѣпы и наги, тогда исчезаетъ въ болѣзни животъ нашъ, лѣта наши въ воздыханіяхъ, изнемогаетъ нищетою крѣпость наша и мы вселяемся въ персть смерти.

Какъ же намъ ежечасно, ежемгновенно въ глубокомъ сознаніи своего ничтожества не благоговѣть предъ милующею Благостію, дающею намъ и *животъ* и *дыханіе* и *все?* Какъ со страхомъ и трепетомъ непреходить долу по землѣ предъ лицемъ Господа, съ высоты святыя выну призирающаго на всѣ дѣла свои? Какъ съ живѣйшимъ чувствомъ недостоинства, и вкупѣ безпредѣльной благодарности непринимать всѣ блага, отъ всещедрой руки непрестанно намъ ниспосылаемыя?

Но мы, всегда, и во всемъ зависящіе отъ

промыслительной Благости и непрестанно пользующіеся неисчетными благодѣяніями Божіими, чувствуемъ ли довольно свое недостоинство предъ Благодѣтелемъ Богомъ?

Такъ ли мы употребляемъ данныя и непрестанно даруемыя намъ отъ Бога блага? Цѣль употребленія всѣхъ благъ и даровъ Божіихъ есть слава Божія, благо ближнихъ, собственное наше спасеніе. Чтоже? Какъ мы употребляемъ дары Божіи: наши силы и способности, наши лѣта и здоровье, наши блага и стяжанія? Для Бога ли-надѣла благочестія?Для ближнихъ ли—надѣла благотворенія? Для самихъ ли себя—на дѣла спасенія? Не ждиваемъ ли паче наши силы и здоровье на суетное пріобрѣтеніе чести, богатства, наслажденій, и даже во вредъ и въ соблазнъ для ближнихъ нашихъ, чрезъ раболѣпство страстямъ нашимъ? Куда болѣе употребляемъ даруемыя намъ блага? Въ жертву ли Богу, на благолѣпіе ли храмовъ Божіихъ, на вспоможеніе ли бѣдной, требующей отъ насъ помощи, братіи нашей? Не часто ли только на суетное украшеніе себя, на услажденіе нашего плотоугодія и сладострастія?

По нашему злоупотребленію благъ и даровъ Божіихъ мы часто недостойны бываемъ пищи и питія, дневнаго свѣта и нощнаго покоя, самой жизни и дыханія, и стократно были бы погибельною жертвою своего нестроенія, если бы милующая рука Божія не покрывала насъ. Какъ же намъ не смиряться предъ неисповѣдимымъ величествомъ Благости Божіей? Какъ при живомъ чувствѣ неустроенности нашей, не трепетать намъ предъ правдою Божіею, дабы не быть пораженными за наше злоупотребленіе долготерпѣнія Божія?

Еще паче должны мы съ трепетомъ смиряться предъ святостію Божіею, когда помыслимъ о своей грѣхолюбивой жизни. Всѣ мы знаемъ, что и по естественному рожденію, а паче по дѣятельной жизни нашей мы грѣшники предъ Богомъ, *много бо согрѣшаемъ вси* (Іак. 3, 2.). Знаемъ это однимъ разумомъ, и не только не думаемъ, не болѣзнуемъ о своей грѣховности, а часто фарисейски готовы даже считать себя праведниками. Но если при свѣтѣ слова Божія станемъ судить о своей грѣховности по истинному чувству: тогда найдемъ ли въ нашей разсѣянной, то

житейскими заботами, то плотскими утѣшеніями занятой жизни, найдемъ ли хотя одинъ часъ, который бы совершенно былъ чистъ и святъ предъ Богомъ? А въ самихъ себѣ найдемъ ли предпріятіе, кольми паче дѣло, которое бы не омрачено было грѣховною примѣсью честолюбія, корыстолюбія, сластолюбія? Служеніе наше раздѣляется между Богомъ и міромъ; служа Богу, въ тоже время хотимъ служить и нашимъ страстямъ; наша праведность, какъ фарисейская, имѣетъ только отвнѣ благовидность, а подъ благовидною наружностію скрываетъ нечистоту сердца. Если мы взвѣсимъ наши склонности, расположенія, дѣйствія внутреннимъ безпристрастнымъ чувствомъ саморазсужденія: тогда найдемъ въ составѣ духовнаго существа нашего токмо глубокія раны грѣховъ, и гнойные струпы пороковъ, и подивимся долготерпѣнію Божію милующему насъ единственно для нашего обращенія и исправленія.

При глубокомъ чувствѣ безотвѣтности нашей предъ Богомъ, какъ намъ, — землѣ и пеплу, не смиряться предъ Богомъ и не считать всю

правду нашу, по слову писанія, какъ нечистое рубище? (Исаіи 64, 6.).

Но! если бы мы научились у Божественнаго учителя нашего быть кроткими и смиренными сердцемъ, тогда бы мы стали ходить въ непрестанномъ чувствѣ вездѣприсутствія Божія, все и начинать и оканчивать благоговѣйнымъ призываніемъ силы Божіей на нашу слабость и безсиліе. Тогда имѣя и пріемля дары Божіи, молили Бога паче всего о томъ, чтобы даруемыя Имъ блага благодарно принимать и достойно употреблять, употреблять во славу Божію, въ истинное благо свое и ближнихъ. А вѣдая омраченіе своего ума, испорченность сердца, превратность воли, и ненаходя въ себѣ силъ къ исправленію нашего разтлѣнія, непрестанно въ сокрушеніи сталибы просить себѣ отъ Господа просвѣщенія для омраченнаго нашего ума, чистоты для разтлѣннаго сердца, благодатной силы для испорченной воли. Тогда бы страшились презирать и единаго отъ меньшихъ, страшились и мысли осуждать согрѣшающихъ, а паче помышляли со всею заботою о томъ,

какъ бы самимъ не подать соблазна ближнему нашему. А въ разсужденіи самихъ себя такъ бы стали думать, какъ и дѣйствительно должны думать, что никто не можетъ намъ причинить такаго зла, какъ мы сами, когда внимаемъ омраченному своему уму, послѣдуемъ разтлѣнному сердцу и предаемся стремленію управляемой страстями воли.

Вотъ въ какое состояніе долженствуетъ привести насъ истинное смиреніе: въ состояніе уничиженія предъ Богомъ, въ состояніе кротости и братолюбія въ отношеніи къ ближнимъ; въ состояніе болѣзненнаго чувства своей грѣховности и заботы о исправленіи въ отношеніи къ самимъ себѣ.

Смиримся предъ Богомъ, да вознесетъ насъ своею благодатію изъ униженія грѣховнаго; смиримся предъ ближними, и будемъ отъ сердца служить къ истинному благу ихъ; смиримся сами въ себѣ и научимся неполагаться на себя, а токмо на Бога, и находя собственно въ самихъ себѣ токмо разстлѣніе и порокъ, будемъ просить единственно отъ Бога помощи:

да просвѣтитъ благодатію своею омраченный нашъ умъ, да исправитъ разстлѣнное сердце, да укрѣпитъ немощную волю, дабы намъ всѣми мѣрами тщиться благоугождать Господу внутренно и внѣшно, въ душахъ и тѣлѣсахъ нашихъ—Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ НЕДѢЛЮ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ.

Человѣка два внидоста въ церковь помолитися (Лук. 18, 10.).

Сколько необходимо для тѣлесной жизни укрѣпляться пищею и питіемъ, дышать свѣжимъ воздухомъ, согрѣваться одеждою, столько же необходимо для духовной жизни молиться.

Необходима молитва, какъ единственное средство къ полученію отъ Бога всѣхъ благъ и къ избавленію отъ всѣхъ золъ. *Призови мя*, воззываетъ Господь къ молитвѣ каждаго скорбящаго, *призови мя въ день скорби твоея, и изму тя и прославиши мя* (Псал. 49, 15.), *Просите*, побуждаетъ Спаситель и всѣхъ насъ къ молитвѣ, какъ лишенныхъ благодати и требующихъ милости Божіей: *просите и даст-*

ся вамъ: ищите и обрящете: толцыте и отверзется вамъ (Мат. 7, 7.).

Повелѣвъ намъ молиться, Господь и Самъ во днехъ плоти Своея молился ко Отцу Своему. Востая рано поутру, Онъ исходилъ для молитвы въ уединенныя мѣста. *И утро, нощи сущей зѣло доставъ,* повѣствуетъ Св. Еван. Маркъ, *изыде и иде въ пусто мѣсто, и ту молитву дѣяше* (Мар. 1, 35.), и часто цѣлыя ночи проводилъ въ тихой, уединенной молитвѣ. *Бысть во дни тыя,* говоритъ Святый Еванг. Лука, *изыде въ гору помолитися: и бѣ обноющь въ молитвѣ Божіи* (Лук. 6, 12.).

Показавъ въ Самомъ Себѣ примѣръ уединенной молитвы, Господь далъ намъ образецъ и общей молитвы: *Отче нашъ.* Въ сей Божественной молитвѣ научивъ насъ тому, о чемъ паче всего надлежитъ намъ молиться научилъ и тому, какъ надлежитъ намъ молиться, научилъ особено притчею о Мытарѣ и Фарисеѣ, слышанною нынѣ въ чтеномъ Евангеліи.

Человѣка два внидоста въ церковь помолитися. Спаситель въ примѣрѣ Мытаря и Фарисея представляетъ примѣръ нарочитой молитвы двухъ человѣковъ, которые, оставивъ

житейскія дѣла и занятія, пришли въ церковь Божію, какъ въ домъ молитвы,—предстать предъ Бога и помолиться лицу Божію, помолиться безъ развлеченія мыслей, въ собранности духа, съ особеннымъ вниманіемъ и углубленіемъ въ себя, въ свое сердце, въ свою жизнь и дѣла, и въ величіе Самаго Подателя благъ и Источника жизни—Бога.

Человѣка два внидоста въ церковь помолитися.

Да слышатъ тѣ, которые подъ различными предлогами уклоняются отъ общественныхъ церковныхъ собраній и молитвъ. Ненужно о томъ и говорить, что должно и необходимо молиться и дома. Но всему время, и время всякой вещи. Есть время и мѣсто для домашней молитвы; есть время и мѣсто для общественной молитвы. Домъ есть мѣсто для домашней молитвы, церковь для общественной. Кто въ нарочитые дни празднествъ, долженствуя находиться для молитвы при общественномъ Богослуженіи въ церкви, остается дома, хотя бы тоже невовсе безъ молитвы, тотъ покрайней мѣрѣ не правъ противу порядка, не правъ тѣмъ, что Божественное дѣло молитвы совершаетъ, и священ-

ное время проводитъ не въ своемъ мѣстѣ. И не говоря уже о житейской молвѣ, которая каждаго болѣе въ домѣ особенно во время молитвы и отвнѣ — въ чувствахъ, и внутрь въ помыслахъ обуреваетъ, домашняя молитва, даже и безъ развлеченія совершаемая, сама по себѣ есть молитва частная; а какъ частная она общественною молитвою не оживляется, слѣд. союзомъ Христіанскаго совершенства не укрѣпляется, священными дѣйствіями открытаго Богослуженія не благодатствуется

Человѣка два внидоста въ Церковь помолитися: единъ Фарисей, а другой Мытарь. Фарисеи у Іудеевъ были люди высшаго состоянія, занимали степени законоучителей (Мат. 23, 2.), вождей народа (13.), и какъ почитаемы были отъ народа, такъ еще болѣе старались казаться людьми набожными, воздержными, благотворительными. Отъ сего то льстиваго мнѣнія о ихъ благочестіи и суетнаго желанія казаться благочестивыми, поддерживаемаго со стороны ихъ хитростями и лицемѣріемъ, они будучи внутренно порочны, по самообольщенію почитали себя и премуд-

рѣе и праведнѣе всѣхъ людей, и нестыдился превозноситься своею праведностію нетолько предъ человѣками (Лук. 16, 15.), но и предъ Богомъ. Что Спаситель и даетъ намъ видѣть въ молитвѣ Фарисея. Въ молитвѣ Фарисей сколько хвалилъ Бога, столькоже и себя: *Боже, хвалу Тебѣ воздаю, яко нѣсмь, якоже прочіи человѣцы;* и сколько благодарилъ Бога за добрыя дѣла свои, столькоже превозносилъ себя оными не предъ однимъ Мытаремъ, но и прочими людьми: *нѣсмь якоже прочіи человѣцы, или якоже сей Мытарь.* Потому Фарисей за такую молитву, которая въ устахъ его обращена была къ оправданію себя и къ осужденію другихъ, и осужденъ. Не станемъ говорить о такой молитвѣ, которая обращается въ осужденіе и грѣхъ для молящагося (Псал. 108, 7.).

Другой—Мытарь. Мытари были сборщики податей. Содержа подати на откупѣ, они во взиманіи податей употребляли и неправедныя средства,—были богаты. Но какъ богатство пріобрѣтали нерѣдко мздоимствомъ, притѣсненіями, обидами: то и слыли въ народѣ грѣшниками, т. е. людьми безнравствен-

ными, неимѣющими страха Божія, живущими только для земныхъ выгодъ. Потому Фарисеи и зазирали Іисуса, что Онъ обращался съ Мытарями и грѣшниками (Лук. 15, 12.). Когда Онъ Самъ назвался итти въ домъ къ Закхею Мытарю: то Фарисеи, смотря на сіе, начали роптать, что Онъ пошелъ въ домъ къ порочному человѣку: *яко ко грѣшну мужу вниде витати* (19, 5—7). Таковъ былъ другой изъ двухъ пришедшихъ въ Церковь помолиться, копхъ представляетъ Спаситель въ притчѣ.

Какъ молитва Мытаря одобрена, ибо была услышана, принята и Мытарь пошелъ въ домъ свой прощенъ: то внемля пѣсненному гласу Церкви: « не помолимся фарисейски братіе, » вникнемъ въ молитву Мытаря и поучимся также молиться, какъ, по изображенію Спасителя, молился Мытарь.

Какъ молился Мытарь?

Мытарь же издалеча стоя, нехотяше ни очію возвести на небо: но біяше перси своя, глаголя,—Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику. Кратка молитва въ словахъ, но крѣпка въ силѣ, глубока въ чувствѣ, пламенна въ духѣ!

Самое мѣсто, гдѣ стоялъ Мытарь и гдѣ Фарисей на молитвѣ, и положеніе, въ какомъ они стояли, даетъ ясно видѣть расположеніе молящихся. Видно, что Фарисей старался занять въ храмѣ мѣсто, болѣе видное, молился съ подъятыми горѣ очами, какъ имѣющій дерзновеніе къ Богу.—Но Мытарь, какъ непотребный грѣшникъ, вдали стоялъ; какъ отверженный рабъ, несмѣлъ даже очей возвести на небо, какъ безотвѣтный преступникъ, самъ себя осуждалъ, и подавляемый бременемъ тяготѣвшихъ на немъ неправдъ, ударяя себя въ грудь, токмо къ милосердію Божію изъ глубины сердца взывалъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику.* Изъ всего внѣшняго положенія, въ которомъ ясно выражалось внутреннее состояніе духа, можно видѣть, что Мытарь молился, какъ истинно кающійся грѣшникъ, и какъ кающійся грѣшникъ, молился съ глубочайшимъ уничиженіемъ *издалеча стоя*; молился съ благоговѣйнымъ трепетомъ: *не хотяше ни очію возвести на небо;* молился съ живѣйшимъ чувствомъ сокрушенія: *біяше въ перси своя.*

Итакъ смиренная, трепетная, умиленная молитва — вотъ истинная молитва, молитва

какъ для кающагося грѣшника, такъ и для спасающагося праведника совершенно необходимая: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. 50, 19.). И мы по примѣру Мытаря, въ духѣ покаянія должны молиться съ смиреніемъ и уничиженіемъ, съ благоговѣйнымъ страхомъ и трепетомъ, съ умиленіемъ и сердечнымъ сокрушеніемъ.

Должны молиться съ смиреніемъ и уничиженіемъ. *Сохрани ногу твою, егда аще идеши въ домъ Божій*, говоритъ Екклезіастъ, *и близъ буди, еже слушати* (Екк. 4, 17.). Намѣреваясь итти въ домъ Божій мы и изъ своего дома должны исходить съ осмотрительностію, съ вниманіемъ къ себѣ, съ собранностію въ духѣ, дабы предохранить себя отъ всего, могущаго привести насъ въ разсѣяніе, внести въ душу смущеніе, лишить внутренняго мира. А располагаясь предстать предъ лице Божіе должны всемѣрно уготовить себя, дабы сколько возможно достойнѣе предстаять предъ Богомъ. *Прежде даже непомолишися*, говоритъ мудрый, *уготови себе, и не буди, якоже человѣкъ искушая Господа* (Сир. 18, 23.). Намѣреваясь итти въ храмъ надоб-

но уготовить себя въ крѣпости и смиренiи, надобно внутреннiя чувства собрать, внѣшнiя отъ возмутительныхъ впечатлѣнiй заключить, житейскiя мысли и желанiя удалить и въ чистотѣ сердца, въ простотѣ духа самому себѣ внимать. И вотъ та истинная клѣть собранности и погруженiя въ себя, въ которую повелѣлъ Спаситель заключаться для молитвы и въ которой мы и среди многолюдства можемъ молиться ко Отцу небесному втайнѣ. *Ты же егда молишися, внiди въ клѣть твою*, — въ твое сердце, *и затворивъ двери твоя*, — внѣшнiя чувства, *помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ*, — мыслiю, расположенiемъ, духомъ *и Отецъ твой видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ* (Мат. 6, 6.).

Должны молиться съ благоговѣйнымъ страхомъ и трепетомъ. *Не скоръ буди усты твоими*, говоритъ Екклезiастъ, *и сердце твое да не ускоряетъ износити слово предъ лицемъ Божiимъ: яко Богъ на небеси горѣ, ты же на земли долу: сего ради да будутъ словеса твоя мала.* (Екк. 5, 1.). И какъ не благоговѣть предъ лицемъ Божiимъ въ храмѣ? Мы приходимъ въ храмъ предстать предъ Господа

славы, предъ величіемъ Котораго трепещутъ Херувимы, и Серафимы закрываютъ лица своя. Какъ же мы должны предстоять предъ Господомъ, мы земля и пепелъ? О! да молчитъ предъ Господомъ небеси и земли всяка плоть человѣча и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ! Предъ лицемъ Господа Вседержителя мы должны предстоять во всѣхъ чувствахъ и расположеніяхъ, какъ твари предъ Творцемъ, рабы предъ Господомъ, какъ недостойныя дѣти предъ разгнѣваннымъ Отцемъ, безотвѣтные преступники предъ Суді-ею, какъ нищіе, ничего неимущіе, предъ великодаровитымъ, но расточительностію и неблагодарностію нашею непрестанно преогорчеваемымъ Благодѣтелемъ, и въ такое поставлять себя отношеніе ко всему насъ окружающему, что бы все питало наше вниманіе, все возбуждало въ насъ благоговѣніе, все погружало насъ въ рабское и вкупѣ сыновнее чувство предъ Господемъ: *яко Богъ на небеси горѣ, мы же на земли долу*: Богъ превыше всего, а мы нечто иное, какъ величайшіе грѣшники.—

Должны молиться Господу съ живымъ чув-

ствомъ умиленія и углубленія въ себя. Не довольно того, чтобы токмо стоять при богослуженіи хотя въ молчаніи, но молчаніи хладномъ; недовольно и того, чтобы слушать чтеніе, пѣніе и молитвенныя возношенія въ тишинѣ, но въ тишинѣ невнимательной, живымъ чувствомъ углубленія не проникнутой. Нѣтъ, надобно и самимъ воскрилляться, надобно *воздвигать сердца съ руками къ Богу высокому на небеси*, (Плач. 3, 46.), надобно по слышимому чтенію и пѣнію, по зримому священнодѣйствію, какъ по стеблію искрами,—свѣтлыми мыслями, горячими чувствованіями и желаніями востекать горѣ къ источнику свѣта и совершенства, и тамъ—во свѣтѣ лица Божія созерцать животворный свѣтъ, и отъ приснотекущаго потока святости почерпать высшую жизнь. Изъ сего-то расположенія должны происходить въ насъ и возведеніе очей горѣ и воздѣяніе рукъ и преклоненіе колѣнъ и поверженіе долу. Умиленная, съ собранностію духа, съ воскрпленіемъ сердца соединенная и соотвѣтственными выраженіями одушевляемая молитва можетъ паче укрѣплять въ насъ молитвенное расположеніе, и

во внутреннемъ горѣніи чувствъ приводитъ насъ въ живое ощущеніе благодатной близости съ Господомъ. *Близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его, всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ* (Псал. 144, 18).

Когда, по благодати Духа, пріобрѣтемъ расположеніе молиться въ тишинѣ, собранности, въ смиреніи, и умиленіи предъ Богомъ: то по благодати Духа, пріобрѣтаемъ и ту непрестанную молитву, которой требуетъ отъ насъ Апостолъ: *непрестанно молитеся* (Еф, 6, 18.), и которая, какъ внутреннее поклоненіе Богу духомъ и истиною, (Іоан. 4, 24.) есть непрестанное поученіе сердца о Богѣ (Псал. 18, 15.), непрестанное желаніе сердца къ Богу (37, 10,), непрестанное наслажденіе сердца Богомъ (118, 14.). Сею-то сердечною молитвою, которая въ совершенствѣ своемъ есть не что иное, какъ жизнь вѣры, надежды и любви къ Богу, начинается то молитвенное хожденіе и благодатное единеніе съ Богомъ, по которому, какъ говоритъ Апостолъ, *прильпляяйся Господеви единъ духъ есть съ Господемъ* (1. Кор. 6. 17.).

Блаженно таковое молитвенное состояніе.

Отъ него недалеко Божественное лицезрѣніе. Но оно пріобрѣтается собранною, смиренною, сокрушенною молитвою. Будемъ, по примѣру Мытаря, молиться съ уничиженіемъ и смиреніемъ, молиться съ благоговѣйнымъ страхомъ и трепетомъ, молиться съ сердечнымъ умиленіемъ и сокрушеніемъ: и мы не посрамленны будемъ исходить изъ храма отъ лица Божія, и не постыдимся отъ Него въ пришествіи Его. (6, Іоан. 2, 28.) Аминь.

СЛОВО 1.

въ день срѣтенія Господня.

Вознососта родителя отроча Іисуса во Іерусалимъ поставити его предъ Господемъ (Лук. 2, 22, 27.)

Такъ заповѣдано было въ законѣ Моисеевомъ, что, когда раждался младенецъ мужескаго пола, то въ продолженіи сорока дней, а когда рождался младенецъ женскаго пола, въ продолженіи 80-ти дней и мать и младенецъ находились въ отлученіи законной нечистоты. Въ это время и мать и младенецъ, какъ по закону нечистые, не входили въ храмъ и не прикасались ни къ чему священному. Когда исполнялось 40 дней отъ рожденія младенца мужескаго пола и 80 дней отъ рожденія младенца женскаго пола: то и

мать и младенецъ приводимы были во храмъ, мать для законнаго очищенія, младенецъ для посвященія Господу.

Приношеніе новорожденныхъ дѣтей въ храмъ Господень и вообще было совершаемо въ ветхозавѣтной церкви въ духѣ благочестія. Но приношеніе дѣтей первородныхъ мужескаго пола знаменовалось особенною священною торжественностію. При изведеніи Израильтянъ изъ Египта, когда Богъ поразилъ всѣхъ первенцевъ Египетскихъ отъ человѣка до скота: тогда Онъ особымъ законоположеніемъ избралъ и освятилъ себѣ на служеніе при Скиніи свидѣнія всѣхъ первенцовъ сыновъ Израилевыхъ. Это самое и означаетъ, когда говорится въ законѣ: *яко всякъ младенецъ мужескаго пола, разверзая ложесна ссятъ Господеви наречется*,—т. е. чтобы всякій младенецъ перворожденный мужескаго пола былъ посвящаемъ Богу. Когдаже, по изволенію Божію, избрано и освящено на служеніе Богу въ Скиніи свидѣнія колѣно Левіино: тогда первенцы сыновъ Израилевыхъ хотя не были посвящаемы на особенное служеніе Богу при Скиніи: однакожъ, въ о-

знаменованіе перваго ихъ назначенія, приносимы были во храмъ съ особенною торжественностію, какъ первый даръ отъ Бога родителямъ и первое приношеніе Богу отъ родителей. Приносимый младенецъ взимаемъ былъ отъ родителей на руки Священникомъ, возносимъ предъ Господомъ, въ знаменіе приношенія Господу, потомъ искупляемъ извѣстною цѣною, и возвращаемъ родителямъ. При этомъ достаточные родители приносили въ жертву единолѣтнаго непорочнаго агнца; недостаточные и бѣдные приносили двухъ горлицъ или двухъ птенцовъ голубиныхъ. То и другое приношеніе, и непорочнаго агнца и птенцовъ голубиныхъ было знаменіемъ чистаго приношенія родителями Господу дѣтей, какъ непорочныхъ плодовъ чрева.

Іосифъ и Пресвятая Дѣва Марія, принося Богу подлинно Первенца,—Того, Который первороденъ всей твари (Кол. 1, 15.), дабы быть Ему первороднымъ во многихъ братіяхъ (Рим. 8, 29.), по бѣдности своей принесли двухъ птенцовъ голубиныхъ въ жертву и искупленіе за Того, Который имѣлъ содѣ-

латься жертвою за грѣхи всего міра, и дать душу свою въ цѣну искупленія за насъ.

Какія чудеса Божественнаго снисхожденія! Пречистая Матерь и Божественное Отроча пріемлютъ, по обычаю законному, — законное очищеніе. Такъ — Творецъ закона исполнялъ законъ!

Когда Святые родители по закону приносятъ въ храмъ сорокодневное Отроча, а Божественное Отроча, Творецъ закона, съ самаго рожденія по человѣчеству, какъ подзаконный, со всею точностію исполняетъ законъ: то само собою очевидно, какое и для родителей и для дѣтей общее преднаписуется наставленіе; преднаписуется наставленіе, что бы по примѣру принесенія Божественнаго Отрочати Іисуса святыми родителями во храмъ предъ Господа, всѣ благочестивые родители, молитвою и молитвенными расположеніями посвящая дѣтей своихъ Господу, отъ самой юности воспитывали ихъ въ благочестіи и страхѣ Божіемъ.

Всякъ младенецъ мужескаго пола, разверзая ложесна, святъ Богу. —

Часть 1-я Обязанности родителей воспитывать дѣтей въ благочестіи.

Въ ветхомъ завѣтѣ посвященіе Богу первенцевъ мужескаго пола было образомъ того, что все первое, лучшее, все драгоцѣнное и болѣе намъ любезное, мы должны приносить Богу, какъ Подателю всякаго совершенства и блага. Въ супружеской жизни чада, какъ плодъ благословенія Божія, суть самое драгоцѣнное достояніе жизни. Но что несравненно выше и священнѣе, это есть то, что въ дѣтяхъ раждаемыхъ и воспитываемыхъ въ благочестіи мы растространяемъ чадство Божіе на земли. Дѣти раждаются родителями, но не для родителей, а раждаются по намѣреніямъ Божіимъ и для намѣреній Божіихъ. Дѣти корене благочестиваго, родъ правыхъ, какъ насажденіе образа Божія на земли, суть чада Божіи, которыя должны познать Бога, уразумѣть дѣла Божіи, дабы, возлюбивъ Бога по множеству благости Его, служить Ему угоднымъ исполненіемъ святой воли Его, исполненіемъ о себѣ свя-

тыхъ намѣреній Его, возвѣстить законъ, повѣдать чудеса и добродѣтели Божіи роду иному грядущему. Вотъ что всего болѣе должно насъ радовать о дѣтяхъ нашихъ, что мы служимъ къ умноженію чадъ Божіихъ на земли, созданныхъ въ падшемъ Адамѣ, и возсозидаемыхъ во Христѣ по образу Божію; но вкупѣ должно и исполнять священною заботою о томъ, чтобы въ дѣтяхъ нашихъ просіявалъ образъ Божій, эта печать славы Божіей въ бренныхъ человѣкахъ, просіявалъ образъ Божій познаніемъ истины въ умѣ, чувствомъ добра въ сердцѣ, свободнымъ стремленіемъ къ исполненію истины добра въ волѣ. И такъ раскрывать въ дѣтяхъ душевныя способности, въ которыхъ особенно сіяетъ образъ Божій, раскрывать умъ для познанія истины, сердце для любви добра, волю для свободнаго стремленія къ истинѣ и добру: есть раскрывать черты образа Божія. А раскрывать въ дѣтяхъ черты образа Божія, напоять умъ истиною, сердце питать добромъ, волю направлять къ свободному исполненію добра, есть въ собственномъ смыслѣ воспитывать дѣтей для Бога. И та-

ковое воспитаніе дѣтей для общаго Отца, Подателя всѣхъ силъ и дарованій, должно быть начинаемо съ первой юности въ самой невинности нравовъ, въ самомъ первомъ развитіи душевныхъ способностей. Чѣмъ раньше умы и сердца будутъ направляемы къ Богу, тѣмъ обильнѣе могутъ обѣщать плодоношеніе благодѣланія. Въ самой юности еще ничѣмъ незанятыя сердца подобны невоздѣланной землѣ, которая сообразно тому, какъ будетъ воздѣлана и какими сѣменами засѣяна, такіе принесетъ въ послѣдствіи и плоды. Хорошо воздѣланная и добрыми сѣменами засѣянная, добрые плоды и принесетъ; оставленная тернію и волчцамъ принесетъ терніе. Сердца наши, сотворенныя для добра, но по естественному растлѣнію преклонныя къ злу, въ юности точно суть тоже, что мягкій воскъ; способны принять и долго удерживать начертаніе добра и зла. Поелику же, какъ видимъ изъ печальныхъ опытовъ собственной жизни, зло въ насъ превозмогаетъ надъ добромъ, то съ какою заботливостію, съ какимъ тщаніемъ должно напаять добромъ только что развивающіяся способности ума и сердца,

дабы добро еще въ младой землѣ сердецъ нашихъ укоренилось, возросло и укрѣпилось противу будущихъ плевеловъ зла, которые неукоснятъ сами собою во множествѣ возрастать на подавленіе сѣмянъ добра.

Каково основаніе, таково большею частію бываетъ и зданіе, каковъ корень, таковы и вѣтви, каковы сѣмена, таковы и плоды. Мы большею частію въ мужествѣ возращаемъ, а въ старости пожинаемъ то, что сѣяли въ дѣтствѣ, и что воздѣлывали въ юности. Если дѣтство наше бываетъ безъ призрѣнія, отрочество безъ управленія: то и юность наша бываетъ легкомысленна и мужество не основательно, и старость слаба и неразсудительна. Иначе отъ благаго начатка жизни, какъ отъ добраго корня и основанія, и на дальнѣйшіе возрасты простирается благое дѣйствіе.

И какое благословеніе можетъ обѣщать раннее воспитаніе дѣтей во благочестіи? Если посѣянные въ младыхъ сердцахъ начатки добра укоренятся и будутъ расти безпрепятственно: то въ страхѣ Божіемъ возрастшіе въ дѣтствѣ и отрочествѣ принесутъ плоды благонравія и цѣломудрія, плоды трезвен-

ности и воздержанія въ юношествѣ; а благоплодно проведшіе лѣта юношества украсятся зрѣлыми плодами благоразумія и Христіанскихъ добродѣтелей на поприщѣ и частной и общественной жизни въ мужествѣ. А хотя бы добрые начатки первыхъ лѣтъ юности, по превратностямъ жизни, и были на время ослаблены: онѣ не лишатся своего дѣйствія. Оставаясь глубоко сокровенными въ хранилищѣ совѣсти, онѣ и среди мрака заблужденія будутъ по временамъ просіявать въ свѣтлыхъ озареніяхъ истины, и при тяжкихъ паденіяхъ дадутъ гласъ свой въ убѣдительныхъ вразумленіяхъ, и, при самомъ страстномъ увлеченіи сердца, когда благодать будетъ призывать къ обращенію, внутренно отзовутся въ умѣ горькимъ сознаніемъ обольщенія, въ сердцѣ раскаяніемъ, и, при воспоминаніи первыхъ лѣтъ дѣтской невинности, посвященныхъ Богу могущественно повлекутъ на путь благочестія совратившихся съ онаго. Сосудъ, напитанный благоуханіемъ содержавшагося въ немъ благовоннаго вещества, долго издаетъ воню и тогда, когда бываетъ занятъ другимъ противнаго свойства веществомъ.

На комъ же лежитъ священная обязанность развить въ дѣтяхъ первое сѣмя истины въ умѣ, углубить первый корень добра въ сердцѣ, разкрыть первый ростокъ благодѣланія въ волѣ? На комъ? *Родители вознесоста отроча Іисуса въ Іерусалимъ, поставити Его предъ Господемъ.* Такъ, — отъ родителей требуется неплотскую только, — чувственную, душевную дать жизнь дѣтямъ своимъ, но и жизнь разумную, жизнь нравственную, духовную, — требуется, чтобы они въ дѣтей своихъ, которые суть лучшее имъ отъ Бога даяніе и драгоцѣннѣйшее достояніе, впечатлѣли все, что имѣютъ лучшаго въ своемъ умѣ, чистѣйшаго въ сердцѣ, совершеннѣйшаго въ расположеніяхъ воли и дѣлахъ жизни, дабы потомъ въ дѣтяхъ все лучшее, совершеннѣйшее, даръ слова, дарованія разума, силу воли, благія стремленія сердца приносить Богу разумовъ и сердецъ въ жертву живую, святую, благоугодную. Родители должны быть первые насадители добра въ дѣтяхъ. Они суть естественные, самимъ Богомъ устрояемые воспитатели и руководители дѣтей своихъ ко всякому добру. Кромѣ естественной любви, которая есть лучшая наставница добра,

они лучше знаютъ и расположенія дѣтей своихъ, по сему и лучше могутъ наставлять ихъ особенно въ первомъ возрастѣ, когда дѣти въ домашнемъ кровѣ какъ въ разсадникѣ юныя растѣнія, возрастаютъ, доколѣ рукою Божественнаго Промысла, по состоянію и званію, не будутъ поставлены въ свойственныхъ имъ мѣстахъ для общеполезнаго возрастанія въ благовременное и спасеніе вѣчное.

Затѣмъ сѣяніе добра въ юныхъ умахъ и сердцахъ находится въ рукахъ воспитателей и воспитательницъ, приставниковъ и приставницъ, и вообще всѣхъ руководителей и наставниковъ, которымъ ввѣряется попеченіе о юности дѣтскаго возраста и первое раскрытіе понятій ума ихъ и чувствованій сердца. Смотрите же родители и занимающіе мѣсто ихъ воспитатели, приставники, дѣтоводители! Смотрите: на что главнымъ образомъ посвящать вамъ дѣтей въ самомъ юномъ возрастѣ ихъ, къ чему направлять ихъ жизнь и силы, когда начнутъ проявляться въ нихъ способности, съ чего начинать раскрытіе смысла и чувства ихъ, — это представляетъ вамъ настоящее празднество принесенія въ

храмъ Божественнаго отрочати Іисуса Св. Родителями, которые, по обычаю законному, вознесли въ Іерусалимъ Божественное Отроча, представить Его, какъ всесвятое приношеніе, предъ Господа. Вспомните еще примѣръ введенія въ храмъ Богоотроковицы Св. Родителями, Іоакимомъ и Анною, которые трехлѣтнюю дщерь свою привели въ храмъ Господень и навсегда посвятили Господу, какъ живую жертву. Подражайте Богоотцамъ и во внутреннемъ духѣ и въ самомъ внѣшнемъ дѣйствіи приведенія дѣтей своихъ къ Господу; старайтесь паче всего первыя — неповрежденныя понятія, первыя непорочныя чувствованія дѣтей вашихъ напоять чистымъ понятіемъ о Богѣ, исполнять любовію къ Нему, какъ Отцу благости, а послѣ Бога любовію къ человѣкамъ и ко всякому совмѣстному съ юнымъ возрастомъ добру. И если самое первое, сильнѣйшее въ дѣтяхъ чувство есть любовь къ родителямъ, то что можетъ быть совмѣстнѣе съ дѣтскимъ чувствомъ, какъ не напечатлѣніе въ немъ любви къ Богу общему всѣхъ Отцу и благопромыслителю? Что говорить много о истинѣ очевидной? Замѣтимъ только, что если кто,

по слову Спасителя, *соблазнитъ единаго малыхъ, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Мат. 18, 6.): то наздать дѣтей въ добрѣ, напитывать ихъ разумѣніемъ о Богѣ, любовію къ Богу, вообще блюсти въ невинности, чистотѣ, незлобіи, блюсти отъ прикосновенія всякаго зла, есть подражать святымъ Ангеламъ, которые особенно приставляются для храненія дѣтей. *Блюдите*, выражаетъ Божественное попеченіе свое о дѣтяхъ Спаситель, *блюдите, да непрезрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго* (— 10). Такъ — съ самыхъ первыхъ лѣтъ надлежитъ приводить дѣтей къ Богу, и напоять благочестіемъ.

Часть 2-я. О обязанности дѣтей образовать себя въ благочестіи.

Чтоже дѣти, — предметъ нѣжнѣйшаго попеченія родительскаго, предметъ попечительнѣйшаго храненія Ангельскаго, и, по незлобивому, невинному возрасту, предметъ особен-

наго промышленія Отца Небеснаго, — какъ дѣти должны принимать попечительныя наставленія во благочестіи? Дѣти, отроки и отроковицы, вообще въ первыхъ лѣтахъ юности находящіеся, должны всего болѣе углублять въ умахъ и сердцахъ своихъ наставленія о благочестіи, дабы съ дѣтскою горячностію посвящать себя Богу. Дѣти могутъ понимать, что они все получили отъ Бога, жизнь и здравіе родителей и воспитателей ; — блага жизни и состоянія, и все, что веселитъ и радуетъ ихъ въ ихъ возрастѣ и состояніи. Посему и должны горѣть пламенными чувствованіями любви и благодарности къ Богу, какъ ко вседаровитому Отцу благости и щедротъ. Да вѣдаютъ притомъ дѣти, что они наровнѣ съ совершеннолѣтними и возмужалыми, какъ избранные Божіи и возлюбленные, составляютъ предметъ Апостольскаго къ нимъ привѣта и назиданія, свойственнаго возрасту ихъ. Св. Іоаннъ Богословъ, другъ Христовъ, наперстникъ и дѣвственникъ, въ соборномъ посланіи своемъ обращаясь съ привѣтомъ Апостольскаго наставленія къ мужамъ и юношамъ, наровнѣ съ ними обращается и къ дѣтямъ.

Пишу вамъ, дѣти, говоритъ онъ, *яко познасте Отца* (I Іоан. 2, 13). И вотъ, по означенію Апостола, черта дѣтскаго благочестія: *пишу вамъ, дѣти, яко познасте Отца.* Дѣти, представляя Бога, какъ Отца преимущественно должны покоиться преданностію подъ кровомъ благости Его, всего благаго надѣяться отъ великодаровитой десницы Его и тщиться о угожденіи святой волѣ Его всевозможнымъ повиновеніемъ родителямъ, воспитателямъ, руководителямъ, чрезъ которыхъ наставляетъ ихъ Богъ. *Пишу вамъ, дѣти, яко познасте Отца.*

Вознесоста родителя отроча Іисуса во Іерусалимъ поставити Его предъ Господемъ. Родители! Приводите дѣтей своихъ ко Господу, не только тѣхъ, которыхъ вы носите на рукахъ и груди своей, приносите чаще во храмъ Господень, дабы въ Дому Божіемъ питать ихъ плотію и кровію Христовою; но приводите особенно ко Господу тѣхъ дѣтей, которыхъ, по раскрывающимся въ нихъ способностямъ, вы руководите вашими совѣтами, внушеніями, наставленіями. Ведите дѣтей вашихъ неуклонно стезею вѣры и благоче-

стія, не только въ юности, но и въ зрѣлыхъ лѣтахъ мужества, и въ зрѣломъ возрастѣ руководите ихъ уже не столько словомъ наставленія, сколько примѣромъ благочестія. Поступая такъ, вы спасете и себя и дѣтей вашихъ.

Дѣти! Преспѣвая тѣлеснымъ возрастомъ, тщитесь вкупѣ преспѣвать и духовнымъ, благодатными свойствами и любовію къ Богу, усердіемъ къ Св. Церкви, преданностію родителямъ, благопослушаніемъ къ Наставникамъ; тщитесь напаять себя благими наставленіями о предохраненіи ума своего отъ заблужденія, сердца отъ обольщенія порокомъ, нравовъ отъ растлѣнія мірскими обычаями. Ограждаемые страхомъ Божіимъ, возрастайте въ невинности дѣтства, какъ младыя лѣторасли сада Божія; возрастайте въ благихъ нравахъ отрочества, какъ зеленѣющія вѣтви; возрастайте въ цѣломудріи и совершенствованіи душевныхъ способностей въ лѣтахъ юношества, какъ благоцвѣтущее рождіе благоплодныя Лозы — Христа; и вы, по благодати Божіей, содѣлаетесь живымъ, благопріятнымъ приношеніемъ Господу. Когда благословеніе Божіе почіетъ на васъ, то съ нимъ и всѣ прочія приложатся блага; на васъ будетъ

почивать любовь родителей, благорасположеніе ближнихъ, благоволеніе высшихъ, дружелюбіе равныхъ; васъ будетъ сопровождать благоуспѣшество въ дѣлахъ, окружать довольство благъ, спокойствіе отвнѣ, веселіе внутри. И все это потому, что благословеніе Божіе, если будете Богобоязливы, будетъ предшествовать вамъ и сопровождать васъ, будетъ возлегать и воставать съ вами, будетъ вести васъ во всю жизнь вашу путями правыми и споспѣшествующими во благое, доколѣ наконецъ доведетъ васъ туда, гдѣ небесный Отецъ благопослушныхъ чадъ вѣры и любви покоитъ въ объятіяхъ своей благости среди нескончаемаго блаженства. Аминь.

СЛОВО 2.

Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ. (Лук. 2, 29.).

Такъ съ свѣтлымъ взоромъ и радостнымъ сердцемъ проситъ вѣрный рабъ у Владыки мирнаго отпущенія изъ временной, дабы прейти къ нескончаемой жизни. Скончавъ теченіе богоугодной жизни, въ коей *обѣщано было ему Духомъ святымъ, не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня*, и сподобившись не только видѣть своими очами Спасеніе, уготованное Богомъ предъ лицемъ всѣхъ людей, но и въ своихъ объятіяхъ носитъ *Свѣтъ языковъ и Славу Израиля*, праведный Симеонъ мирно оставлялъ временную жизнь, какъ странникъ, совершившій

путь свой и достигшій предѣловъ вожделѣннаго Отечества. Исполненный дней и добродѣтелей, мастигый старецъ въ послѣднія минуты жизни своей уподоблялся заходящему свѣтилу, которое и при самомъ захожденіи величественно распространяетъ вокругъ себя радостотворное сіяніе. Такъ праведный Симеонъ мирно, богоугодно живъ, съ миромъ по глаголу Господню, и отходитъ отъ сей жизни. И не льзя видѣть мирной кончины, не уготовивъ оной мирною жизнію. Мирная, благочестивая жизнь есть единственный путь къ мирной, блаженной кончинѣ.

Христіане! По благости Божіей, мы находимся еще на пути жизни. Но всѣмъ намъ безъ изключенія надлежитъ быть ежечасно готовыми къ смерти, и непрачче продолжать путь жизни, какъ въ непрестанномъ помышленіи, что мы постепенно приближаемся къ смерти. Попечемся, не опуская времени, совершать поприще жизни своей въ приготовленіи къ смерти, дабы мирно срѣтить кончину свою. Для сего размыслимъ, что нужно, чтобы уготовить себѣ мирную, христіанскую кончину?

Чтобы уготовить себѣ мирную—Христіанскую кончину, надлежитъ мирно, христіански жить.

Въ чемъ состоитъ мирная, въ христіанскомъ духѣ жизнь? Мирная жизнь въ духовномъ смыслѣ состоитъ не въ томъ, чтобы мы ограждены были внѣшнимъ спокойствіемъ и безопасностію, что бы избыточествовали житейскими благами. Такая жизнь, именуемая вообще благополучною, имѣетъ признаки мира внѣшняго, при которомъ можно не имѣть внутренняго. Истинный миръ состоитъ въ такомъ расположеніи духа и сердца, при которомъ мы и среди внѣшнихъ лишеній и скорбей можемъ быть мирны. Такой миръ состоитъ въ обладаніи духовными благами, состоитъ въ мирѣ съ Богомъ, съ ближними нашими, съ самими собою. *Миръ любящимъ Законъ Твой, Господи.* (Псал. 118, 165.), говоритъ Псалмопѣвецъ Но чтобы быть намъ въ истинномъ мирѣ съ Богомъ и ближними, прежде всего надлежитъ быть въ мирѣ съ самими собою. Если не будетъ мира въ сердцѣ нашемъ, не будетъ спокойствія въ расположеніяхъ нашихъ: то мы не въ со-

стоянiи будемъ съ твердымъ и спокойнымъ расположенiемъ выполнять и обязанности наши къ Богу и ближнимъ.

Что же такое есть миръ съ собою? Миръ съ собою есть такое благодатное состоянiе духа, въ которомъ мы, сообразно высшему, духовному назначенiю, употребляя душевныя способности, — умъ на познанiе Божественной истины, сердце на взысканiе правоты, волю на совершенiе всякаго добра, а низшiя способности содержа въ зависимости отъ высшихъ,—при согласномъ дѣйствiй всѣхъ силъ, чувствуемъ въ себѣ расположенiе къ исполненiю Закона Божiя, и при посильномъ благоугожденiи Богу, среди самыхъ скорбей обрѣтаемъ въ себѣ внутреннее довольство и успокоенiе.

Такое состоянiе мира требуетъ того, чтобы одинъ законъ господствовалъ въ насъ, одна сила направляла силы наши, одинаковыя побужденiя располагали насъ къ дѣйствiю. А этотъ законъ, неизгладимо начертанный и непрестанно ученiемъ вѣры впечатлѣваемый въ насъ, есть законъ Христовъ, котораго сущность составляетъ то, чтобы любить

Бога паче всего, а ближняго, какъ самаго себя; эта сила, долженствующая укрѣплять нашу немощь въ исполненіи закона Христова, есть сила Христова, эти побужденія вытекаютъ изъ внутренней потребности исполненія воли Божіей, составляющей для насъ источникъ всѣхъ благъ. Вотъ основаніе внутренняго мира съ собою, откуда проистекаетъ миръ съ Богомъ и ближними, откуда разливается миръ и на все окрестъ насъ.

Чтобы быть въ такомъ благодатномъ мирѣ съ самими собою, гдѣ бы господствовалъ въ насъ одинъ законъ любви къ Богу и ближнимъ, дѣйствовала одна сила Христова во спасеніе, располагало одно побужденіе—желаніе благоугодить святой волѣ Божіей, необходимо быть сперва въ непрестанной внутренней брани съ самими собою. Такъ истинно. Прежде нежели достигнемъ въ состояніе мирной, благодатной жизни, мы необходимо должны поставить себя въ состояніе внутренней брани. А внутренняя брань требуетъ отъ насъ того, чтобы мы, неослабно бодрствуя надъ собою, во всякомъ случаѣ всѣ свои слова и мысли, начинанія и поступки, въ

разсужденіи правоты ихъ, тщательно испытывали и все въ нихъ не только порочное, но и необдуманное, легкомысленное рѣшительно осуждали.

Такая брань съ самими собою не легка, а для многихъ можетъ быть и непонятна, но для того, чтобы достигнуть духовнаго мира благодатной жизни, совершенно необходима.

И по свидѣтельству Писанія, и по собственному опыту въ насъ два человѣка: одинъ ветхій, грѣховный, другой новый, обновляемый благодатію; два закона, одинъ влечетъ насъ къ грѣху, другой располагаетъ услаждаться закономъ Божіимъ. И вотъ источникъ внутренней брани въ насъ. Плоть желаетъ противнаго духу, а духъ противнаго плоти (Гал. 5, 17.). Плоть, это грѣховный въ насъ человѣкъ, въ коемъ разтлѣнное самолюбіе составляетъ душу, страсти—силу, чувственныя пожеланія-побужденія дѣйствій, плоть, пища удовлетворенія, силится свергнуть съ себя господство духа, а духъ, стремясь къ исполненію святой воли Божіей, старается обуздать многообразныя стремленія плоти и покорить ее господству своему. *Плоть похотствуетъ*

на духъ, духъ же на плоть. Но такова грѣховная наша слабость, что, живя разсѣянно мы не печемся о духовномъ состояніи своемъ, и — плоть беретъ пагубное преобладаніе надъ духомъ, страсти ослѣпляютъ въ насъ умъ, предаютъ сердце похотямъ, оковываютъ волю чувственными привычками; отъ чего происходитъ въ насъ грѣховный сонъ, жизнь по обычаямъ міра, занятіе только выгодами житейскими; поробощаясь грѣху, и омрачаясь суетами, мы теряемъ силу и расположеніе къ добру, дѣлаемся не вѣрны въ обязанностяхъ къ Богу, хладны въ отношеніи къ ближнимъ. Въ этомъ состояніи мы не живемъ, а находимся въ смертн, не дѣйствуемъ, а страждемъ, не пріобрѣтаемъ, а теряемъ и погубляемъ. И если бы въ такомъ состояніи постигнуты были смертію: то, какъ плоть и кровь, были бы извергнуты изъ царства Божія, какъ чада тлѣнія, низринуты въ кромѣшную тьму. Итакъ всѣми мѣрами надлежитъ намъ укрѣплять и поддерживать въ себѣ господство духа надъ плотію, господство свѣта надъ тьмою, добра надъ зломъ, правоты надъ растлѣніемъ; а для сего необходимо непрестанно

бодрствовать надъ собою, и стоя на духовной стражѣ, умъ очищать отъ грѣховныхъ мыслей, сердце отъ превратныхъ расположеній, волю направлять во всѣхъ дѣйствіяхъ къ сообразованію съ волею Божіею и идя тѣснымъ путемъ Христовымъ, ходить духомъ.

Такими подвигами распинанія своихъ страстей должны мы уготовлять себѣ тихую смерть, мирную кончину и спокойный переходъ изъ премѣнной въ вѣчную жизнь; должны неутомимо трудиться на поприщѣ нашихъ обязанностей, а особенно на пути внутренняго очищенія нашего ума и сердца отъ омраченія грѣховнаго, воли отъ преобладанія страстей. Для сего, не смотря на юность лѣтъ и крѣпость силъ, благовременно учиться умирать для міра чрезъ постепенное отрѣшеніе отъ житейскихъ наслажденій и привязанности къ онымъ.

Смерть есть переходъ изъ временной жизни въ вѣчную, возвращеніе изъ странствованія въ отечество, покой послѣ трудовъ, путь къ воспріятію награды въ царствѣ славы. Какъ мы перейдемъ мирно за предѣлы времени,

когда не отрѣшаемся отъ временныхъ пристрастій? Какъ будемъ радостно возвращаться въ небесное отечество, когда на земли полагаемъ свои сокровища, а въ отдаленную будущность боимся и взглянуть, какъ въ область мрачную и страшную? Какъ обрѣтемъ въ смерти сладкій покой и путь къ наградѣ, когда здѣсь не трудимся, не течемъ, какъ подвижники, не сражаемся, какъ ратоборцы для спасенія души; но занимаемся пріобрѣтеніями житейскими, какъ будто бы временною жизнію все долженствовало кончиться? Кто что въ жизни посѣетъ, то въ смерти и пожнетъ. За жизнію безпечною, плотскою, преступною ожидаетъ насъ страшный отчетъ, грозный судъ, непзбѣжное мученіе. За жизнію очищенною покаяніемъ, проведенною въ богоугодныхъ трудахъ для блага ближнихъ, въ подвигахъ умерщвленія страстей ради Христа, послѣдуетъ воздаяніе отъ Христа. Если мы подвизаясь для Христа, со Христомъ и умремъ: то со Христомъ и оживемъ. Аминь.

СЛОВО 2.

въ День Срѣтенія Господня.

Се лежитъ сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израили, и въ знаменіе прекаемо. (Лук. 2, 34.).

Что ты вѣщаешь, провидче Симеоне? Самъ исходя, по глаголу Владычню, изъ міра съ миромъ, намъ въ пророченіи твоемъ оставляешь знаменіе прекаемое: видишь уготованное предъ лицемъ всѣхъ народовъ общее спасеніе, но видишь и неспасающихся? Созерцаешь свѣтъ къ просвѣщенію языковъ, славу Израиля, но зришь и мракъ и уничиженіе Израиля? Указуешь вожделѣннаго Спасителя, но предсказываешь не одно спасеніе:

лежитъ сей паденіе и на востаніе многимъ во Израили и въ знаменіе прекаемо? Ужели и Царь кроткій (Захар. 9, 9.), пришедшій воцарить на земли правду и миръ, отпустить плѣненныя во отраду и утѣшить вся плачущія (Исаі. 61, 2.), принесъ съ собою на землю не одинъ миръ, но и мечь? Какъ же Авраамъ радъ былъ увидѣть день сей (Іоан. 8, 56) и всѣ праотцы еще издалека въ восторгѣ любви вѣрою цѣловали обѣтованнаго (Евр. 11, 13.), а ты, держа уже на рукахъ своихъ радость Израилеву, возвѣщаешь неодну радость?

Истинно вѣщаетъ Богопріимецъ, указуя на Божественное отроча: *се лежитъ сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израили, и въ знаменіе прекаемо.*

Вонмемъ съ благоговѣніемъ Боговдохновенному гласу Богопріимца, внушающему радость и страхъ, и во славу принесеннаго во храмъ Іисуса, для собственнаго востанія о Немъ во спасеніе, размыслимъ: почему Іисусъ Избавитель и Спасъ міра, не для всѣхъ одинаково содѣлывается спасеніемъ? и кому онъ лежитъ на паденіе, и кому на востаніе?

Нѣтъ неправды у Бога (Рим. 9, 14.). Любовь Божія къ человѣкамъ несравненно выше всякой любви матерней къ дѣтямъ. Какъ изъ начала, при созданіи человѣка правымъ и невиннымъ, Богъ веселился о сынѣхъ человѣческихъ (прит. 8, 31.), веселился о ихъ жизни и блаженствѣ: такъ, и по паденіи человѣка, Онъ нехощетъ смерти грѣшника умирающаго (Іезек. 33, 11.). Такъ, Богъ смерти не сотвори, ни веселится о погибели живыхъ. (Прем. Сол. 1, 13.), Отъ чего же погибаютъ человѣки? *Погибель твоя отъ тебе, Израиль.* (Іезек. 18, 31.), Нельзя довольно оплакать того пагубнаго злоупотребленія нравственной свободы, по которому человѣкъ самое достоинство своей природы обращаетъ въ собственную погибель. Оставленному *въ руцѣ произволенія своего* (сорах. 15, 14.), человѣку искони предложены были животъ и смерть, благо и зло, благословеніе и клятва (Втор. 30, 19.). Несчастный! возлюбилъ лучше проклятіе, и оно постигло его, не восхотѣлъ благословенія, и удалилось отъ него (Псал. 108, 17.), оставилъ Бога сотворшаго его, отступилъ отъ

Бога Спаса своего (Втор. 32, 15.); сотворилъ завѣтъ со адомъ и съ смертію сложеніе (Исаі, 28, 15.); отвращая умъ отъ свѣта истины, сердце отъ дѣйствій добра, человѣкъ гибнетъ самопроизвольно отъ своего невѣрія, ожесточенія, безпечности. Виновно ли солнце, что иные самопроизвольно не видятъ свѣта его, не ощущаютъ теплоты его? что дѣлать врачу, когда больные не принимаютъ предлагаемаго врачества и умираютъ. Благій и Правый праведенъ во всѣхъ путяхъ своихъ и преподобенъ во всѣхъ дѣлѣхъ своихъ (Псал. 144, 17.): со святымъ онъ поступаетъ свято, съ человѣкомъ вѣрнымъ вѣрно, съ чистымъ чисто, съ лукавымъ вопреки ему (Псал. 18, 26.).

Богъ Отецъ искони въ превѣчномъ совѣтѣ своемъ предположилъ спасти міръ чрезъ единороднаго Сына Своего. Положивъ въ Сіонѣ камень краеуголенъ, избранъ, честенъ (1 Петр. 2, 6.), и вѣрою въ него созидая на Немъ спасеніе человѣческое, Преблагій никогда не переставалъ многоразличными образами собирать расточенныхъ чадъ своихъ во едино, дабы всѣ по мѣрѣ дѣйствія, считева-

ясь прилично на едином основаніи, созидались во едину Церковь Духомъ Святымъ. Но люди большею частію не внимали званію Божію, отметали средства къ спасенію, и удалялись отъ спасенія.

Не станемъ говорить о древнихъ временахъ невѣрія Ветхозавѣтнаго Израиля, на которое, при всемъ долготерпѣніи, Богъ въ словѣ своемъ, тяжкія произноситъ жалобы. Вотъ наконецъ среди сего Израиля въ теченіи тысячелѣтій, занятаго ожиданіемъ обѣщаннаго избавленія и при внѣшнемъ рабствѣ отъ преобладанія языческаго, при внутреннемъ отъ лжеученія фарисейскаго и порчи нравовъ, наболѣе, повидимому, готоваго къ принятію своего Избавителя, является Божественный Избавитель. Что же? *Во своя прiиде и свои Его непрiяша* (Іоан. 1. 11.) Первыхъ Іудеевъ осіялъ свѣтъ присносущный, и они первые не приняли спасительнаго дѣйствія его. Богочеловѣкъ служилъ для Іудеевъ знаменіемъ пререкаемымъ. Самые зиждущіе, законоучители и книжники, укорили, отвергли избранный камень (Дѣян. 4. 11.), и Христо-убійственная Сунагога ожесточен-

нымъ невѣріемъ разбилась о камень спасенія, какъ о камень претыканія и соблазна.

Іудеи невѣріемъ пали. А Христосъ на Сіонѣ Церкви непоколебимо краеугольнымъ камнемъ во спасеніе положенъ. Сей живый камень сплою Своею поразилъ, по пророческому реченію, тѣло язычества, истлилъ разновидный составъ онаго, словомъ истины привелъ различные народы, племена, языки воедину вѣру, въ церкви своей, распространенной по всей вселенной, возрасъ въ великую гору и наполнилъ всю землю (Дан. 2, 35.).

Но и въ новоблагодатномъ Израилѣ, среди самихъ вѣрующихъ во Христа, видимъ новыя прекаканія и паденія, прекаканія отъ заблужденій, ересей, расколовъ; паденія отъ страстей, преступленій, пороковъ.

Іисусъ Христосъ будучи для мудрствующихъ по стихіямъ міра знаменіемъ прекаемымъ, многимъ, произвольно блуждающимъ по распутіямъ ересей и расколовъ, лежитъ на паденіе. Поболимъ сердцемъ о уклонившихся отъ правовѣрія въ прекаканіе, и отъ прекаканія въ заблужденіе и отчужденіе отъ св. Церкви. Будемъ молить Бога о обраще-

ніи ихъ, и по возможности, увѣщевать ихъ непротивиться Богу, Церкви, спасенію своему и присныхъ своихъ.

Но и мняйся стоятн, да блюдется, да не-падетъ (Кор. 10, 12.). Не однѣ прекословія въ вѣрѣ и православіи вовлекаютъ въ прекаиіе погибели. Можно наружно вѣрою стоять, но силою вѣры и благочестія не утверждаться на основаніи. Утверждаемся ли мы о Христѣ истинною вѣрою и благочестіемъ? *Се Азъ, глаголетъ Господь, полагаю въ Сіонъ камень краеуголенъ, избранъ, честенъ, и вѣруяй въ онь непостыдится* (Исаі, 28, 16.). Камень Христосъ непоколебимо положенъ въ основаніе Сіону благодатному Царствy Божію, положенъ во спасеніе всѣмъ вѣрнымъ, которые вѣрою и любовію должны воображаться во Христа.

Зданіе все утверждается на основаніи: и мы всѣмъ существомъ должны быть утверждены во Христѣ; должны быть утверждены умомъ, дабы паче всего знать Христа, разумѣть силу воскресенія Его, сообразоваться съ страданіями и смертію Его (Фил. 3, 10.); должны быть утверждены сердцемъ, дабы

тѣже чувствованія и расположенія были и въ насъ, какія и во Христѣ Іисусѣ (2, 5.); должны быть утверждены волею. дабы Христосъ Духомъ своимъ производилъ въ насъ и хотѣніе и дѣйствіе по своему благоизволенію (2, 13.). Христосъ есть камень краеугольный для благодатнаго созиданія нашего.

Каково основаніе, таково должно быть и зданіе. Христосъ есть камень живый, избранный. Утверждаясь на камени живомъ, избранномъ, мы и сами, яко каменіе живо, должны *созидаться въ храмъ духовенъ, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови Іисусъ Христомъ* (1. Петр. 2, 5.); должны въ мысляхъ, расположеніяхъ, начинаніяхъ, дѣлахъ и во всей жизни нашей созидать токмо честное, злато, сребро, а не дрова, сѣно и тростіе (1. Кор. 3, 12.); должны стяжевать въ себѣ токмо то, что истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что составляетъ добродѣтель и похвалу (Фил. 4, 8.); а все неправедное, нечистое отвергать и удалять.

Наконецъ Христосъ есть камень драгоцѣнный, въ которомъ сокрыты всѣ сокровища

премудрости и разума, всѣ совершенства и добродѣтели. Будучи въ Избранномъ родъ избранъ, мы (1. Пет. 2, 2.), по примѣру призвавшаго насъ Святаго, и сами тщась быть святы во всемъ житіи нашемъ (1. Пет. 1. 15.), должны не останавливаясь, восходить отъ совершенства къ совершенству. Токмо достигающіе пріемлютъ почесть, и законно подвизающіеся увѣнчеваются.

Вотъ черты созидающихся во спасеніе на Христѣ, каменп живомъ, избранномъ, драгоцѣнномъ. Созидаемые во Христѣ благодатною сплою душевныя нечистоты въ себѣ потребляютъ, совершенною преданностію воли своей въ волю Христову, преобразуясь въ образъ Его, достигаютъ въ мѣру возраста Его и во единъ духъ съ Господемъ.

Повѣримъ себя по изображеннымъ чертамъ, утверждаемся ли мы во Христѣ? Сообразуемся ли Ему? Растемъ ли о Немъ во спасеніе? Если сердце наше не зазритъ намъ: то благословимъ Христа. Онъ благодатію своею лежитъ намъ на востаніе, и мы вѣрою стоимъ о Немъ во спасеніе. Такъ, — стоятъ о Немъ

во спасеніе и востанутъ нѣкогда изъ персти земной въ жизнь вѣчную всѣ живущіе въ мірѣ, но выну пребывающіе въ Богѣ и волѣ Его, всѣ вѣрные рабы Господа, которые и на высотѣ смиренны, и на гнопщѣ высоки, и въ окружающемъ величіи кротки, и въ тяготящихъ бѣдствіяхъ великодушны, и среди обилія нищи духомъ, и среди нищеты богаты добрыми дѣлами. Востанутъ неутомимые подвижники Христовы, въ благодушіи несущіе крестъ свой, и всѣ терпящіе, по примѣру все для нихъ Претерпѣвшаго; востанутъ всѣ со страхомъ и трепетомъ содѣлывающіе спасеніе свое, всѣ взпрающіе здѣсь на себя, какъ на странниковъ, скрывающіе на небеси сокровище свое и туда бодренно поспѣшающіе. Это несомнѣнная истина, что Христосъ пришелъ *изцѣлить сокрушенныя сердцемъ, утѣшить плачущія, дать славу Сіона смиреннымъ* (Исаі 61. 23.).

Падетъ убо *всякъ кедръ Ливанскій, всяко древо Вассанско, всяка гора, всякъ холмъ, всякъ столпъ высокихъ и превознесенныхъ* (1. 13. 14.). Но что говорить о паденіи тѣхъ,

для которыхъ крестъ Христовъ есть соблазнъ, послѣдованіе путемъ Христовымъ — камень претыканія? Богатѣющимъ въ себя, а не въ Бога, пресыщающимся житейскими сладостями, смѣющимся среди грѣховныхъ веселій прежде временно возвѣщено горе (Лук. 6, 25.). Падутъ многіе и во Израили, падутъ многіе, имѣющіе образъ благочестія, но праведность фарисейскую, любовь и благотворительность языческія. Ложныя добродѣтели не устоятъ противу испытательнаго огня Божія. Дѣло сгоритъ (1. Кор. 3, 12.), не спасется и дѣлатель. Падутъ двоедушные и теплохладные, повидимому держащіеся пути Господня, но храмлющіе на обѣ плесны свои и совращающіеся и надесно и нашуе (3. Цар. 18, 21): Падутъ многіе дѣламъ благочестія, по видимому, учащіеся, а въ разумъ истины недостигающіе (2. Тим. 3. 7.), зиждущіе и ничего неустрояющіе, текущіе, и токмо воздухъ біющіе. Благодать Божія, если необратимъ ее въ гореніе жизни, предастъ насъ огню потребительному, который и пожжетъ насъ за ея злоупотребленіе. Большее вѣденіе Тайнъ вѣры безъ дѣйствія уготовитъ большее осуж-

деніе. *Рабъ вѣдѣвый волю Господина своего и не уготовавъ, ни сотворивъ по воли Его, біенъ будетъ много* (Лук. 12, 47.).

Твердо убо да памятуемъ, что никакая скверна въ Царствіе Божіе невнидетъ (Апок. 21. 27.); что Іисусъ Христосъ есть Спаситель грѣшниковъ, но кающихся и обращающихся. Онъ не пощадитъ нѣкогда множества погибающихъ, хотя теперь не хощетъ смерти и единаго грѣшника. Не будемъ полагать въ возглавіе безпечности своей и безконечныхъ заслугъ Спасителя, что милосердый Ходатай безпредѣльною своею святостію покроетъ грѣхи наши и съ ними введетъ насъ во свѣтлости Сіона. Нѣтъ! Да не прельщаемся, не вѣдая духа Христова, ни силы царствія Его. Что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ (Гал. 6, 7.). Неумерши со Христомъ, невозможно и востать съ Нимъ. Несдѣлавшись въ царствѣ благодати сыномъ свѣта, не льзя и въ царствѣ славы превитать во свѣтлостяхъ святыхъ.

Не будемъ сами виновниками невозвратнаго для себя паденія. Нѣтъ нынѣ столь глубокаго паденія, чтобы не лежало глубже онаго Божественное основаніе спасенія. Но непзбѣжно

ужасное низриновеніе, если нѣкогда не обрѣтемся дѣятельно утвержденными на Божественномъ основаніи. Итакъ кто навѣтомъ врага палъ, да востанетъ вѣрою. Кто колеблется на спасительномъ основаніи между Богомъ и міромъ, тотъ да оснуется рѣшимостію несовращаться нашуе, но въ терпѣніи созидаться во спасеніе. Кто благодатію Духа содѣлался драгоцѣннымъ камнемъ въ зданіи Христовомъ, таковый еще паче устроясь самъ, да утверждаетъ и братію свою: да возставляетъ падающихъ, да утѣшаетъ малодушныхъ, да укрѣпляетъ слабыхъ. Всѣ же, бодренно утверждаясь на Божественномъ основаніи, будемъ со страхомъ и трепетомъ содѣлывать свое спасеніе, и яко каменіе живо, созидаться въ храмъ духовенъ. (Еф. 4, 16.).

Господи, Іисусе Христе, каменю живый, лежай нынѣ благостію Твоею во спасеніе всѣхъ людей! Когда Ты яко сплетъ и крѣпокъ востанешь во славѣ Твоей — положитъ предѣлъ всѣмъ безчисленнымъ о Тебѣ прекаяніямъ и сотворитъ послѣдній судъ о преславномъ востаніи вѣрныхъ твоихъ и о конечномъ паденіи невѣрныхъ и грѣшныхъ:

тогда, Преблагій, сотвори благодатію Твоею, да и мы сподобимся непостыдно востать изъ персти земной въ срѣтеніе Тебѣ, стать одесную Тебѣ и всегда съ Тобою Господемъ нашимъ быть. (Сол. 4, 17.). Аминь.

СЛОВО 1.

въ день праведнаго Сумеона Богопріимца.

И бѣ ему обьщанно духомъ Св. не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня. (Лук. 2, 26)

Жизнь для праведнаго Сумеона, жизнь долговременная, многолѣтная, была и наградою за благочестіе, и подвигомъ испытанія въ терпѣніи. Ему обѣщано было, что онъ не увидитъ смерти, доколѣ не увидитъ обѣтованнаго Спасителя міру, и онъ дождался этой радости, которую пламенно желали видѣть всѣ ветхозавѣтные праведники, и скончались непріявши обѣтованія, удостоился не только увидѣть своими очами, но и воспріять на свои руки Спасителя. Но долговременная жизнь праведнаго Сумеона была для него

и тяжкимъ подвигомъ испытанія въ терпѣніи. Преисполненный многихъ лѣтъ старецъ какихъ не испыталъ перемѣнъ въ своей жизни. Въ его глазахъ прошли многіе роды и поколѣнія людей, произошло много событій и радостныхъ, но еще болѣе скорбныхъ и печальныхъ въ народѣ Божіемъ. Міръ съ его перемѣнами вращался около него, а онъ среди перемѣнчивости лицъ, вещей, обстоятельствъ, оставался, какъ скала среди волненія непрестанно приходящихъ и отходящихъ водъ. Сколько было перемѣнъ, и непосредственно касавшихся состоянія его! Въ продолженіи многолѣтней жизни онъ, конечно, всѣхъ близкихъ рода своего оплакалъ, сопроводилъ въ путь всея земли, и давно оставался одинъ безъ рода, безъ племени ожидая несомнѣнно узрѣть обѣтованнаго Спасителя.

Какою же цѣною стяжалъ себѣ праведный Симеонъ неизглаголанную радость спасенія, что узрѣлъ и воспріялъ въ объятія свои Спасителя? Стяжалъ цѣною многотрудной жизни и тяжкимъ, продолжительнымъ терпѣніемъ. Послѣ того мирно отпущенный Владыкою живота и смерти изъ томительной жизни, могъ ли

съ небесною радостію не уснуть сладкимъ сномъ смерти для блаженнаго безсмертія?

Также мирно упокоеваются смертію и всѣ тѣ, которые въ продолженіи жизни въ неослабномъ терпѣніи трудятся для Господа. Они смертію упокоеваются отъ трудовъ своихъ.

Христіане! будемъ и мы въ терпѣніи неутомимо трудиться во всю жизнь свою, чтобы уснуть сладкимъ сномъ смерти.

Побесѣдуемъ о семъ для пріуготовленія самихъ себя къ радостному безсмертію.

Необходимо съ неослабнымъ терпѣніемъ трудиться во всю жизнь, чтобы блаженнымъ сномъ упокоиться въ смерти.

Чтобы сдѣлать вожделѣннымъ сонъ ночи, надлежитъ неослабно трудиться въ продолженіи дня. Дѣлатель, съ солнечнымъ восходомъ пшедшій на дѣланіе свое, понесшій тяготу и варъ дне, съ радостію зритъ на заходящее солнце, на упадающія вокругъ его тѣни, чувствуя, что все, и внутрь и внѣ его призываетъ его къ покою. Такъ и въ продолженіи дня жизни надлежитъ бодренно тру-

диться, дабы вечеръ жизни встрѣтить съ радостнымъ чувствомъ приближающагося успокоенія.

Можно сказать, всѣ мы трудимся, каждый своимъ образомъ, и, можетъ быть, много, успѣшно. Но не всѣ труды способны доставить намъ покой ночи смертныя. Трудится честолюбивый для суетной чести и славы, трудится корыстолюбивый для богатства и благъ земныхъ. Трудится легкомысленный въ изобрѣтеніи наслажденій и утѣхъ плотскихъ. Такіе и подобные труды при часѣ смертномъ обременятъ угрызеніями духъ нашъ и породятъ болѣзни адскія въ душѣ нашей.

Другіе должны занимать насъ труды, коими можемъ собрать себѣ сладкіе плоды для вѣчности, и утѣшать себя при наступленіи часа смертнаго. Какіе эти труды? Труды вѣры и благочестія въ отношеніи къ Богу, труды праведности и благотворенія въ отношеніи къ ближнимъ, труды чистоты и непорочности въ отношеніи къ самимъ себѣ. Эти Христіанскіе труды требуютъ, чтобы мы всегда и во всемъ служили Богу, какъ купленные кровію Сына Божія, въ страхѣ и благоговѣ-

нiи; чтобы служили ближнимъ нашимъ, какъ братiи и сонаслѣдникамъ единаго Царствiя, воздаяніемъ отъ души каждому должнаго; чтобы тщились очищать себя, *якоже онъ чистъ есть*, (I Іоан. 3. 3.) Искупитель и Спаситель нашъ. Многообразны и многоразличны труды жизни по Богѣ, ибо широка заповѣдь Господня. Но какъ законъ Господень во всѣхъ заповѣдяхъ составляетъ одинъ нераздѣльный союзъ праведности и святости, такъ и наша дѣятельность по закону Божію вообще должна составлять одну совокупность добрыхъ дѣлъ для благоугожденія Господу. Частнѣйшіе труды, для благоугожденія Господу, указаны каждому изъ насъ Божественнымъ Промысломъ въ нашемъ состояніи и званіи. Христіанинъ! Трудись въ исполненіи обязанностей, возложенныхъ на тебя Богомъ, трудись отъ сердца, искренно, яко предъ Богомъ и для Бога, терпи мужественно и всѣ сопутствующія спасительнымъ трудамъ тяжести, и ты будешь издалека уготовлять себѣ сладкій сонъ ложа смертнаго. Ты возвеличенъ славою и честію, обладаешь обиліемъ благъ земныхъ, имѣешь въ рукахъ своихъ участь

и счастіе многихъ людей; трудись не для времени, а для вѣчности, умѣй разстворять внѣшнее величіе внутреннимъ смиреніемъ, внѣшнее обиліе нищетою духовною, могущество власти искреннею заботою о ввѣренныхъ твоему попеченію. Ты судишь между братіями твоими, преуспѣвай сперва въ правдѣ самъ, потомъ побѣждай правотою неправду другихъ, и изводи правду яко полудне, по любви къ свѣту правды. Ты пасешь народъ Божій; предшествуй на пути благочестія самъ, какъ вождь, а въ слѣдъ за собою и словомъ и примѣромъ, и ученіемъ и обличеніемъ веди и врученныхъ тебѣ. Ты обремененъ нищетою, болѣзнями; вотъ труды, назначенные тебѣ на поприщѣ жизни! Неси возложенное на тебя иго, не теряй упованія, не уступай мрачнымъ нападеніямъ горести, съ крѣпостію превозмогай уныніе и утѣшай себя надеждою сладкаго упокоенія.

Но да не речетъ кто изъ насъ, обрѣтая миръ и утвержденіе окрестъ себя, да не речетъ, что путь его ровенъ, что ни противностей въ теченіи, ни трудностей въ дѣланіи

не предлежитъ ему. Ни кто нельсти себя беззаботностію. Кромѣ внѣшнихъ дѣлъ и обязанностей есть у каждаго изъ насъ внутреннее сокровенное дѣло, доставшееся намъ по несчастному наслѣдію отъ первыхъ прародителей; есть у каждаго наслѣдственное достояніе, поле дикое и каменистое, тернами и волчцами заросшее, которое трудолюбнымъ дѣланіемъ мы должны очистить отъ произрастеній проклятія и исполнить плодами благословенія. Это поле есть грѣховное сердце наше, или паче, растлѣнная природа съ ея страстьми и похотьми, въ каждомъ изъ насъ своимъ образомъ дѣйствующими. Одинъ способенъ съ благоразумною дальновидностію совершать предпріятія, но отъ разсѣянности и высокоумія безпеченъ ; другой ревностенъ къ дѣламъ званія своего, но обладаемый корыстолюбіемъ, недугуетъ недовѣрчивостію къ равнымъ, не имѣетъ снисходительности къ инсшимъ; иной мягкосердеченъ, расположенъ къ благотворенію, но преданъ плотоугодію и побѣждается чувственными похотями. Такимъ образомъ каждый имѣетъ свою душепагубную страсть.

Посему въ воздѣлываніи правотою и непорочностію сердца нашего должны мы трудиться постоянно съ ранняго утра жизни до вечера, а если утреннее, лучшее для дѣланія время уже пропущено, начнемъ трудиться, хотя съ большею тяжестію, въ полдень; если и полдень прошелъ, станемъ трудиться и подъ закатъ жизни нашей. Для твердой рѣшимости непоздно и время позднее. Примѣчая, что съ продолженіемъ лѣтъ не уменьшаются въ насъ грѣховныя склонности, укрѣпимся рѣшимостію исторгать изъ сердца нашего самоугодіе и привязанность къ тлѣнію, нетерпѣливость и раздражительность, сластолюбіе и плотоугодіе; напротивъ возращать въ себѣ кротость и незлобіе, чистоту и свойства Христіанскаго самоотверженія. Со всѣмъ успѣхомъ исторгая укоренившіеся терны пороковъ будемъ орошать слезами безплодіе земли нашей, теплотою сокрушенія согрѣвать грѣховную хладность нашу; бодрственностію вниманія къ себѣ охранять посѣянное отъ хищныхъ птицъ, страстныхъ помысловъ терпѣніемъ возращать плоды благодѣланія и тщательно собирать во внутреннюю житницу зерна доб-

родителей. Такъ *да нестужаемъ си доброе творяще, дѣлаимъ благое, дондеже время имамы, во время свое пожнемъ, если неослабѣемъ* (Галат. 6, 9. 10.).

Міръ сей есть великое поле; мы, поочередно взводимые и смѣняемые всеобщимъ Домовладыкою, дѣлатели; различныя должности, званія и съ ними вмѣстѣ возлагаемые на насъ труды суть наше дѣланіе; согласныя или несогласныя съ волею Божіею дѣла—различный посѣвъ, вѣчность есть мѣсто собранія плодовъ, гдѣ сообразно сѣянію должны пожать вѣчную радость или мученіе, а смерть составляетъ предѣлъ, коимъ прекращается земное наше дѣланіе, и ночь, когда мы, засыпая навѣки для сего міра, пробуждаемся въ нескончаемой странѣ вѣчности. Не страшна сія ночь для истинныхъ во Христѣ трудолюбцевъ, а паче свѣтла и вожделѣнна. Души, трудившіяся о Господѣ, по расторженіи союза съ тлѣнными храминами тѣлъ своихъ, отрѣшаясь и отъ всего тлѣннаго, какъ въ сладкомъ снѣ переносятся въ области свѣтлыя, воспаряютъ горѣ также легко, какъ бываетъ въ сонномъ видѣніи, когда душа наша какъ бы

воспаряетъ въ область высшую, поставляется среди дивныхъ явленій, услаждается невиданнымъ зрѣлищемъ, забываетъ скорбную участь свою и чувствуетъ себя въ другомъ блаженнѣйшемъ состояніи. Мирно, безболѣзненно разлучаются отъ тѣлъ своихъ души, умершія для всего земнаго и предавшія себя Господу. Онѣ переходятъ отъ трудовъ въ вѣчное покоище, гдѣ начинается другой порядокъ вещей, другая совершеннѣйшая дѣятельность, гдѣ ожидаетъ насъ блаженное созерцаніе Бога, жизнь въ свѣтѣ лица Божія, преобразованіе отъ славы въ славу во свѣтѣ лица Божія. Не будемъ теперь безпечно спать и грѣховно покоиться, чтобы встрѣтить смерть, какъ сладкій сонъ и упокоеніе. Благословенные труды и подвиги дня готовятъ усладительный вечеръ и пріятный сонъ. А мирный вечеръ и сладкій сонъ готовятъ легкое, радостное пробужденіе.

Когда неослабно, до истощанія грѣховныхъ склонностей нашихъ будемъ подвизаться для Бога и вѣчности; тогда съ веселіемъ узримъ закатъ жизни нашей. И когда Ангелъ смерти возвѣститъ намъ окончаніе подвиговъ нашихъ

во времени: тогда безъ смущенія, положивъ на одръ смертный изнуренное спасительными трудами тѣло наше, умершее для всего чувственнаго, съ покойнымъ духомъ и яснымъ взоромъ при послѣднемъ дыханіи, принесемъ благодареніе Господу, что Онъ непопустилъ намъ вотще провести жизнь нашу, но даровалъ благодатію своею по возможности трудиться для славы Его, и изливши моленіе, что бы Господь благоволилъ милостиво пріять посильное наше дѣланіе въ сокровищницу Божественныя своея благости, подобно праведному Симеону, въ мирѣ предадимъ самихъ себя милосердію Божію. Съ такими чувствіями предаемся мы и обыкновенному сну, когда, по благости Божіей, проведемъ день въ душеполезныхъ занятіяхъ, и благоуспѣшно совершимъ преднамѣренное.

Будемъ молить Господа, чтобы даровалъ намъ благодать жить не для себя, а для славы Его, дѣлать благое, и богатѣя добрыми дѣлами собирать себѣ сокровище для будущаго, и такъ окончить теченіе жизни, чтобы умерши о Господѣ, возстать для блаженнаго безсмертія. Аминь.

СЛОВО 2.

въ день Св. Симеона Богопріимца.

Яко видѣста очи мои спасеніе твое (Лука. 2, 30.).

Блаженна кончина праведнаго Симеона. По особенному откровенію воспріявъ обѣщаніе отъ Бога, что не увидитъ смерти, доколѣ не увидитъ обѣщаннаго Спасителя, онъ въ продолженіи многихъ лѣтъ съ неослабнымъ терпѣніемъ ожидалъ исполненія Божественнаго обѣщанія. Ожидая Спасителя, онъ и жилъ только вѣрою, дышалъ любовію къ Спасителю, утѣшался чаемымъ отъ Него спасеніемъ. Въ продолжительномъ и вмѣстѣ пламенномъ, неослабномъ ожиданіи наконецъ онъ не только узрѣлъ своими очами, но и вос-

пріялъ на руки свои Спасителя, и вмѣстѣ съ Нимъ спасеніе, и отошелъ къ вѣчной жизни съ радостію.

Такъ, кто живетъ во Христѣ и для Христа, тотъ, умирая отходитъ ко Христу, дабы жить и блаженствовать со Христомъ. Посему для Христіанина смерть не страшна, но вожделѣнна, если только онъ тщится быть благоугоднымъ Господу въ жизни.

Дабы не быть намъ безпечными въ разсужденіи смерти, отъ которой зависитъ вѣчная участь наша, но и безъ страха, въ мирномъ расположеніи духа ожидать смерть, близко ли, далеко ли она отъ насъ, по волѣ Божіей: попечемся о томъ, какъ можемъ сдѣлать смерть для себя не страшною, но паче утѣшительною.

Первое средство не бояться смерти есть то, чтобы непрестанно размышлять о смерти. Все вообще въ жизни нашей необычайное, по дѣйствію на участь нашу важное, по рѣшительнымъ послѣдствіямъ добра или зла неизвѣстное, бываетъ для насъ страшно. Кто бы, оставшись одинъ въ глубокой темнотѣ ночи среди общирной, неизвѣстной пустыни,

кто бы и самый неустрашимый не пришелъ въ страхъ? Но нѣтъ для насъ ничего столь важнаго по своимъ слѣдствіямъ и вмѣстѣ непзвѣстнаго, какъ смерть. Хотя она обыкновенна вообще между людьми; но страшна для каждаго изъ насъ. Мы непрестанно видимъ вокругъ себя умирающихъ, однако не только не можемъ привыкнуть къ смерти, напротивъ ужасаемся собственной смерти, при одной мысли о приближеніи ея. Но, что во всѣхъ насъ достойно оплакиванія, не смотря на непреложность опредѣленія о нашей смерти: *лежитъ человѣкомъ единою умрети* (Евр. 9, 26.), — мы взираемъ на смерть непначе, какъ издалека, изрѣдка, не намѣренно, взираемъ, какъ на ужасное разрушеніе, низвергающее насъ въ бездну, видимъ отверстіе сей бездны, и то, какъ непрестанно низлагаются въ нее подобные намъ человѣки, а сами не смѣемъ и нехотимъ ближе подойти мыслію къ ней, опасаясь возмутить покой свой, и близко ли, далеко ли находимся отъ нашей смерти, идемъ къ ней, съ закрытыми глазами, какъ будто бы лучше намъ низвергнуться въ могильную глубину вдругъ. Такимъ образомъ

чѣмъ болѣе устраняемъ и отъ взора и отъ мыслей нашихъ смерть, тѣмъ она становится для насъ страшнѣе. Такое тщетное отдаленіе отъ себя мысли о смерти тѣмъ неразумнѣе въ насъ, чѣмъ смерть для насъ неизбѣжнѣе, тѣмъ пагубнѣе, чѣмъ случай смерти намъ неизвѣстнѣе. Чѣмъ неизвѣстнѣе для насъ смерть, тѣмъ болѣе мы должны сближаться съ нею размышленіемъ.

Что такое смерть? Смерть есть расторженіе естественнаго союза души съ тѣломъ. Расторгается союзъ сей по праведному суду Божію за наше преступленіе; душа оставляетъ тѣло, какъ свою храмину, и временное существованіе человѣка на земли прекращается, вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается и вся земная дѣятельность его; разторгаются самые крѣпкіе узы, самыя близкія отношенія: падаетъ все человѣческое могущество, оканчиваются дальновидные замыслы, погасаютъ заботливыя предпріятія, оставляются всѣ сокровища неимовѣрными трудами пріобрѣтенныя, разрушается крѣпость, увядаетъ красота,— и сіе тѣло, — предметъ безчисленныхъ нашихъ попеченій, съ толикою заботливостію нами охра-

няемое, питаемое, украшаемое, сіе тѣло превращается въ гнилость и снѣдь червямъ, дѣлается для насъ предметомъ отвращенія, и тотъ, кто недавно раздѣлялъ съ нами самыя пріятныя радости и удовольствія, кто былъ для насъ утѣшеніемъ, опорою, огражденіемъ, кто недавно былъ предметомъ удивленія, тотъ остается у насъ въ одномъ только печальномъ воспоминаніи. Такъ смерть разоряетъ земную храмину нашу!

Что за причина столь плачевнаго съ нами событія? Что значитъ это разоблаченіе духа нашего отъ тѣла? Не дано ли ему тѣлесное облаченіе только на время земной жизни, по совершеніи которой онъ совлекается его, какъ изветшавшей одежды, оставляетъ, какъ разрушившееся жилище? Не на время, навсегда, по намѣренію Божію, дано духу нашему тѣло, какъ естественное облаченіе его. Если бы грѣхопаденіемъ въ нашихъ прародителяхъ мы не разторгли блаженнаго союза съ Богомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не разтлили и естественнаго союза души съ тѣломъ, никогда бы естественный составъ нашъ не подвергся расторженію, но путемъ безболѣзненнаго измѣненія

переходили бы мы изъ сей юдоли въ горнюю область пріискренняго единенія съ Богомъ. А нынѣ въ наказаніе за произвольное отступленіе отъ Бога должны неминуемо подвергаться смерти, разрушительнымъ дѣйствіемъ коея тѣло наше возвращается въ персть, изъ коей взято (Еккл. 12, 7.), а душа, отторженная отъ тѣла, воззывается на судъ къ Богу, дабы отдать отчетъ въ томъ, что она содѣлала съ тѣломъ добра или зла (2 кор. 5, 10.).

Куда же воззывается и отходитъ душа наша по разрѣшеніи отъ тѣла? Въ область вѣчности, гдѣ должна рѣшиться участь наша. Въ сію то недовѣдомую область должны мы простираться размышленіемъ, и слѣдуя за смертію, представлять участь, ожидающую насъ по дѣламъ нашимъ. А какъ по смерти двоякая участь ожидаетъ насъ, или участь блаженства, уготованная праведнымъ, или участь осужденія, уготованная грѣшнымъ; то, сколь возможно, чаще переносясь за предѣлы времени мыслями, должны представлять себѣ страшный образъ будущей участи грѣшниковъ, и устремляя мысленный взоръ въ мрачную бездну ада, въ жилище вѣчныхъ ужасовъ,

разсматривать безчисленныя геенскія мученія, по свойству пороковъ, въ многоразличныхъ видахъ опредѣленныя грѣшникамъ. Пусть раздаются въ слухѣ нашемъ отчаянные вопли, изображаются во взорахъ страшные образы на вѣки отриновенныхъ отъ лица Божія. Самое лучшее средство сближаться съ смертію непрестанно размышлять о смерти; самое лучшее средство не бояться смерти обносить образъ смерти, самое лучшее средство истреблять въ себѣ причину смерти, грѣхи и беззаконія, представлять ужасы осужденія грѣшниковъ по смерти. *Помни послѣднія твоя и во вѣки не согрѣшиши.*

Но мы по видимому не забываемъ о смерти; часто судимъ о непзбѣжности, о различныхъ внезапныхъ случаяхъ и безчисленныхъ бѣдственныхъпослѣдствіяхъ смерти; при всемъ томъ боимся смерти. Отъ чего это? Отъ того, что хотя на словахъ памятуемъ о смерти, но въ самомъ дѣлѣ расположеніями нашими поставляя себя въ отдаленіи отъ смерти, нимало не готовимся къ смерти. По привязанности къ земной жизни, даже и тогда, когда свирѣпствуетъ вокругъ насъ смерть въ

необычайныхъ болѣзняхъ, обыкновенно обманываемъ себя такъ, что хотя удары смерти носятся вокругъ насъ, но минуютъ насъ. Такъ часто льститъ себя жизнію и пораженный смертельными болѣзнями, и согбенный дряхлою старостію; такъ и всѣ мы хотя не рѣдко встрѣчаемся съ мыслію о смерти, но не готовимся къ смерти, а потому и страшимся смерти. Почему, чтобы намъ небоязненно ожидать смерти надлежитъ непрестанно приготовляться къ смерти. И вотъ другое вѣрное средство не бояться смерти.

И къ чему для смертныхъ, можетъ быть столько побужденій, какъ не къ тому, что бы пріуготовляться къ смерти? Опыты вѣковъ прошедшихъ, опыты времени настоящаго, внутреннiе опыты бренности нашей природы, непзвѣстность будущаго,—вотъ сколько для насъ побужденій и внѣ насъ, и въ насъ самихъ и въ прошедшемъ и въ будущемъ непрестанно готовиться къ смерти! Что вѣщаютъ намъ опыты прошедшихъ вѣковъ? Милліоны умершихъ вѣщаютъ намъ изъ нѣдръ земныхъ: человѣки! и мы были нѣкогда, какъ вы, но мы прешли, и вы прейдете подобно намъ;

будьте готовы и вы въ путь всея земли. Что вѣщаютъ намъ опыты настоящаго? Непрестанно въ безчисленномъ множествѣ то тамъ, то нидѣ, то въ обыкновенномъ, необыкновенномъ порядкѣ умирающіе современники, содруги и знаемые наши, какъ ближайшіе соучастники нашей бренности, вѣщаютъ намъ: братія! мы были недавно, были вчера и третьяго дне, какъ вы, но теперь мертвы; смотрите на свѣжія могилы наши, памятуйте, что человѣкъ, яко трава, дніе его, яко сѣнь, преходятъ, памятуйте и будьте ежечасно готовы къ одинаковой съ нами участи. Что говоритъ каждому собственный опытъ? Говоритъ различное различнымъ; однимъ говоритъ объ утратѣ красоты и цвѣтѣ лѣтъ; другимъ объ утратѣ здоровья и крѣпости силъ; тѣмъ о потерѣ счастія и мирныхъ лѣтъ, а инымъ о совершенномъ разстройствѣ и тѣлеснаго и душевнаго состоянія; всѣмъ же и каждому въ различныхъ превратностяхъ жизни, въ непрерывномъ измѣненіи временъ года, непрестанно твердитъ одно: смотрите, вотъ вы — еще сдѣлались дряхлѣе, еще ближе подвинулись къ смерти. Что еще говоритъ намъ о пріуготовленіи къ

смерти будущее? Оно всего разительнѣе говоритъ намъ о необходимости непрестанно себя пріуготовлять къ смерти, говоритъ своею неизвѣстностію каждому изъ насъ: какъ ты можешь усвоять себѣ будущія времена и лѣта, когда ты не знаешь, что породитъ и настоящій день? Ты поставленъ на стражѣ дѣланія и служенія Господу, тебѣ опредѣленно сказано бдѣть, но не сказано, въ утро ли или въ полдень или въ вечеръ твоей жизни придетъ Дому владыка и воззоветъ тебя къ отчету. Будь же готовъ, дабы пришедши внезапно, онъ не нашелъ тебя спящимъ (Мар. 13. 35, 36.). Послѣ сего надобно дивиться, какъ мы, будучи отвсюду окружены тлѣніемъ, всюду и въ себѣ и внѣ себя усматривая знаменія нашей бренности, всюду слыша ясную проповѣдь о своей кратковременности, не научимся быть истинными странниками и пришельцами на землѣ, дабы жить во времени не для времени, но для вѣчности.

Будемъ ожидать смерти, какъ вѣстника вѣчныхъ благъ, какъ проводника въ горнее отечество, въ обители Отца небеснаго, въ вышній Іерусалимъ, коего слава и красота не-

описанны. Дорожа здѣшнею жизнію до того, что страшимся и подумать о разлукѣ съ нею, мы подобны несчастнымъ узникамъ. Привыкнувъ къ уничиженному состоянію, мы не хотимъ чрезъ смерть, какъ чрезъ спасительную дверь, перейти въ благоспѣшное состояніе небесной свободы отъ земныхъ бѣдствій и сѣтей грѣха; не хотимъ переселиться въ премирное общеніе Ангѣловъ и святыхъ Божіихъ, въ блаженное наслѣдіе богатства нетлѣннаго, славы божественной, неисповѣдимыхъ наслажденій.

Христіане! будемъ чаще воображать въ мысляхъ нашихъ ужасы смерти, особенно въ мрачныя минуты нападенія искушеній на душу нашу, дабы страхомъ суда и геенны обуздывать грѣхолюбивыя стремленія страстей нашихъ. Но еще чаще будемъ восторгать духъ нашъ неописанными радостями блаженства небеснаго, дабы отторгать себя отъ суетной привязанности къ сей юдоли тлѣнія. Будемъ стараться каждый часъ умирать для міра и плоти, жить паче всего для Христа, и всѣми возможными средствами достойно

пріуготовлять себя къ небесному жительству; *да аще живемъ, Господеви живемъ: аще же умираемъ, Господеви умираемъ*; да тако *аще живемъ, аще умираемъ*, всегда будемъ Господни (Рим. 14, 8.). Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ НЕДѢЛЮ БЛУДНАГО СЫНА.

И собравъ все мнїй сынъ, отыде на страну далече, и ту расточи имѣніе свое, живый блудно. (Лук. 15, 13.)

Прптча о блудномъ сынѣ представляетъ намъ самый поучительный предметъ и духовной скорби, и духовнаго утѣшенія: предметъ духовной скорби представляетъ въ легкомысленномъ удаленіи юноши изъ дому отеческаго; предметъ духовнаго утѣшенія представляетъ въ радостномъ возвращеніи погибавшаго сына къ отцу своему.

Какъ мы, раболѣпствуя преобладающимъ нами страстямъ, всего чаще удаляемся отъ небеснаго Отца, нежели пребываемъ въ дому Его; чаще падаемъ, нежели стоимъ въ добрѣ,

или востаемъ отъ паденія; болѣе расточаемъ, нежели собираемъ или сохраняемъ намъ данное: то для обузданія собственныхъ страстей покажемъ въ примѣрѣ юноши гибельное дѣйствіе пылкихъ страстей не только легкомысленной юности, но и обладаемой похотями старости.

Часть 1-я изъяснительная.

Человѣкъ нѣкій имѣ̀ два сына. Въ притчѣ о блудномъ сынѣ Спаситель представляетъ намъ домовитаго отца, котораго великій домъ былъ жилищемъ всякаго благоприобрѣтенія и вмѣстѣ съ тѣмъ благочинія и благочестія. Этотъ отецъ, — примѣръ отеческихъ добродѣтелей и родительской любви къ дѣтямъ, имѣлъ двухъ сыновъ. Безъ сомнѣнія, у добраго отца дѣти долженствовала быть и воспитаны въ духѣ отеческой — домостроительной мудрости и благочестія. Но къ прискорбію, дѣти и мудрыхъ родителей, даже получившіе воспитаніе, не всегда бываютъ подражателями родительскихъ добродѣтелей. Подобное было и съ онымъ домостроитель-

нымъ отцемъ двухъ сыновъ, изъ коихъ старшій былъ права степеннаго, домовитъ, а младшій свойства пылкаго, предпріимчивъ до самонадѣянности.

И рече юнѣйшій отъ нихъ отцу: отче, даждь ми достойную часть имѣнія. Вотъ младшій сынъ достигнувъ полнаго возраста, тотчасъ обнаруживаетъ свойство свое. Онъ проситъ у отца слѣдующую ему часть имѣнія. Не безъ благовидной, конечно, причины просилъ сынъ у отца принадлежащей ему части. Онъ просилъ своей части у отца съ соблюденіемъ должнаго почтенія, представляя, что онъ, получивъ въ родительскомъ домѣ приличное состоянію своему образованіе и принявъ въ свое распоряженіе слѣдующую ему часть отеческаго достоянія, постарается оное не уменьшить, но добрымъ употребленіемъ усугубить, постарается собственныя свои способности, посредствомъ благоразумныхъ оборотовъ купли и продажи, привести въ дѣйствіе, чрезъ то и себя сдѣлать достойнымъ сыномъ домовитаго отца, и отцу доставить утѣшеніе видѣть въ немъ благоразумнаго сына. Такъ въ лучшія минуты по обольщенію могъ ду-

мать юноша, что онъ, руководствуясь опытами домостроительности отца, и при довольномъ развитіи собственнаго ума, можетъ не только сберечь, но и усугубить полученное имъ имѣніе отъ отца. А въ самомъ дѣлѣ по легкомыслію думалъ о томъ, что, получивъ въ собственное употребленіе не малую часть богатства, и будучи свободенъ отъ всякой зависимости, будетъ жить по своей волѣ, будетъ во всемъ самъ собою распоряжаться. Такъ юноша увлекался мечтательными видами свободы и самоуправленія. Такъ въ человѣкѣ, особенно въ лѣтахъ юности, при развитіи чувственныхъ склонностей, обыкновенно дѣйствуетъ легкомысліе. Юность, водясь ложнымъ чувствомъ, всего болѣе ищетъ своей воли и самоуправленія; подъ видомъ свободнаго употребленія силъ и пріобрѣтенія опытности ищетъ вольности и удовлетворенія своихъ склонностей. *Отче, даждь ми достойную часть имѣнія.*

И раздѣли имъ имѣніе. Думаемъ ли, что отецъ тотчасъ удовлетворилъ требованію сына? Невозможно, чтобы мудрый, сердобольный отецъ тотчасъ удовлетворилъ легкомысленному желанію сына. Безъ сомнѣнія много

было употреблено дѣйствительныхъ мѣръ къ отклоненію сына отъ необдуманнаго намѣренія. Сначала спокойно были выслушиваемы предложенія сына; докучливыя настоянія неоднократно встрѣчали молчаливые или перѣшительные отвѣты; за тѣмъ слѣдовали кроткія отклоненія, исполненныя убѣжденій, внушеній, предостереженій: сынъ мой, я не охуждаю твоего желанія, скажу только: не оставляй отца и дома отеческаго; живи, какъ доселѣ жилъ, подъ кровомъ отеческаго попеченія. И живя съ отцемъ, ты можешь быть спокоенъ и счастливъ, можешь полезными трудами пріумножить часть твою, хотя бы это и непримѣтно было въ совокупномъ обращеніи отеческаго достоянія; можешь, какъ угодно употреблять и свои дарованія на добро себѣ, на пользу ближнимъ, на возвышеніе чести дома отеческаго, на утѣшеніе отцу. То одно, что ты будешь жить въ домѣ отца, исполнять волю отца, творить угодное отцу, какое будетъ составлять для тебя мирное наслажденіе! А между тѣмъ не забудь и того, что сыновній долгъ требуетъ отъ тебя показать отцу опыты сыновняго послушанія;

это мое утѣшеніе, а твоя существенная польза; и живя въ дому отца, ты найдешь много занятій, много способовъ для пріобрѣтенія добрыхъ качествъ, для совершенствованія ума благоразумiемъ, сердца любовію къ добру, воли выполненіемъ благихъ намѣреній внѣ всякаго препятствія и опасностей.

Но у сына всегда одинъ былъ отвѣтъ: *отче, даждь ми достойную часть имѣнія:* Умоляю тебя, родитель мой, твердилъ онъ, я положилъ, обдумалъ, рѣшился, не могу измѣнить своей рѣшимости; умоляю тебя: предоставь мнѣ слѣдующую часть имѣнія и не опасайся; имѣніе не пропадетъ, сынъ твой себя не уронитъ; я постараюсь и себя поддержать и данную мнѣ часть имѣнія пріумножить. *Отче! даждь ми достойную часть имѣнія.*

Когда никакія отеческія внушенія не могли удержать пылкаго юношу отъ легкомыслія: тогда отецъ отдѣлилъ младшему сыну слѣдующую часть имѣнія. *И раздѣли имъ имѣніе.*

Почему же попечительный отецъ не остановилъ, не удержалъ, не ограничилъ легкомыслія сына? Конечно, отецъ могъ бы удер-

жать сына отъ легкомысленнаго предпріятія. Но своеволіе, корень всякаго зла, причина всѣхъ нашихъ паденій, своеволіе удобно ограничиваемое и требующее необходимаго ограниченія въ юномъ, несовершенномъ возрастѣ, въ возрастѣ зрѣломъ, возмужаломъ часто есть зло неудержимое. Когда оно и при заботливомъ попеченіи о насъ, и при мудрыхъ мѣрахъ не бываетъ нами удерживаемо въ порядкѣ повиновенія: тогда мы и отъ благопопечительности Отца небеснаго бываемъ оставляемы въ руки произволенія нашего, дабы, послѣдуя злой волѣ своей, самымъ опытомъ извѣдали зло, къ которому, не внимая никакимъ спасительнымъ внушеніямъ, неудержимо стремимся. Потому и отецъ, столько же попечительный, сколько и мудрый, послѣ всѣхъ убѣжденій, не удерживалъ насильно сына, и удерживать было безполезно. Рѣшительное намѣреніе къ своевольному раздѣленію положено было въ сердцѣ у сына. Уже въ умѣ его были начертаны мечтательные планы, онъ горѣлъ желаніемъ и думалъ только о томъ, какъ осуществить ихъ въ стремленіи разгоряченной мечты.

Надлежало дать волю легкомысленному исполнить свое желаніе, дабы онъ опытомъ извѣдалъ, что, только восхищавшая его въ началѣ независимость была не что иное, какъ обольстительная мечта, послѣднее которой привело его на дно адово.

И раздѣли имъ имѣніе. Уступая неудержимому своеволію сына, отецъ раздѣлилъ имѣніе, но не отдѣлилъ, тѣмъ менѣе не удалилъ отъ себя сына. И сынъ, взявъ принадлежащую ему часть имѣнія, могъ отдѣлиться, но могъ не удаляться отъ отца, могъ жить при отцѣ, вблизи отца, не устраняя себя отъ вліянія отца. Въ такомъ случаѣ онъ не былъ бы лишенъ благодѣтельнаго поддержанія отъ отца, не дошелъ бы до плачевнаго состоянія совершеннаго разстройства и обнищанія. Только бы сталъ колебаться и ослабѣвать,—отеческая попечительность была бы готова къ подкрѣпленію его; только бы сталъ претыкаться и падать,—отеческая нѣжность подоспѣла бы и для поддержанія и для подъятія его. Но своевольный сынъ отъемлетъ всѣ мѣры у попечительности родительской о немъ.

И не по многихъ днехъ, собравъ все имій сынъ, отыде на страну далече. Раздѣлившись съ отцемъ въ имѣніи, своевольный сынъ наконецъ вовсе удаляетъ себя не только отъ взоровъ, но и отъ всякаго дѣйствія попечительности родительской: *собравъ все, отыде на страну далече.* Собралъ *все свое для себя*, чтобы употребить въ угожденіе своихъ страстей. Вотъ истинное состояніе грѣшника, удаляющагося отъ Бога. Когда человѣкъ, оставивъ Бога, устремляется къ своимъ замысламъ, предается удовлетворенію своихъ страстей: тогда онъ собираетъ свое и удаляется отъ Подателя благъ; удаляется не мѣстомъ, которымъ отъ Источника всѣхъ благъ, окружающихъ насъ отвсюду и всегда, удалиться нельзя: но удаляется отъ Него помышленіями ума, стремленіями сердца, влеченіями воли своей. И что же слѣдуетъ за удаленіемъ человѣка отъ Бога? Слѣдуетъ то состояніе, въ которомъ человѣкъ является тѣмъ, что онъ есть: *собравъ все свое.* Что же у человѣка безъ благодати, оставленнаго самому себѣ, собственное свое? Свое обственное есть естественное и пріобрѣтенное разтлѣ-

ніе суета омраченнаго самолюбіемъ ума, нечистота исполненнаго безчисленными страстями сердца, стремленіе къ совершенію всякаго беззаконія въ волѣ. Вотъ что у человѣка, оставленнаго самому себѣ есть собственное свое!

Собравъ все свое. Когда мы живемъ въ Богѣ, тогда въ собственномъ смыслѣ бываемъ собраны въ себѣ; но мысли наши, расположенія, чувствованія такъ бываютъ разширены по всему творенію Божію, такъ одушевлены всѣми дѣлами Божіими, что мы, живя въ Богѣ, живемъ любовію къ ближнимъ, радостно взираемъ на всѣ творенія Божіи, веселимся о одушевленныхъ и неодушевленныхъ тваряхъ. Но когда живемъ для себя и для угожденія своихъ страстей: тогда собираемъ все свое около себя, живемъ жизнію ограниченною, одностороннею, тѣсною. И какъ въ это время, стараясь жить для себя, мы не живемъ для Бога, для ближнихъ, не живемъ для истины, для добра, для благоустройства и порядка: то и ищемъ жить внѣ Бога, въ устраненіи отъ церкви, — наставницы истины и добра, въ удаленіи отъ сообщенія съ людь-

ми благочестивыми, заботящимися о благоустроеніи и себя и другихъ для Бога; но удаляемся на страну далеку,

Отыде на страну далече. Страна дальняя, въ которую отшелъ блудный сынъ, есть страна своеволія, страстей, страна, удаленная отъ свѣта истины и лишенная благодатнаго произращенія добрыхъ дѣлъ. Чѣмъ дальше отъ свѣта, тѣмъ темнѣе; чѣмъ удаленнѣе отъ теплоты солнца, тѣмъ слабѣе производительная сила жизни, тѣмъ сильнѣе холодъ. Чѣмъ больше человѣкъ удаляется отъ Бога, отъ церкви Божіей, отъ общаго, праваго пути вѣры и благочестія, тѣмъ глубже низвергается во тьму заблужденія, тѣмъ въ большее впадаетъ нестроеніе, тѣмъ очевиднѣе приближается къ духовной погибели.

Отыде на страну далече. И ту расточи имѣніе свое живый блудно. Какое же послѣдствіе удаленія отъ отца на страну далекую? Какое послѣдствіе удаленія отъ Бога, удаленія умомъ отъ помышленія о вездѣприсутствіи Божіемъ, сердцемъ отъ ощущенія благости Его, волею отъ исполненія св. воли

Его? Какое послѣдствіе удаленія отъ дома отеческаго, отъ церкви Божіей, отъ исполненія обязанностей, возлагаемыхъ на насъ церковію, какъ на чадъ своихъ, и исполненіемъ сихъ обязанностей, связующей насъ священнымъ союзомъ съ Богомъ и другъ съ другомъ? Какое послѣдствіе? Самое плачевное.

И ту расточи имѣніе свое живый блудно. Какое другое и можетъ быть послѣдствіе удаленія отъ попечительнаго напутанія святой церкви для предавшихся господствующимъ въ мірѣ страстямъ, похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской? Не другое послѣдствіе, какъ разсѣянность, вольномысліе, жизнь безъ порядка, безъ правилъ, словомъ: жизнь блудная, заблуждающая, которая неминуемо влечетъ за собою плачевное разсточеніе всего богодарованнаго имѣнія, расточеніе силъ тѣлесныхъ и душевныхъ, даровъ естественныхъ и благодатныхъ, благъ вещественныхъ и духовныхъ, влечетъ растройство духовныхъ силъ, – помраченіе ума, разтлѣніе сердца, развращеніе нравовъ, потерю свободнаго

произволенія, отъ чего человѣкъ, дѣлаясь совершенно рабомъ своихъ страстей, теряетъ чувство вѣры и благочестія. *И ту расточи имѣніе свое живый блудно.*

Изжившу же ему все, бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той, и той начатъ лишатися. За оскудѣніемъ духовнаго свѣта въ умѣ, теплоты добра въ сердцѣ слѣдуетъ оскудѣніе силъ жизни, духовный гладъ, лишеніе. Дошедши до упоенія, грѣшникъ начинаетъ терпѣть тягость, скуку, томленіе духа, уныніе, печаль. Это для однихъ, по дѣйствію благодати, служитъ спасительнымъ путемъ, съ котораго они скорбію обращаются къ покаянію; для другихъ, по омраченію отъ духа тьмы, стремительною во дно адово, для иныхъ, по злому изволенію ихъ сердца, новымъ распутіемъ къ усугубленію зла. Часто, начинающіе чувствовать внутренно скорбь, отъ упадка духа, стараются разсѣять оную въ шумныхъ сонмищахъ людей погибельныхъ, и такимъ образомъ ниспадаютъ въ темную область вольномыслія.

И шедъ прилѣпися единому отъ жителъ тоя страны: и посла его на села своя пасти свиніи. За взысканіемъ зловредной пищи воль-

помыслія, безнравственности слѣдуетъ ниспаденіе въ жизнь грубую, безсловесную, скотоподобную, слѣдуетъ состояніе лишенія, состояніе уничеженное, которое, низлагая человѣка со степени его достоинства, уподобляетъ нечистымъ животнымъ.

И желаше насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядяху свинія: и никто же даяше ему. Вотъ обыкновенная участь пресыщенія мірскими удовольствіями! Вотъ пагубныя слѣдствія преобладанія не обузданныхъ страстей, нетолько пылкой, легкомысленной молодости, но и преклонныхъ лѣтъ, когда онѣ обуреваются сильными, господствующими въ мірѣ страстями, — честолюбіемъ, сладострастіемъ, корыстолюбіемъ. Чѣмъ больше пресыщается человѣкъ грѣховными удовольствіями, тѣмъ больше алчетъ, тѣмъ ненасытимѣе жаждетъ нечистыхъ наслажденій. *И желаше насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядяху свинія: и ни ктоже даяше ему.*

Какое печальное, горестное зрѣлище! Вотъ, сынъ знаменитаго отца, получившій лучшее воспитаніе, юноша украшенный и внѣшними и внутренними качествами ума и сердца,

сынъ—сладкое чаяніе отца, утѣшеніе домашнихъ, предметъ похвалы и одобренія знаемыхъ ближнихъ, по своимъ талантамъ способный носить почетное званіе, занимать знатное въ обществѣ мѣсто, проходить важную по своему значенію должность, этотъ юноша, предавшись стремленію своихъ страстей до какого дошелъ состоянія! Отличные таланты ума и сердца употребилъ во зло себѣ и другимъ, полученное отъ отца великое имѣніе расточилъ, тѣлесныя и душевныя качества погубилъ, наконецъ привелъ себя въ такое жалкое состояніе нищеты и уничиженія, что сдѣлался постухомъ свиней, и въ этомъ презрѣнномъ положеніи поддерживаетъ бытіе свое грубою пищею низкихъ животныхъ, и то скудно, и то недостаточно, и то не насыщая снѣдающаго его глада. *И желаше насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядяху свинія: и никтоже даяше ему.*

Вонмите сему достоплачевному примѣру всѣ вы, увлекающіеся своеволіемъ, страстями, предразсудками; вонмите умомъ и сердцемъ вы ищущіе своей волп въ состояніи домашнемъ, гражданскомъ, церковномъ: вотъ ваша участь

болѣе или менѣе преднаписана въ участи блуднаго сына. Одинаковъ путь, одинаковы и дѣйствія; одинаковы дѣйствія, — одинаковы и послѣдствія. *Отыде на страну далече, и ту расточи имѣніе свое живый блудно.*

Часть 2-я примѣнительная.

Отыде на страну далече, и ту расточи имѣніе свое живый блудно. Остановимся на крайней степени грѣховнаго уничиженія. Ставъ мысленно при пути, на которомъ претыкался, падалъ, наконецъ низвергся до состоянія безсловесныхъ блудный сынъ, посмотримъ пристальнѣе на собственную жизнь, не шли ли и мы подобнымъ путемъ? По благодати Господа Іисуса, всѣ мы, христіане, сыны и дщери небеснаго Отца. Но всѣ ли не отлучно пребываемъ, всѣ ли усердно служимъ, не ослабно работаемъ въ благодатномъ дому Отца нашего, въ святой церкви Его? Всѣ ли усердно служимъ вѣрнымъ исполніемъ обязанностей по нашему состоянію, и званію, обязанностей родителей—благочестивымъ воспитаніемъ дѣтей, обязанностей супруговъ—непо-

рочнымъ соблюденіемъ вѣрности супружеской, обязанностей начальствующихъ истиннымъ попеченіемъ о благѣ ввѣренныхъ попеченію нашему, обязанностей подчиненныхъ безпрекословнымъ выполненіемъ всѣхъ повелѣній поставленныхъ надъ нами властей? Служимъ ли въ исполненіи возложенныхъ на насъ дѣлъ отъ Отца небеснаго, какъ служилъ и работалъ представляемый въ притчѣ старшій сынъ, который самъ о себѣ говоритъ отцу, что *я столько лѣтъ работаю тебѣ николи же заповѣди твоя преступихъ?* (Лук. 15, 29.) Справедливѣе сказать, много ли изъ насъ найдется такихъ благопослушныхъ сыновъ, такихъ благонравныхъ дщерей, которыя не только въ исполненіи внѣшнихъ обязанностей, но и въ соблюденіи внутренней чистоты, служатъ не предъ очами только человѣческими, но предъ очима Отца небеснаго? Вспомнимъ: пребыли ль мы въ дому Отца небеснаго въ состояніи первоначальной невинности? Сохранили ли благодатную чистоту и непорочность, полученныя нами въ купели св. Крещенія? Неутратили ли паче это отеческое достояніе, эту небесную драгоцѣнность еще

въ самыхъ юныхъ лѣтахъ или отъ несчастнаго вліянія сверстничества, или отъ собственнаго зловреднаго стремленія къ злу? Часто еще въ младости теряя невинность нравовъ, съ тѣмъ вмѣстѣ ослабляя внутреннюю привязанность къ благоговѣйному жительству въ благодатномъ дому отеческомъ, въ церкви Божіей, и съ преспѣяніемъ возраста, постепенно предаваясь стремленію разтлѣнныхъ склонностей, не оставляли ли дома отеческаго своевольнымъ исхожденіемъ на распутія суетности, разсѣянности, юныхъ похотей? Неоставляли ли удаленіемъ на страну далеку самозабвенія, и здѣсь отринувъ страхъ Божій, чувство истинной чести, каждый своимъ образомъ нерасточали ли нещадно полученное нами отъ Отца небеснаго имѣніе, дары естественные и благодатные, силы тѣлесныя и душевныя, таланты ума и сердца? Не приводили ли во внѣшнее и внутреннее разстройство и всю волю, всѣ желанія наши, чрезъ добровольное разженіе похотей, хотя въ тоже время грозно встрѣчали и обличеніе совѣсти, и чувство страха Божія и боязнь поношенія человѣческаго, встрѣчали даже внѣшнія препятс-

вія, какія благопромыслительный перстъ Божій полагалъ намъ, дабы удержать нечистые порывы наши? Такъ, вспомнимъ: колпкократно на пути стремленія порочныхъ склонностей мы намѣренно помрачали свѣтильникъ ума нашего, дабы не видѣть свѣта правды Божіей? Колпкратно закрывали сердце наше, дабы неощущать прикасающейся для воспященія насъ отъ зларукп Божіей? Колпкократно подавляли въ себѣ чувство естественной и благодатной правоты, еще въ первыя лѣта невинности, впечатлѣнныхъ въ насъ благопопечительнымъ внушеніемъ родителей и наставниковъ нашихъ, и сколько разъ чувствовали нетолько тяжкое безпокойство сердца, болѣзненное крушеніе духа, но и внѣшнее уничиженіе своего состоянія? А это что, какъ не расточеніе благодатнаго имѣнія Отца небеснаго на странѣ далекой? Что, какъ неприведеніе себя въ состояніе духовнаго глада? Что, какъ не насыщеніе себя грубою пищею безсловесныхъ? Измѣряя разумнымъ чувствомъ наши естественныя и благодатныя силы и свойства, таковы ли мы были бы, если бы въ тишинѣ духа, въ постоянствѣ сердца, въ воз-

держаніи чувствъ, въ покореніи воли нашей волѣ Божіей, пребывали въ близости къ Богу, въ пріискреннемъ общеніи святыя церкви, въ неослабномъ исполненіи дѣлъ званія нашего? Тогда истинно мы были бы по силамъ нашимъ крѣпче, по сердцу чище, по чувствованіямъ ко всему доброму и совершенному расположеннѣе, въ уклоненіи отъ зла рѣшительнѣе.

Но! если бы на пути безчисленныхъ преткновеній и паденій, благодатный свѣтъ Христовъ не разгонялъ грѣховную тьму нашу, благодать Божія не согрѣвала хладное сердце наше, сила Духа Святаго не оживотворяла немощи нашей, тогда въ персть смерти вселилась бы душа наша. Милуемые благостію Божіею и теперь живемъ большею частію въ здравіи и благоденствіи. Но Господь покрываетъ множество грѣховъ нашихъ въ ожиданіи нашего исправленія. А мы сами по себѣ за нашу невѣрность предъ Богомъ и своею совѣстію, давно уже заслуживали наказаніе отъ правосудія Божія.

Итакъ, уподобляясь блудному сыну въ безразсудномъ разточеніи благодатнаго имѣнія—правоты и непорочности, и въ своеволь

номъ удаленіи на страну беззаконія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и духовнаго лишенія,—поревнуемъ блудному сыну и въ обращеніи въ нѣдра милосердія Отца небеснаго. Войдемъ въ себя, сознаемъ во всей живости грѣхи наши, возчувствуемъ всю гибель грѣховной жизни, и съ искреннимъ раскаяніемъ притечемъ къ милосердію Отца небеснаго, съ умиленіемъ откроемъ предъ свидѣтелемъ нашего исповѣданія– служителемъ Его грѣхи злаго произволенія нашего, и въ сердечномъ раскаяніи речемъ, или паче непрестанно всею крѣпостію сокрушенія будемъ взывать: Отче небесный, остави намъ прегрѣшенія наши; мы недостойны называться Твоими сынами и дщерями. Коликократно обѣщали мы быть вѣрными Тебѣ, неоставлять благодатнаго общенія съ Тобою, жить въ послушаніи святой волѣ Твоей! Теперь, чувствуя что будучи недостойны нарещися сынами Твоими, невѣримъ и своимъ намѣреніямъ, что впредь будемъ таковыми. Нѣтъ! мы перемѣнчивы, лживы, не успѣемъ положить намѣреніе, какъ уже измѣняемъ оному. Сотвори насъ, Отче, уже не какъ сыновъ, но какъ рабовъ, какъ

наемниковъ въ дому Твоемъ. Поступай съ нами и по Твоей отеческой благости, и по мѣрамъ господоначальной власти велѣнія Твоего. Не попускай намъ исполнять свои нечистыя хотѣнія въ преступныхъ стремленіяхъ, останови насъ внутреннимъ обличеніемъ совѣсти, удержи внѣшнею преградою препятствій, воспяти невидимымъ дѣйствіемъ святыхъ Ангеловъ, чтобы они отдалили насъ отъ лукаваго умышленія, устранили отъ злаго начинанія. Пусть мы будемъ, какъ скудель въ рукахъ скудельника, въ десницѣ святой воли Твоей, только бы не быть намъ игралищемъ страстей, злорадным позорищемъ для ада, добычею всегубителя, и, ими же вѣси судьбами, волею и неволею, не праведниковъ, а грѣшниковъ, не какъ сыновъ, а какъ наемниковъ спаси насъ, Благій, Твоею благодатію и введи въ небесное царствіе Твое. Аминь.

СЛОВО 1.

ВЪ НЕДѢЛЮ МЯСОПУСТНУЮ.

Сядетъ (Сынъ человѣческій) на престолѣ славы Своея. Исоберутся предъ Нимъ вси языцы. И поставитъ овцы одесную себе, а козлища ошуюю. (Мат. 25, 31—33.)

Преславное и вмѣстѣ ужасное зрѣлище представляетъ намъ нынѣ чтенное Евангеліе. Преславное представляетъ зрѣлище, когда Сынъ человѣческій и вкупѣ Сынъ Божій пріидетъ во славѣ своей поставить на судъ все твореніе; когда, съ Творцемъ вселенныя, въ дольнемъ мірѣ явится и возблистаетъ и невидимый горній міръ Ангеловъ. Но представляетъ и ужасное зрѣлище, когда отъ грядущаго со славою и сплою многою небо измѣнится, стихіи побѣгнутъ земля потрясется

и изведетъ изъ себя тьмочисленные сонмы умершихъ отъ вѣка, и явится посредѣ міра собраніе людей всесвѣтное, безпримѣрное, откроется всемірный судъ.

Ужасно было зрѣлище, когда первый допотопный міръ людей, погрязшихъ въ беззаконіяхъ, былъ потребляемъ потопными водами. Тогда яростнымъ стремленіемъ водъ все живущее невозвратно было поглощаемо и погибало; всѣ стихіи были разстлѣваемы опустошительнымъ дождевымъ ліяніемъ и губительною мокротою. Но несравненно ужаснѣе откроется зрѣлище въ день Господень, въ день великій и просвѣщенный, когда *небеса съ шумомъ мимоидутъ, стихіи сжигаемы разорятся, земля, и яже на ней дѣла сгорятъ* (2 Пет. 3. 10.); когда огненная рѣка потечетъ предъ престоломъ гнѣвнаго Судіи и повлечетъ осужденныхъ въ бездну адскую, въ озеро огненное, и дѣже *червь ихъ не скончевается и огнь неугасаетъ, и дѣже вѣчный плачь и скрежетъ зубовъ* (Исаі. 65, 24.).

Христіане! Вторымъ – страшнымъ пришествіемъ должна рѣшиться навсегда участь наша! Ужасно быть въ числѣ осужденныхъ;

вожделѣнно обрѣстися на странѣ благословенныхъ, которыхъ будетъ благословлять небеснымъ благословеніемъ Благословенный въ вѣки Сынъ именемъ Своего благословеннаго Отца. Стоитъ всего нашего вниманія, чтобы мыслями нашими чаше обращаться къ послѣднему суду и располагать себя, сколько возможно, готовѣе предстать на оный. Приникнемъ хотя слабымъ взоромъ, колико страшенъ и ужасенъ для грѣшниковъ будущій, послѣдній судъ!

Для сего разсмотримъ:

1, Кто судія, который будетъ судить;

2. Кто тѣ, которыхъ будетъ судить;

3, Какъ будетъ судить?

1. Кто судія, который будетъ судить?

Кто судія, который будетъ судить? Извѣстно, кто будетъ судить насъ на послѣднемъ судѣ,—будетъ судить насъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель и Искупитель міра. *Отецъ несудитъ никомуже*, говоритъ Онъ Самъ, *но весь судъ даде Сыновi. И область даде Ему и судъ творити, яко Сынъ человѣчь*

есть (Іоан. 5, 22. 23.). Что же? Когда будетъ судить Іисусъ Христосъ, Спаситель и Искупитель нашъ: то нельзя ли будетъ слабымъ Христіанамъ ожидать себѣ пощады и помилованія? Нѣтъ, да нельстятъ себя тщетными надеждами, да нельстятъ себя незаслуженнымъ милосердіемъ ложные Христіане. *Богъ поругаемъ небываетъ.* Всему время. Нынѣ подлинно Іисусъ есть Спаситель грѣшниковъ, Который, подобно заботливому пастырю, обходитъ Своею благодатію по горамъ и дебрямъ, дабы обрѣсти и единаго заблудшаго грѣшника; и егда обрѣтетъ, возложивъ на рамена безконечныхъ заслугъ своихъ, приводитъ его покаяніемъ къ милосердію Отца Своего во дворъ овчій, въ Церковь свою, и тамъ пасетъ его всѣми мѣрами благости на пажитяхъ водительства ко спасенію. Нынѣ Онъ и злонамѣренное заблужденіе, и упорное противленіе истинѣ Его милосердо терпитъ, *ожидая обращенія грѣшника, нехотя, до кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе пріидутъ.* Но когда Онъ пріидетъ *прославитися во святыхъ Своихъ, и дивенъ быти во всѣхъ увѣровавшихъ* (2 Сол. 1, 10.), тогда испол-

нится мѣра долготерпѣнія Его, тогда пріидетъ Іисусъ, яко Судія живыхъ и мертвыхъ, воздати комуждо по дѣломъ его. Тогда пріидетъ Іисусъ толико славенъ и страшенъ, колико нынѣ благъ и кротокъ. *Онъ пріидетъ во тмахъ св. Ангелъ Своихъ, сотворити судъ о всѣхъ и изобличити всѣхъ нечестивыхъ о всѣхъ дѣлѣхъ нечестія ихъ, имиже нечествоваша, и о всѣхъ, жестокихъ словесѣхъ ихъ, яже глаголаша нань грѣшницы нечестивіи* (Іуд. 13, 15.). Тогда Онъ изыдетъ на окончательную брань со врагами своими, дабы поразить ихъ духомъ устъ Своихъ. Потому—то въ откровеніи Іоанновомъ, при исхожденіи на сію велікую брань, когда во всемъ свѣтѣ откроются правда и судьбы закона Божія и явится вся не правда человѣческая; когда падетъ вся высота человѣча и вознесется Господь единъ (Иса. 2, 17.), Сынъ Божій представляется въ особенности *вѣренъ и истиненъ, правосуденъ и воинствующій; очи Ему, яко пламень огненъ; облеченъ въ ризу червлену кровію; изъ устъ Его исходитъ оружіе остро, да тѣмъ избіетъ языки* (Апок. 19, 11—15.), Когда Онъ возсядетъ на всевластномъ пре-

столѣ славы Своея: то *отъ лица Его побѣгнетъ небо и земля, разгнутся книги, и отверзется книга животная, мертвецы пріимутъ судъ отъ написанныхъ въ книгахъ по дѣломъ ихъ. И иже необрѣтется въ книзѣ животный написанъ, ввержетъ будетъ въ езеро огненное* (20, 11. 12. 15). Страшно будетъ явленіе Сына Божія для грѣшниковъ. *Тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси: и тогда восплачутся вся колѣна земная* (Мат. 24, 30.), *и возопіютъ горамъ и каменію: падите на ны, и покрыйте отъ лица сѣдящаго на престолѣ, и отъ гнѣва Агнца: яко пріиде день великій гнѣва Его: и кто можетъ стати* (Апок. 6, 16. 17.)? *Страшенъ будетъ Судія: Онъ во огни пламенѣ воздастъ отмщеніе* врагамъ Своимъ, *не вѣдущимъ Бога и не послушающимъ благовѣствованія Господа нашего І. Христа* (2 Сол. 1, 8.). Потому *и престолъ Его будетъ пламень огненный и рѣка огненная исходящи будетъ тещи предъ Нимъ* (Дан. 7, 10.). Только славенъ и страшенъ будетъ Судія! *Страшно есть, еже впасти въ руцѣ Бога живаго* (Евр. 10, 31.).

2. Кто тѣ, которые будутъ судимы?

Ктоже тѣ, которыхъ будетъ судить грозный Судія? *Всѣмъ явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. 5. 10.). *Но сотворшіе благая изыдутъ въ воскрешеніе живота, а сотворшіе злая въ воскрешеніе суда* (Іоан. 5, 29.). Праведные востанутъ на судъ оправданія, а грѣшные на судъ осужденія.

Сколько будетъ такихъ осужденныхъ! Но намъ ненужно судить о другихъ; надлежитъ паче судить о томъ, не будемъ ли мы въ числѣ судимыхъ къ осужденію.

И между нами вѣрующими и правовѣрными есть невѣрные и превратно вѣрующіе; и между нами слышащими благовѣствованіе Христово есть непослушные благовѣствованію Христову, и не исполняющіе святой воли Божіей. *Грѣхи нѣкоторыхъ людей,* говорилъ св. Апостолъ Павелъ, *явны, и прямо ведутъ къ осужденію, а нѣкоторыхъ открываются въ послѣдствіи* (1. Тим. 5. 24.). Посему нече-

го говорить объ осужденіи тѣхъ, которые дѣлами своими явно носятъ осужденіе въ самихъ себѣ. Нечего говорить объ осужденіи вольнодумцевъ, учителей ересей и расколовъ, людей растлѣнныхъ умомъ и отвергающихъ вѣру. Таковые, по слову Апостола, суть *самоосуждени* (Тим. 3, 11.). Нечего говорить и объ осужденіи явныхъ, открытыхъ грѣшниковъ. *Нельстите себе*, говоритъ тотъ же Апостолъ, *ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни сквернители, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татіе, ни піяницы ни досадители, ни хищницы, царствія Божія непаслѣдятъ* (1. Кор. 6, 9. 10.). Остановимся на тѣхъ, которые хотя не считаютъ себя праведными, но непризнаютъ себя и грѣшниками, достойными вѣчнаго осужденія; напротивъ льстятъ себя надеждою, что они явятся на судѣ не въ числѣ осужденныхъ; остановимся на слабыхъ Христіанахъ, словомъ: остановимся на самихъ себѣ.

Такъ! мы—Христіане слабые, и наша грѣховная, готовящая намъ осужденіе слабость состоитъ въ томъ, что мы слышимъ благовѣствованіе Христово и вѣруемъ, но невнем-

лемъ ему всемъ сердцемъ, и неисполняемъ его; показываемъ въ жизни и дѣлахъ образъ благочестія, но безъ силы и духа Христіанскаго, именуемся послѣдователями Христовыми; но въ самомъ дѣлѣ нейдемъ указаннымъ намъ отъ Подвигоположника нашего путемъ самоотверженія; несчитаемъ своею обязанностію укрощать внѣшнія чувства наши воздержаніемъ, очищать внутреннія молитвою, обуздывать плотскія влеченія трудомъ и бодрствованіемъ; неумѣемъ смирять свои мысли, удерживать порочныя стремленія, терпѣть обиды и поношеніе, прощать оскорбленія для Господа, ради претерпѣнныхъ Имъ страданій за насъ, ради Божественной любви Его къ намъ. Напротивъ мы, какъ чада плоти и крови, мыслимъ только о плотскомъ житейскомъ, предаваясь нечистымъ стремленіямъ сердца нашего, по обычаю міра, тлѣемъ въ похотѣхъ прелестныхъ, и, какъ въ начинаніяхъ, такъ и дѣлахъ нашихъ водимся похотію плоти, похотію очесъ и гордостію житейскою. Всѣмъ таковымъ Христіанамъ речетъ грозный Судія: *невѣмъ васъ, отъидите отъ Мене.* Я не узнаю въ васъ, речетъ онъ намъ,

Моихъ послѣдователей ни помыслямъ и расположеніямъ, ни по жизни и дѣламъ вашимъ, для внутренней чистоты ума и сердца вашего Я въ Словѣ Моемъ далъ и въ Самомъ Себѣ показалъ все, что есть истинно, что честно, что справедливо, что чисто; для любви и благотворенія къ ближнимъ, равно какъ и для всѣхъ добродѣтелей оставилъ вамъ образъ Моего смиренія и служенія спасенію міра; вмѣсто того вы представляете въ себѣ все противное, представляете въ себѣ образы житейской гордости, дѣла сластолюбія и сладострастія, свойства братоненавидѣнія, злобы, вражды, дѣйствія явныхъ и тайныхъ пороковъ, копии отъ пеленъ до гроба омрачаете жизнь вашу. *Не вѣмъ васъ, отъ-идите отъ Мене.* Вижу на васъ только одно внѣшнее знаменіе Моего имени. Но что внѣшній знакъ безъ внутренней силы? Буква безъ духа, тѣнь безъ вещественности. *Невѣмъ васъ, отъ-дите отъ Мене.* Такъ Христосъ Господь на страшномъ судѣ Своемъ нещадно осудитъ не только суемудрыхъ, суемысленныхъ Христіанъ, но и ложныхъ, слабыхъ послѣдователей Своихъ.

Убоимся недостоинства своего, и всемѣрно попечемся о томъ, дабы намъ, которые носимъ на себѣ благословенное имя Христіанъ и всѣ священныя знаменія православныхъ чадъ Вѣры и Церкви Христовой, непостыдиться въ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, и къ ужасу не услышать: *невѣмъ васъ*.

Непзбѣгнемъ мы будущаго осужденія за наши грѣхи, если непозаботимся очистить неправды наши покаяніемъ, и возможнымъ исправленіемъ жизни приготовить себя на страшный судъ. Страшенъ будетъ судъ послѣдній!

3. Какъ будутъ судимы грѣшники?

Какъ же будетъ судить праведный Судія грѣшниковъ? Какъ произведетъ судъ надъ нами и опредѣленіе суда? Облеченный славою и силою безпредѣльною, всевѣдущій и всевидящій Божественный Судія весь судъ надъ грѣшниками будетъ производить самолично, непосредственно. Самъ всемогуществомъ и всевѣдѣніемъ Своимъ, по которому *разумна*

ему *отъ вѣка всѣ дѣла Его* (Дѣян. 15, 18.), *и нѣсть тварь неявлена предъ Нимъ, вся же нага и объявлена предъ очима Его* (Евр. 4, 13.), Самъ произведетъ судъ явнымъ и тайнымъ дѣламъ человѣческимъ, *и все сокрытое во мракѣ приведетъ во свѣтъ и объявитъ совѣты сердечныя* (1. Кор. 4, 5.) Нетолько всѣ тайныя, постыдныя дѣла наши, но и самыя нечистыя мысли, грѣховныя желанія, непотребныя намѣренія приведены и представлены будутъ во свѣтѣ. Всемірный Судія и вмѣстѣ Творецъ и Содѣтель всяческихъ все Самъ разсмотритъ, испытаетъ, изслѣдуетъ, все всевѣденіемъ Своимъ приведетъ въ ясность; всѣ пороки и добродѣтели взвѣситъ, изчислитъ, измѣритъ, взвѣситъ,–что въ добродѣтеляхъ нашихъ произошло отъ добраго нашего изволенія, благой рѣшимости, благонамѣренныхъ усилій; отселѣ и добродѣтели наши или будутъ намъ усвоены, или какъ не наши, безъ дѣятельнаго участія нашего ума, сердца, воли, происшедшія, во все будутъ отъяты у насъ; равномѣрно взвѣшено будетъ–сколько и въ порокахъ участвовало наше злое произволеніе,–какія были наши непотреб-

ныя намѣренія,—какіе употребляемы были постыдные способы;–колпкократно уже, обдумавъ, преднамѣрпвъ, совершпвъ въ сердцѣ преступныя дѣйствія,—воспящаемы, удержпваемы, недопускаемы были къ совершенію оныхъ; - и тѣмъ благопромыслительно были предохраняемы пли отъ опасности для жизни нашей, пли отъ поношенія предъ ближними, пли даже отъ совершенной погибели по душѣ и по тѣлу. О, какія тогда откроются въ жизни и дѣлахъ нашихъ чудеса Божіей благости, милости, долготерпѣнія, тихости, кротости и незлобія, которыя впрочемъ были намп оставлены, даже злоупотреблены въ собственную погибель нашу! *Господь во свѣтѣ приведетъ тайная тьмы, и объявитъ совѣты сердечныя.*

Когда благпмъ и правымъ, всеиспытательнымъ и пелпцепріятнымъ судомъ всевластный и всевѣдущій Судія, всѣ и явныя и тайныя дѣла человѣческія приведетъ въ явленіе истины и всесовершенно отдѣлитъ свѣтъ отъ тьмы, добро отъ зла, пшеницу отъ плевелъ, агнцевъ отъ козлищъ; отдѣлитъ праведниковъ отъ грѣшниковъ;—тогда поставитъ праведни-

ковъ одесную себя, а грѣшниковъ ошуюю. Послѣ того верховный Подвигоположникъ и великодаровитый Мздовоздаятель тѣмъ гласомъ, которымъ Онъ глаголетъ, и все воспріемлетъ жизнь и веселіе, радость и блаженство, гласомъ любви и благоволенія изречетъ сущимъ одесную Его: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мат. 25, 34.). А обратившись ошуюю, какъ грозный Отмститель беззаконія, гнѣвнымъ лицемъ, отъ котораго *побѣжетъ небо и земля* и страшнымъ гласомъ, отъ котораго воколеблется вселенная и вострепещутъ бездны, изречетъ стоящимъ ошуюю Его: *отыдите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный: уготованный діаволу и ангеломъ его* (ст. 41.). *И идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный* (Ст. 46.).

Все это должно быть, и непремѣнно будетъ. *Небо и земля прейдетъ; словеса же Господня непрейдутъ* (Мар. 13, 31.). Какимиже должно быть намъ въ святомъ житіи и благочестіи, въ ожиданіи пришествія дня Божія (2. Пет. 3, 11.)? Помышляя день

страшный, день послѣдняго суда, потщимся, возлюбленіи, *явиться предъ Господемъ не сквернымі и не порочными въ мирѣ* (ст. 14.). Будемъ внимать себѣ, по словесн Христову, *да никогда отягчаютъ сердца наши объяденіемъ и піянствомъ и печалми житейскими, и найдетъ на ны внезапу день той* (Лук. 30, 34.). Паче *да исправимъ ослабленныя руки и ослабленныя колѣна* (Евр. 12. 12.). Сомнящіеся въ вѣрѣ и блуждающіе по стезямъ стропотнымъ, яко овцы заблудшія, непмущія пастыря, *да возвратятся къ Пастырю и Посьтителю душъ своихъ* (1. Пот. 2, 25,). Слабые сердцемъ, по пристрастію къ житейскимъ суетностямъ, да предадятъ въ покаяніи и исправленіи себя и сердца свои, какъ вѣрному *Зиждителю* (4, 19), Спасу своему, Христу Господу, и да подвигнутся шествовать путемъ креста Его. Всѣ же вообще будемъ бдѣть на всяко время *молящеся, да сподобимся избѣжать* всѣхъ тяжкихъ золъ и искушеній, и стать непостыдно предъ Сыномъ человѣческимъ (Лук. 21, 36.). Аминь.

СЛАВА 2.

Въ недѣлю мясопустную.

И идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный (Мат. 25. 46).

Вотъ чѣмъ рѣшится участь всѣхъ человѣковъ! Чѣмъ кончится стояніе міра, чѣмъ разрѣшится великая загадка вѣковъ; чѣмъ заключится велікое зрѣлище разнообразныхъ перемѣнъ въ мірѣ естественномъ и духовномъ, въ судьбахъ жизни человѣческой! Исполнится время, совершатся судьбы Божіи, настанетъ кончина міра, пріидетъ Господь во славѣ своей, поставитъ престолъ неприступнаго величествія своего, облечется въ судъ нелицемѣренъ, сядетъ судити вселенней въ правдѣ, тысяча тысячь будутъ служить Ему, и

тьмы темъ предстоять Ему (Дан. 7, 10.). По гласу Архангелову, по трубѣ Божіей (1. Сол, 4, 16.) подвигнетъ на судъ все твореніе, приведетъ предъ лице свое небо и землю; воззоветъ времена и лѣта, соберетъ предъ собою всѣ бывшіе отъ вѣка роды и племена, поставитъ одесную и ошуюю Себе соборъ многъ;—разгнутся книги, и откроется подлинно страшное и преславное зрѣлище ; откроется испытаніе совѣсти и сердецъ, изслѣдованіе жизни и дѣлъ, разсмотрѣніе въ существенной наготѣ добра и зла, конечное отдѣленіе свѣта отъ тьмы , истины отъ заблужденія, добродѣтели отъ порока.

Тогда *приведетъ Господь тайная во свѣтъ и обличитъ* совѣты сердечные (1, Кор. 4, 5.). Тогда воздастъ комуждо по дѣломъ его: *овымъ убо по терпѣнію дѣла благаго, славу и честь и нетлѣніе ищущимъ, животъ вѣчный: а иже по рвенію противляющымся истинѣ , повинующымся же неправдѣ, ярость и гнѣвъ* (Римл, 2, 6—8). Тогда *проведницы просвѣтятся, яко солнце, въ царствіи Отца ихъ* (Мат. 13 , 43.), а грѣшники ужаснутся и вострепещутъ, пожелаютъ сокрыться отъ Сѣдящаго на престолѣ:

но невозмогутъ *и муку пріимутъ, погибель вѣчную, отъ лица Господня, и отъ славы крѣпости Его* (2. Сол. 1, 9,).

Когда совершится судъ о всѣхъ: нечестивые изобличатся о всѣхъ дѣлахъ нечестія и о всѣхъ жестокихъ словесахъ ихъ на Господа, (Іуд. ст. 15). Когда возсіяютъ во всемъ свѣтѣ судьбы премудрости и благости, долготерпѣнія и правды Божіей во всемъ твореніи: тогда воспослѣдуетъ рѣшительный приговоръ Судіи, приговоръ благословенія для праведниковъ: *пріидите благословенніи;*-приговоръ проклятія для грѣшниковъ: *отъидите проклятіи.*

Кто изъ насъ, по воспослѣдованіи окончательнаго приговора на страшномъ судѣ, не желаетъ обрѣстися въ сонмѣ благословенныхъ, дабы въ общемъ торжествѣ праведныхъ шествовать въ животъ вѣчный?

Сколь нимало размышляемъ мы о томъ, что такое есть оное рѣшительное проклятіе и благословеніе,—что такое есть мука вѣчная и животъ вѣчный; но и при одной мысли о семъ, не можемъ не чувствовать, что конечное проклятіе Бога—Судіи есть конечное лишеніе

всѣхъ благъ, и торжественное благословеніе Бога — Судіи есть совершенное дарованіе всѣхъ блахъ,—что жизнь вѣчная есть постоянное, всегдашнее, не скончаемое состояніе блаженства и радости; напротивъ мука вѣчная есть всегдашнее, не возвратное, нескончаемое состояніе отверженія отъ Бога! Пройдутъ тысячи лѣтъ,—еще пройдетъ много тысячь лѣтъ: но несчастные осужденники ада ничего не убавятъ отъ продолжительности своего ужаснаго состоянія. Ихъ существованіе всегда будетъ токмо началомъ ихъ злополучія. При одной мысли о семъ нельзя не притти въ содроганіе, ужасъ, трепетъ!

Чтоже? Ела не правда у Бога, что Онъ за временное преступленіе опредѣлилъ вѣчное наказаніе,—за преходящую сладость грѣха безконечныя мученія,—за суеты житейскія адскія терзанія и нескончаемыя страданія? Да не будетъ! Нѣтъ неправды въ Праведномъ, непреложная истина въ судахъ Благаго и Истиннаго, непзмѣнная святость въ опредѣленіяхъ Святаго, Блаженнаго и Радующагося токмо о святости и блаженствѣ.

Почему же преступленіе временное, а на-

казаніе вѣчное; дѣла скоропреходящей жизни, а послѣдствія дѣлъ нескончаемыя? Потому, что будущая жизнь въ послѣдствіяхъ добра и зла есть продолженіе настоящей; что дѣла человѣка, учиненныя въ семъ вѣкѣ, пойдутъ за нимъ въ вѣчность (Апок. 14, 13.);— кто что посѣетъ здѣсь: то пожнетъ тамъ. Потому *сѣяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе: а сѣяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. 6, 7. 8.).

Напечатлѣемъ въ умахъ и сердцахъ нашихъ, что будущая жизнь есть послѣдованіе настоящей: наши склонности, расположенія, навыки, здѣсь снискапные и укорененные, перейдутъ съ нами въ вѣчность; тамъ, какъ сѣмя, раскроются, разовьются, будутъ расти и укрѣпляться. Склонности и расположенія правыя, благія будутъ расти и укрѣпляться въ добрѣ; склонности и расположенія порочныя, растлѣнныя, будутъ омрачаться и ожесточаться въ злѣ. Вѣрно слово: что здѣсь посѣемъ: то тамъ пожнемъ; что теперь соберемъ: тамъ обрѣтемъ; что нынѣ насадимъ и возрастимъ: то вкусимъ тогда и снѣдимъ.

Смерть сама по себѣ ничего недаетъ душѣ, и ничего не отъемлетъ у души. Смертію прекращается бытіе человѣка въ здѣшнемъ мірѣ. Но и въ другой міръ душа переходитъ таже и съ тѣми же силами и способностями, съ тѣми же наклонностями и стремленіями, какія имѣла при исходѣ изъ сей жизни;–и тамъ, гдѣ находится, по отрѣшеніи отъ тѣла, удерживаетъ тѣже свойства и расположенія въ существѣ ихъ;–токмо качество силъ, степень дѣятельности, образъ дѣйствованія, а не существо можетъ измѣняться въ душѣ по смерти. Приблизимъ это сравненіемъ къ понятію нашему. Представимъ, что было бы съ нами, когда бы мы, или вовсе неожиданно или ожиданно, но вдругъ, внезапно невидимою, могущественною силою восхищены были изъ мѣста обитанія нашего,–и по закрытіи очесъ , по заключеніи всѣхъ чувствъ неизвѣстными, отдаленными, странными и страшными путями пренесены были въ мѣсто или темное, гдѣ моглибы узнать что либо однимъ токмо прикосновеніемъ, осязаніемъ, однимъ гаданіемъ, соображеніемъ,—или въ мѣсто свѣтлое, гдѣ безъ труда могли бы и

видѣть и слышать, и видимое разсматривать, и для сего удобно переходить изъ одного мѣста въ другое! Несомнѣнно, что въ первомъ случаѣ изумленіе, ужасъ, уныніе,–въ другомъ недоумѣніе, то страхъ, то радость были бы необходимыми нашими чувствованіями въ новомъ мѣстѣ бытія нашего. Когда бы утишились первыя движенія чувствъ нашихъ и мы обратились къ самимъ себѣ: то что бы стали дѣлать, куда бы обратили мысли свои? Очевидно, что наши мысли, чувствованія, расположенія, пріобрѣтенныя нами въ прежнемъ состояніи, и обратившіяся въ существо души нашей, сами собою обратили бы насъ къ воспоминанію прежней нашей жизни, и, при воспоминаніи, прежде всего обратили насъ къ тому, что мы особенно любили, чѣмъ съ услажденіемъ занимались, что составляло для насъ предметъ радости и утѣшенія въ минувшей жизни. Итакъ и въ новомъ мѣстѣ бытія нашего мы начали бы дѣйствіе свое съ прежнихъ понятій, чувствованій, расположеній. Новые предметы новаго состоянія стали бы только прежнія въ насъ расположенія развивать, укрѣплять, распро–

странять. Вотъ нѣкоторое подобіе состоянія душъ нашихъ по смерти!

Смерть есть мрачный переходъ въ другой міръ, въ другое состояніе, въ другое общество: но для продолженія жизни и дѣятельности тѣми же сплами, какія образуемъ и возращаемъ здѣсь. Въ другой міръ мы сами пойдемъ тѣже, душевныя сплы, умъ и сердце съ ихъ пріобрѣтеніями понесемъ тѣже; а слѣдов. и начатки жизни и дѣятельности принесемъ въ вѣчность тѣже, какія имѣли при исходѣ изъ сей жизни. Теперешнія наши способности и пріобрѣтенія тамъ, смотря по состоянію, мы будемъ разширять, увеличивать, дѣлать разнообразнѣе: но въ существѣ онѣ останутся тѣже. Дѣйствуя по усвоеннымъ началамъ, по укорененнымъ основаніямъ, по успленнымъ навыкамъ, онѣ, сообразно предметамъ новаго состоянія, будутъ токмо укрѣпляться и возрастать. Души, пламенѣющія здѣсь вѣрою и любовію къ Искупителю, сіи святыя расположенія будутъ питать въ себѣ и по ту сторону гроба. Души страстныя и въ страстяхъ сластолюбія, честолюбія, корыстолюбія, умершія,—сіи страс-

ти, если только при исходѣ изъ жизни не очистятъ покаяніемъ, принесутъ съ собою и въ другую жизнь, и тамъ будутъ оныя питать, хотя удовлетворять имъ будетъ нечѣмъ.

Что же такое есть страшный послѣдній судъ? Есть послѣдняя жатва всѣхъ дѣлъ человѣческихъ; есть повсемственное, всеобщее собираніе класовъ, обираніе винограда, отребленіе гумна на великомъ полѣ міра; есть всеродное млаченіе пшеницы для окончательнаго внесенія въ житницу Божію, и всемірное собраніе плевелъ для конечнаго преданія ихъ потребительному огню! Послѣдній судъ есть всемірный отчетъ во всемъ томъ, что мы отъ Бога получили; какъ полученное употребили; сколько учинили пріобрѣтеній отъ данныхъ намъ естественныхъ и благодатныхъ даровъ, или сколько злоупотребили оныхъ, раболѣпствуя страстямъ и порокамъ,—сему порожденію и дѣйствію въ насъ врага Божія. На вѣсахъ правосудія Божія все въ насъ разсмотрится, взвѣсится, исчислится, оцѣнится; честное отъ недостойнаго изведется;—злато, сребро, каменіе драгое—отъ дровъ, сѣна, тро-

стія (1. Кор. 3, 12.) отдѣлятся. Овцы къ овцамъ, козлища къ козлищамъ, пшеница къ пшеницѣ, плевелы къ плевеламъ соберутся. Замѣтимъ же, что и пшеница и плевелы соберутся,—одна для внесенія въ житницу Божію, другіе на сожженіе, тѣ самые, которые на полѣ жизни временной прозябли, возросли, созрѣли. Пшеница-праведные, плевелы-грѣшные, какъ обрѣтутся по суду Божію,—такъ одни впидутъ въ жизнь вѣчную, другіе пойдутъ въ муку вѣчную. Итакъ тѣже самые, которые благоплодно пропзрастали на землѣ, сдѣлаются растеніями небесными; и тѣже, которые подлѣ нихъ и вмѣстѣ съ ними зловредно расли на полѣ жизни временной, содѣлаются пищею неугасимаго огня геенскаго. Когда страна свѣта, истины, добра отдѣлится отъ страны тьмы, заблужденія, зла,-праведные и оправданные отъ осужденныхъ—грѣшныхъ: тогда, по праведнымъ и вкупѣ премудрымъ и благимъ судьбамъ Божіимъ, на вѣки воздвигнется непроходимая бездна раздѣленія между праведными и грѣшными (Лук. 16, 26.). Одни непреложно утвердятся въ добрѣ и впидутъ въ радость и наслажденіе

нескончаемыхъ благъ; другіе, бывъ отвержены отъ лица Божія, навсегда будутъ заключены въ безотрадное жилище тьмы. Одни, перешедши въ царство свѣта, истины, добра, какъ сыны свѣта, будутъ безконечно возрастать въ истинѣ и добрѣ; другіе, перешедши въ область тьмы, никогда не возмогутъ возникнуть изъ смраднаго, жупельнаго озера и пристать къ странѣ свѣта и истины.

Да избавитъ насъ благость и милосердіе Судіи отъ ужасной участи осужденія! Да сохранитъ насъ благосердіе Искупителя отъ глубинъ адскихъ и мукъ вѣчныя, и да введетъ въ животъ вѣчный! Животъ вѣчный, мука вѣчная—это два исходища, которыя невозвратно идутъ въ безконечную противоположность. Одно есть путь безконечнаго восхожденія отъ совершенства къ совершенству, отъ славы къ славѣ; другое ееть ниспаденіе въ самую глубину зла.

Ужасная истина! но она потверждается опытами еще настоящей жизни. Къ сожалѣнію мы и здѣсь видимъ, что нѣкоторые въ теченіи сей кратковременной жизни такъ привыкаютъ къ порокамъ, что вовсе содѣлыва-

ются безчувственны къ самымъ дѣйствительнымъ средствамъ, къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, употребляемымъ къ исправленію разтлѣнныхъ склонностей ихъ. Такъ—по естественному ходу и дѣйствію душевныхъ силъ, человѣкъ, перешедшій въ вѣчность съ необузданнымъ стремленіемъ къ злу, самъ по себѣ навсегда неисцѣльно останется съ симъ стремленіемъ къ злу. Если закоснѣлаго злодѣя не могли здѣсь исправить никакія исправительныя мѣры: то не исправятъ и муки адскія, при всей ихъ жестокости и продолжительности. Ужаснымъ примѣромъ сего служатъ отпадшіе духи. Не смотря на то, что они уже нѣсколько тысячъ лѣтъ находятся въ адскихъ мукахъ, знаютъ и то, что ихъ ожидаютъ еще муки ужаснѣйшія,— и однакожъ до сихъ поръ остаются въ одинакой безпечности.

Боже правды и истины! Боже благости и любви! Избави насъ всемощною благодатію Твоею отъ сего ужаснаго состоянія!

Закроемъ сіе печальное, горестное зрѣлище!

Но когда теперешнее бытіе наше есть сѣяніе, а будущее возрастаніе; когда здѣшнее

дѣланіе наше есть сажденіе, а тамошнее плодоприношеніе; когда настоящая жизнь наша есть корень и начатокъ, а грядущая самое совершеніе въ добрѣ или злѣ: то какими должно быть намъ въ святомъ житіи и благочестіи, дабы нескверными и непорочными обрѣстися въ мирѣ (2. Пет. 3. 11. 14,) въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа? Будемъ благое дѣлать, богатѣть благими дѣлами. Когда будемъ собирать себѣ сокровище для будущаго, для воспріятія жизни вѣчныя (1. Тим, 6, 18. 19.): то, труждаяся, дѣлая, подвизаясь для Господа, мы не посрамимся отъ Него въ пришествіе Его (1. Іоан. 2, 28.). Аминь.

СЛОВО.

въ недѣлю сыропустную.

И изгна Адама Господь Богъ изъ рая сладости дѣлати землю, отъ неяже взятъ бысть. И изрине Адама (Быт. 3, 23).

Святая церковь въ предшествовавшія три седмицы предуготовляла насъ къ покаянію смиренною молитвою Мытаря, примѣромъ обращенія блуднаго сына къ отцу, представленіемъ страшнаго послѣдняго суда всѣхъ человѣковъ. Въ настоящую седмицу, полагая предѣлъ всякому нашему сластопитанію и тѣмъ, вводя насъ въ самое поприще покаянія и поста, представляетъ нашему воспоминанію то плачевное событіе, которое, ввернувъ насъ въ гибельное состояніе грѣха и раз-

стлѣнія, сдѣлало для насъ необходимымъ путь очищенія и покаянія,

Это плачевное событіе есть грѣхопаденіе и изгнаніе изъ рая сладости нашихъ прародителей. Въ нашемъ праотцѣ—Адамѣ и мы всѣ, какъ дѣти въ отцѣ, какъ члены въ своей главѣ низпали изъ состоянія блаженства, въ которомъ и для котораго первоначально созданы были.

О чемъ нынѣ благовременнѣе воспоминать, о чемъ благопотребнѣе бесѣдовать, какъ не объ общемъ нашемъ въ прародителяхъ паденіи? О немъ нарачито воспоминаетъ нынѣ святая церковь, дабы, приведши въ живое чувство грѣховной нашей болѣзненности, со всею рѣшительностію обратить насъ къ употребленію средствъ духовнаго врачеванія, каковы суть-покаяніе, и необходимыя принадлежности его, постъ и молитва. И мы стоимъ теперь въ предверіи постнаго подвига, чтобы вступить въ великое поприще святой четыредесятницы.

Предложимъ для собственнаго назиданія событіе паденія нашихъ прародителей, и съ тѣмъ вмѣстѣ нашего грѣховнаго паденія.

Первобытное состояние невинности человѣка.

Преблагій Богъ, сотворивъ человѣка по образу и подобію Своему, для явленія въ немъ совершенствъ Своихъ на земли, сотворилъ первыхъ прародителей нашихъ совершенными во всемъ существѣ и по тѣлу и душѣ.

Тѣло, хотя взято изъ персти земной, но непосредственнымъ дѣйствіемъ премудрости и благости Божіей образованное и разнобразными и внѣшними и внутренними чувствами одаренное, возведено на высшую степень земнаго совершенства, и, какъ благоустроенное жилище, уготовано для богоугодной жизни богоподобнаго духа. По тѣлу прародители были совершенно здравы, крѣпки, благообразны, особенно потому, что были чисты и непорочны.

Но собственно образъ Божій въ человѣкѣ напечатлѣнъ въ душѣ, которая, непосредственно вдохновена въ перваго человѣка Богомъ. Первосозданные въ духовномъ существѣ и разумно—свободныхъ свойствахъ души

своей украшены были богоподобными совершенствами. Въ умѣ ихъ сіяла истина Божія, истинное вѣденіе Бога, себя, всего окружающаго; въ сердцѣ и волѣ блистали чистота и доброта, стремленіе и готовность угождать Богу, какъ Отцу; другъ другу, какъ сочленамъ, угождать и служить употребленіемъ всего окружающаго, какъ творенія Божія, токмо на добро. Отселѣ первая благословенная Богомъ чета человѣчества, Прародители по внѣшнему образу, были въ собственномъ смыслѣ прекрасны, а повнутреннимъ расположеніямъ духа были правы и невинны. Были въ расположеніяхъ правы, — были свободно расположены и мыслить и желать и дѣлать только то, что истинно, что честно, что справедливо, что любезно; *были невинны*, были въ существѣ своемъ непричастны зла, какъ и нынѣ дѣтскіе—незлобивые умы и невинныя сердца показываютъ еще невѣденіе зла. Первосозданная правота и невинность нашихъ прародителей изображается въ бытописаніи подъ образомъ наготы. *И бѣста оба нага, Адамъ же и жена его, и нестыдястася.* Эта нагота и есть та Боготкапная одежда чистоты, которая исключала

всякой стыдъ, потому что исключала всякой помыслъ, всякое желаніе зла. Нагота прародителей было такое состояніе нравственнаго совершенства, въ которомъ, какъ во внутреннихъ расположеніяхъ ума и сердца, такъ и во внѣшнихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ прародителей нашихъ, ничего не было не достойнаго, унизительнаго, но все согласовало какъ съ внутреннимъ достоинствомъ ихъ естества и естества вещей; такъ съ приличіемъ и честностію внѣшнихъ ихъ отношеній и дѣйствій другъ ко другу. *И бѣста оба нага, и не стыдястася.*

Блаженному состоянію невинности нашихъ прародителей соотвѣтствовало и блаженное состояніе первобытнаго мѣстопребыванія ихъ. Мѣстомъ пребыванія ихъ былъ рай сладости, преисполненный всякихъ благъ, красотъ, совершенствъ. Здѣсь все повиновалось и покорствовало имъ; все слушало и внимало имъ; все радовалось и веселилось вокругъ ихъ; все съ радостію и веселіемъ встрѣчало и сопровождало ихъ.

Долго ли прародители наши находились въ состояніи невинности,—долго ли наслаждались

блаженствомъ въ раю сладости? Слово Божіе намъ не открыло. Только пребываніе прародителей въ раю было не продолжительно.

Когда вторый Адамъ, Господь Іисусъ, тотчасъ по вступленіи въ великое дѣло искупленія нашего, совершилъ четыредесятидневный подвигъ поста противу діавола въ пустынѣ; то не показывалъ ли этимъ, что первый Адамъ, котораго Онъ исправлялъ паденіе, не выдержалъ времени сорокодневнаго подвига, но палъ отъ невоздержанія.

Средства, данныя Богомъ для сохраненія невинности первобытнаго состоянія.

Для сохраненія жизни праведной и предохраненія отъ грѣха, Богъ заповѣдалъ прародителямъ древо жизни и древо познанія добра и зла. Древо жизни—это было лѣпота и украшеніе рая. Образъ его оттѣненъ для насъ въ Апокалипсисѣ (22, 2), откуда можемъ разумѣть, что древо жизни всегда долженствовало быть благоплодно и что самое листвіе его цѣльбоносно. Вкушеніе отъ него имѣло сообщать человѣку духовную силу,

особенно въ случаяхъ необходимаго укрѣпленія противу сильныхъ искушеній,—когда бы оныя, по навѣту духа темнаго, стали чрезмѣрно возмущать его и приводить въ изнеможеніе и тѣлесныя силы.

Совершенно противоположное древу жизни было въ раю древо познанія добра и зла. Какъ древо, покровенное мракомъ таинственности, оно только одно было въ области Едемской, куда не простиралась власть царя земли, гдѣ онъ долженъ былъ особенно сознавать свое ничтожество, чувствовать во всей силѣ державную власть Бога законодателя, безусловно покорствовать святой волѣ Его, и благоговѣть предъ нею. Прародителямъ нашимъ подъ страхомъ смерти воспрещено было не только вкушать отъ плода древа познанія добра и зла, но и прикасаться; а слѣдовательно и приближаться къ нему. И о! еслибы спасительный страхъ обымалъ нашихъ прародителей при одномъ приближеніи къ смертоносному древу, и громовымъ голосомъ говорилъ тому и другому: не коснися, не осяжи, не приближайся сѣмо: тогда они, побѣдивъ козни діа-

вольскія и намъ подали бы оружіе къ побѣдѣ надъ врагомъ.

Изъ самаго наименованія ясно, что древо познанія добра и зла представляло для первосозданныхъ путь дѣятельнаго восхожденія къ богоподобному совершенству чрезъ безусловное покореніе воли своей воли Божіей, и неуклонное направленіе свободы своей по закону Божію. Употребленіе свободы, составлявшей въ человѣкѣ верхъ богоподобнаго совершенства, согласно съ волею Божіею, долженетвовало усовершенствовать всѣ силы его, просвѣтить умъ, очистить сердце, укрѣпить волю, наконецъ столь непоколебимо утвердить его въ добрѣ, и повиновеніи благой и совершенной волѣ Божіей, что человѣкъ умомъ своимъ также бы сталъ видѣть и любить истину, какъ тѣлесными очами видимъ этотъ свѣтъ,—такъ ощущать и принимать сердцемъ своимъ добро и благотворное дѣйствіе его на душу, какъ ощущаемъ благотворное дѣйствіе теплоты на тѣло. Первосозданый, приведши себя въ истинное отношеніе къ Богу, къ подобнымъ себѣ и ко всему окружавшему его, перешелъ бы вѣрою и любовію въ пріи-

скреннее общеніе съ Богомъ, сдѣлался бы близокъ къ Творцу своему, какъ сынъ къ отцу, а тогда воля Божія также бы исполнялась на земли, какъ она исполняется на небеси, и люди, рождаясь отъ праведныхъ родителей, обитали бы на земли въ правдѣ и святости, а вкупѣ и блаженствѣ при блаженномъ общеніи съ Богомъ.

Паденіе человѣка и изгнаніе изъ рая.

Но мы не пребыли въ прародителяхъ нашихъ въ правдѣ, несохранили богодарованной свободы въ добрѣ, нарушили заповѣдь Божію, послушались искусителя, вкусили запрещеннаго плода, и съ тѣмъ вмѣстѣ пали паденіемъ плачевнымъ, ужаснымъ, горестнымъ; преступивъ заповѣдь Божію, отпали отъ Бога, омрачились и разтлились грѣхомъ въ душѣ, навлекли на себя немощи, болѣзни, наконецъ разрушительную смерть по тѣлу.

И вотъ какъ произошло плачевное, всероддое паденіе!

Діаволъ, павъ гордостію противу Бога, и потерявъ съ отпадшими духами блаженство,

въ злобѣ на Бога, въ завистн къ человѣку, умыслплъ лишить блаженства и невинпаго человѣка. Для сокрытія козней своихъ, онъ сокрылъ себя въ змѣ, хитрѣйшемъ изъ животныхъ, котораго избралъ орудіемъ своимъ. Дабы успѣшнѣе достигнуть своихъ ухищреній, начинаетъ искушеніе съ жены, которая во всѣхъ отношеніяхъ была слабѣе мужа, и заповѣдь Божію о запрещеніи вкушать отъ древа познанія добра и зла слышала не непосредственно отъ Бога. Сокрывшись въ змѣ и улучивъ время, когда Ева, отлучившись отъ мужа, одна находилась въ близости древа познанія добра и зла, искуситель дѣлаетъ на нее внезапное нападеніе. Чрезъ хитрое орудіе вѣщая злоухищренным языкомъ, онъ предлагаетъ женѣ двусмысленный вопросъ: что *яко рече Богъ: да не ясте отъ всякаго древа райскаго?* Такимъ коварнымъ вопросомъ вовлекши Еву въ разговоръ, вовлекъ и въ сомнѣніе о томъ, правильно ли Адамъ понялъ и передалъ ей заповѣдь Божію? Когда Ева отвѣтствовола, что имъ позволено вкушать отъ всѣхъ плодовъ райскихъ, а только воспрещено Богомъ, подъ страхомъ смерти,

вкушать отъ древа познанія добра и зла: то искуситель, приспособляясь къ отвѣту Евы, сперва ослабляетъ въ ней страхъ смерти: *не смертію умрете*; потомъ, превратно перетолковавъ значеніе именованія древа познанія добра и зла, выказываетъ въ запрещеніи онаго противное намѣреніе: *вѣдяше Богъ, яко въ оньже аще день снѣсте отъ него, отверзутся очи ваши*; наконецъ открываетъ Евѣ, будто важную для участи человѣческой тайну древа: *будете, яко бози*, и открытіемъ такой тайны восхитивъ проматерь лестію пріобрѣтенія богоподобнаго совершенства, имѣющаго послѣдовать отъ вкушенія плода древа какъ бы такъ змѣинымъ языкомъ обаятельно вѣщалъ въ слухъ обольщенной Евы: *несмертію умрете*. Какой напрасный страхъ, какое мнимое опасеніе! нѣтъ! вы не умрете; напротивъ коль скоро вкусите отъ этаго таинственаго древа: то мгновенно завѣса всякой непзвѣстности съ глазъ вашихъ спадетъ, всѣ сомнѣнія и недоумѣнія ваши изчезнутъ, вы вдругъ достигнете предназначеннаго вамъ богоподобнаго совершенства, *будете, яко бози*, и въ этомъ высокомъ состояніи изъятые отъ всякаго не

вѣденія, недоумѣній, опасеній, страховъ, смущенія, будете сами, какъ боги, и, подобно Богу, всевѣдущи и блаженны, *вѣдяще доброе и лукавое.*

Чистая, невинная, но юная, простая, какъ дитя, неопытная Ева, привлеченная необыкновеннымъ явленіемъ сокровеннаго обаятеля, повѣрнвъ словамъ его о чрезвычайномъ дѣйствіи запрещеннаго плода на облаженствованіе ихъ, въ сердцѣ обольстилась коварными обѣщаніями искусителя, взорами восхитилась видимою красотою древа, несомнѣвалась, что *добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима видѣти, и красно есть разумѣти, вземши отъ плода его, ядь,* и тѣмиже хитросплетеніями, внушенными искусителемъ, обольстивъ и подоспѣвшаго мужа, *дала и ему съ собою, и ядоста.*

Не нужно говорить, что послѣдовало за смертоноснымъ вкушеніемъ нашихъ прародителей. Хитрый искуситель мгновенно исчезъ, а съ нимъ, какъ призракъ, рушилось и все обольщеніе; прародители наши тотчасъ увидѣли себя обманутыми, поруганными, обнаженными и лишенными славы Божіей; уви-

дѣлп себя въ срамной, постыдной, ужасной наготѣ, старались скрыться отъ Бога, и прикрыть наготу свою смоковными листьями.

Неумедлилъ явиться и Судія; но Судія, вѣдущій немощь человѣческаго естества—Зиждитель. Посему и въ первомъ вопросѣ Его слышится нестолько голосъ Судіи, сколько вѣщаніе милосердаго Отца, взыскующаго виновнаго—удалившагося сына. *Адаме гдѣ еси? кто возвѣсти тебѣ, яко наг ъ еси, аще не бы отъ древа, его же заповѣдахъ тебѣ не ясти, ялъ еси? что сіе сотворилъ еси?* Послѣ сихъ вопросовъ, располагавшихъ Адама и Еву къ раскаянію, начавъ судить съ тягчайшаго осужденія главнаго виновника зла—змія, Богъ провозвѣстилъ наказаніе женѣ—въ печаляхъ, болѣзняхъ, воздыханіяхъ рожденіе и воспитаніе чадъ, и во всемъ подъ управленіемъ мужа подчиненную жизнь;—мужу въ трудахъ, скорбяхъ, заботахъ пріобрѣтеніе всего нужнаго для себя и дѣтей; обоимъ смерть, и въ заключеніе всего Адама и Еву, какъ преступниковъ, какъ потерявшихъ первую,—боготкапную Едемскую одежду чистоты и невинности, изгналъ изъ рая сладости и и риста

вилъ Херувима съ пламеннымъ мечемъ охранять путь къ древу жизни. *И изгна его Господь Богъ изъ рая сладости дплати землю, отъ неяже взятъ бысть, и изгнавъ Адама и всели его прямо рая сладости: и приставн херувима, и пламенное оружіе обращаемое, хранити путь древа жизни.*

Распространеніе прародительскаго грѣха на весь родъ человѣческій.

Вотъ плачевное событіе всероднаго паденія нашихъ прародителей! Вотъ и скорбныя послѣдствія, происшедшія оттуда для всего рода человѣческаго! Отъ падшихъ, прегрѣшившихъ прародителей всѣ мы зачинаемся во грѣхахъ, раждаемся въ беззаконіяхъ. Отселѣ на землѣ проклятія; какъ чада гнѣва и осужденія, всѣ мы, начинай жизнь свою въ немощи и слабости дѣтства, осуждены жить среди нуждъ и искушеній, среди бѣдъ и обуреваній житейскихъ, среди многоразличныхъ болѣзней и постепеннаго разрушенія, дабы скорбнымъ путемъ искуса, опытовъ, очищенія и наконецъ смерти достигать каждому

своего предназначенія: *земля еси и въ землю пойдеши.*

Но никто изъ насъ да не дерзнетъ и помыслить что либо жалобное-роптливое противу прародителей нашихъ. Ахъ! вспомнимъ, сколько мы въ этой грѣховной, но и обильною благодатію озаренной нашей жизни, сколько разъ самымъ легкомысленнымъ образомъ принимали самыя тщетныя обольщенія духа искусителя; сколько разъ оставляли совершенно ясную и извѣстную намъ волю и заповѣдь Божію; сколько разъ своевольно приступали къ древу запрещенному, и преступно вкушая сами плодовъ его, подавали и другимъ отъ сластолюденія нашего,—подавали другимъ примѣры грѣха и соблазна; сколько разъ сами сшивали себѣ ризы изъ листьевъ и древесной коры, сшивали, прикрывая стыдъ наготы своей лицемѣріемъ; сколько разъ были праведно, но и кротко, милостиво, благосердо вразумляемы, наставляемы, обличаемы Господомъ нашимъ, и однакожъ не вразумились, непокаялись истинно; сколько разъ сознаніемъ собственнаго своего непотребства изнеможемы

были изъ рая сладости, изъ состоянія чистоты совѣсти, правоты духа, мира душевнаго, повергаемы въ чувство своей нечистоты, вѣроломства предъ Богомъ, неправды предъ ближними, и съ тѣмъ вмѣстѣ въ состояніе сердечной скорби, томленія, безпокойства, крушенія духа, и чтоже? покаялись ли мы истинно, исправились ли, вразумились ли въ своихъ неправдахъ, и утвердились ли на землѣ правой, что бы со страхомъ и трепетомъ работать и служить Господу въ возможномъ благоугожденіи святой волѣ Его?

Когда Адамъ изгнанъ былъ изъ рая, и рай заключился для него: то исходя ударялъ себя въ перси и сѣдши прямо рая, рыдалъ какъ пѣснословитъ святая церковъ, оплакивая изгнаніе свое (*): увы мнѣ, прелестію лукаваго окраденну и славы удалену увы мнѣ, нагу и изъ рая сладости извержену, и покаяннымъ гласомъ отъ всея крѣпости сокрушенія вопіялъ къ Богу: щедрый милостиве, помилуй мя падшаго! Такъ рыдалъ праотецъ по изгнаніи изъ

(*) Стихиры въ нед. Сыропу.

рая, такъ плакалъ во всю жизнь; плакалъ о себѣ, плакалъ и за весь свой родъ; такъ рыдала и праматерь Ева, такъ плакала во всю жизнь, плакала о себѣ и за всѣхъ своихъ чадъ. Такъ они плакали въ покаяніи, и праведною жизнію умилостивили милостиваго Бога и первые Спасителемъ міра введены въ рай.

Будемъ и мы дѣти падшаго Адама, сами своимъ произволеніемъ безъ числа согрѣшившіе и согрѣшающіе, будемъ и мы плакать и всегда, а особенно въ покаянное время поста, будемъ плакать съ праотцемъ и рыдать съ праматерію о лоскательной угодливости своей змінному гласу страстей, о сластолюбивомъ вкушеніи беззаконной сладости, о грѣховной своей наготѣ и безобразіи, о потерѣ рая, чистоты и непорочности, а еще паче будемъ сѣтовать и воздыхать о лѣности, охолодности, о безчувственности своей къ возстанію отъ мертвыхъ дѣлъ и исправленію стезей строптныхъ, и; безспльные сами по себѣ къ исправленію своему, будемъ взывать каждый, въ умиленіи и сокрушеніи—взывать и устами и сердцемъ и въ дни и нощи: Милостиве

Спасе, помилуй, прости и Твоею благодатію къ дѣланію заповѣдей твоихъ возстави мя падшаго! Аминь.

СЛОВО

О ГЛАВНЫХЪ ИНОЧЕСКИХЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ.

Себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ, себе искушайте (Кор. 13, 5.).

Такъ Апостолъ побуждаетъ насъ испытывать самихъ себя: *въ вѣрѣ ли мы*; вѣрны ли мы своимъ обязанностямъ; достойно ли Бога и ближнихъ нашихъ ходимъ въ томъ званіи, которое воспріяли отъ церкви, общества, нашего семейства? Не забываемъ ли обязанностей званія своего?

Себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ. Слышали мы нынѣ — Иноки и не Иноки въ произносимыхъ иноческихъ обѣтахъ достаточное побужденіе къ тому, чтобы намъ испытывать самихъ себя: вѣрны ли мы—Иноки данным

нами при по стриженіи иноческимъ своимъ обѣтамъ? — вѣрны ли мы,— Христіане, своимъ христіанскимъ, даннымъ нами при святомъ Крещеніи, обѣтамъ?

Часто мы слышимъ для себя повтореніе общихъ христіанскихъ нашихъ обѣтовъ при крещеніи младенцевъ, возраждаемыхъ въ новоблагодатную жизнь,—слышимъ и не слушаемъ, не внимаемъ мыслію: вѣрны ли мы великому христіанскому нашему званію? Рѣдко, однакожъ слышимъ иноческіе обѣты, произносимые посреди церкви пріемлющими иноческое званіе въ полномъ возрастѣ, въ зрѣломъ разумѣ, съ совершенною свободою, и при особенныхъ знаменательныхъ дѣйствіяхъ, слышимъ,—и этотъ священный обрядъ конечно сильнѣе дѣйствуетъ на наши чувства. И стоитъ съ чувствомъ слышать иноческіе обѣты.

Произношеніе иноческихъ обѣтовъ пріемлющими иноческій образъ есть истинное повтореніе для насъ, иноки, которые тѣже нѣкогда произносили предъ Богомъ посреди церкви обѣты. И намъ чаще нужно слышать повтореніе иноческихъ своихъ обѣтовъ при торжественномъ произношеніи оныхъ. Живя

въ соприкосновеніи съ міромъ, имѣя близкое отношеніе къ живущимъ въ мірѣ, неосторожно обращаясь иногда средн лести міра, мы, быть можетъ, иногда уподобляемся нѣкоторымъ образомъ живущимъ въ мірѣ. Посему необходимо, чтобы трогательный гласъ вновь произносимыхъ въ церкви иноческихъ обѣтовъ, пробуждалъ насъ отъ самозабвенія, вводилъ въ себя и озабочивалъ о соотвѣтствіи своему званію: идемъ ли мы Христоподражательнымъ путемъ, какимъ шли наши святые предшественники, святые иноки, пустынники, отшельники? Разсмотримъ же слышанные нами иноческіе обѣты, какія главнѣйшія обязанности иноческихъ обѣтовъ?

Три главнѣйшія обязанности пріемлютъ на себя вступающіе въ подвигъ иноческой жизни:—обязанность нестяжательности, обязанность совершеннаго повиновенія, обязанность храненія дѣвства и чистоты.

Первая иноческая обязанность есть нестяжательность, вольная нищета, сообразно тому, жизнь простая, смиренная. Первый предметъ иночества есть отреченіе отъ міра, отъ житейскихъ благъ и наслажденій, и исканіе царства

небеснаго и стяжаніе горнихъ благъ. Самое совлеченіе прежнихъ одеждъ пріемлющими иночество означаетъ какъ совлеченіе прежнихъ мірскихъ пристрастій и всего разтлѣннаго образа жизни, такъ въ особенности являетъ обнаженіе житейскихъ стяжаній, дабы отрекающіеся обѣтомъ отъ міра, познавъ свою духовную нищету, тщились облещись въ Христову нищету, по которой Онъ, будучи богатъ, насъ ради обнищалъ, да мы нищетою Его обогатимся. Инокъ въ зрѣломъ возрастѣ, въ полномъ разумѣ, въ живомъ чувствѣ, вновь свободнымъ отреченіемъ отъ міра предавъ всего себя въ собственность Христу и все сокровище свое навсегда сокрывъ на небеси со Христомъ въ Богѣ, Инокъ не скрываетъ себѣ сокровища на земли, и ничего изъ земныхъ стяжаній, кромѣ самаго нужнаго, не пріобрѣтаетъ. Нужный кровъ, простое сѣдалище, скудное ложе, необходимая одежда для всегдашняго употребленія въ келліи и для приличнаго исхожденія внѣ келліи, а паче для молитвы въ храмѣ, и еще книга для чтенія молитвъ, книга или нѣсколько для чтенія слова Божія и душеспасительныхъ на-

ставленій св. Отцевъ — вотъ его стяжаніе. Онъ знаетъ, что безъ отверженія привязанности къ мірскимъ благамъ и стяжанію ихъ, не легко устремить духъ свой къ искапію благъ небесныхъ, что нельзя двумъ господинамъ противныхъ свойствъ одинаково служить, нельзя служить Богу и мамонѣ (Мат. 6, 24.) *Всякъ отъ васъ, иже не отречется всего своего имѣнія*, говоритъ Спаситель избраннѣйшимъ своимъ послѣдователямъ, *не можетъ быти мой ученикъ* (Лук. 14, 33). По сей причинѣ строжайшіе изъ отшельниковъ не иначе вступали и вступаютъ на поприще постническаго житія, какъ, по слову Христову, продавъ и раздавъ нищимъ имѣніе свое, дабы безпрепятственно искать сокровищъ на небесп. И Иноки, обыкновенно въ знаменіе нестяжательнаго, воздержнаго житія, облачаются въ одежды по черному цвѣту смиренныя, по веществу большею частію простыя, мазоцѣнныя, дабы онѣ всегда напоминали имъ нищету духа, плачь о грѣхахъ, бренность временнаго житія, непрестанное ветшаніе ризы плоти, и возбуждали желаніе, по совлеченіи сего тлѣннаго, къ облеченію въ

нетлѣнное. И такъ первая иноческая обязанность есть добровольная нищета, по которой Инокъ кромѣ общей пользы и общежительнаго строенія, поколику ввѣряется ему оное, самъ по себѣ долженъ быть чуждъ исканія богатства, чести, преимуществъ, славы и всякаго мірскаго корыстолюбія. Иноку надлежитъ быть богату стяжаніями духовными, искать не ризнаго украшенія, но украшенія добродѣтелями, отторгать себя отъ привязанности къ земному, вещественному, дабы умножать пріобрѣтенія небесныя, духовныя.

Вторая иночестая обязанность есть послушаніе до смерти, какъ изрекается въ обѣтахъ, настоятелю и всей во Христѣ братіи. Поставленіе пріемлющаго иночество посреди церкви при степеняхъ алтаря—босымъ, обнаженнымъ отъ всѣхъ верхнихъ одеждъ, въ одномъ хитонѣ, въ этомъ обнаженномъ положеніи добровольное изреченіе имъ всѣхъ обѣтовъ съ твердою рѣшительностію, есть истинное выраженіе отреченія его отъ воли своей и совершеннаго преданія себя въ послушаніе духовнаго водительства. Потому Инокамъ преимущественно усвояется назва-

ніе послушниковъ, что они по свободной волѣ отдаютъ себя на всякое благое и полезное послушаніе.

Инокъ не имѣетъ своей воли, воли ветхаго, грѣховнаго человѣка. Отрѣкшись отъ своихъ плотскихъ помышленій, желаній, начинаній, онъ отдалъ волю свою Христу, воспріялъ образъ Христова послушанія и, въ лицѣ настоятеля созерцая образъ Христа, повинуется благому велѣнію его, какъ слову Христову.,, Я рабъ, я слуга, я послушникъ Христовъ ради братій моихъ и ради спасенія душъ ихъ, слушаю слова, ожидаю повелѣнія, готовъ къ исполненію, такъ говоритъ и дѣйствуетъ истинный Инокъ, и путемъ послушанія благоуспѣшно ведется на совершеніе. И какое опочиваетъ благословеніе на совокупномъ жительствѣ братій, когда одни отдаютъ волю свою въ управленіе благой волѣ другихъ, въ иноческомъ жительствѣ опытнѣйшихъ, а другіе, сами не имѣя воли своей, единственно въ волѣ Божіей тщатся управлять волями другихъ! Тогда одинъ бодрственный, благопопечительный вождь ведетъ тысячи, и вкупѣ съ нимъ тысячи по-

слушныхъ идутъ легкимъ, безпреткновеннымъ путемъ къ Богу. Въ обществѣ благопослушныхъ обитаетъ благодатный миръ, благопоспѣшество въ дѣлахъ, вѣрное служеніе Богу, истинное назиданіе ближнихъ, обитаетъ всякое угодное Богу, полезное человѣкамъ добро. Потому послушаніе и угодно Господу, паче жертвы блага, и покореніе паче тука овня (1. Цар. 15, 22.); потому и въ Инокѣ послушаніе цѣнится паче поста и молитвы, что истинное послушаніе, какъ отреченіе отъ собственной воли, есть внутреннее воздержаніе духа и, какъ исполненіе воли тѣхъ, которые сами тщатся дѣйствовать по волѣ Божіей, есть тоже, что молитвенное приношеніе сердца Богу. Инокъ, непмѣющій послушанія, есть путникъ, скитающійся произвольно по распутіямъ, есть ратникъ сражающійся внѣ воинскаго строя, есть плаватель носимый стремленіемъ всякихъ вѣтровъ. Безъ послушанія Инокъ перестаетъ быть Инокомъ. Подражай благопослушный Инокъ Подвигоположнику твоему Господу Іисусу, Который, во образѣ Божіи сый, послушливъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя (Фп.

2, 8.). Послушаніе, — твоя вторая обязанность; есть твоя стихія, безъ которой ты не будешъ жить свойственною тебѣ жизнію.

Но, боголюбивый Инокъ, ревнитель Ангельской жизни, твой цвѣтъ, твоя красота есть дѣвство и чистота. Ты изрекалъ обѣтъ дѣвства и чистоты, какъ печать иноческой жизни, какъ особенность, отличающую тебя и отъ благочестивыхъ людей общей Христіанской жизни, и прочіе обѣты ты произносилъ болѣе, какъ средства къ сохраненію чистоты и непорочности жизни. Дѣйствительно для того ты давалъ обѣтъ вольной нищеты, чтобы умертвить себя для чувственныхъ сладостей; для того изрекалъ обѣтъ безусловнаго послушанія, что бы не имѣть воли своей и для мысленнаго удовлетворенія нечистымъ вожделѣніямъ. Къ тому же относятся и всѣ принадлежности иноческаго обѣта твоего, твое иноческое облаченіе, какъ духовное всеоружіе, дабы отвсюду ты огражденъ былъ отъ раженныхъ стрѣлъ лукаваго. И такъ смотри, богобоязненный Инокъ, рачитель горней жизни безплотныхъ Умовъ, теки святою стезею къ послѣднему предѣлу обѣтовъ

твоихъ,—къ предѣлу чистоты и непорочности,— теки, умерщвляя и порабощая по наставленію Апостольскому тѣло твое бодрствованіемъ, трудами, воздержаніемъ, постомъ. А чтобы на этомъ пути, не легкомъ для разтлѣнной природы, нтти тебѣ твердо, ровно, не преткнуться о камень соблазна и о сует лести: то, рачитель чистоты, блюди паче всего око твое, дабы не назирать чуждой красоты ; отъ назиранія чуждой красоты многіе и твердые погибли, какъ говоритъ Мудрый: отселѣ пламень страсти, какъ огнь, возгарается (Сир. 9, 8. 9.). Почему, вотъ тебѣ правило для соблюденія себя въ тишинѣ помысловъ и благоотишіи чувствъ: *не приближайся, не касайся, не осяжи.* Иначе ты безъ огня сгоришъ, безъ пламени истлѣешъ, безъ паденія падешъ и низвергнешься. Воздержаніемъ, бодрственностію , крѣпкимъ терпѣніемъ, мудрымъ уклоненіемъ и молитвеннымъ воскрыленіемъ ума и сердца отъ дальняго къ горьнему , отъ чувственнаго къ премірному, содержи во всегдашней собранности душу, въ непрестанномъ трудѣ тѣло, и такъ теки, чтобы достигнуть, такъ подви-

зайся, чтобы получить вѣнецъ непстлѣнный. Вотъ святоносный путь богомудренной иноческой жизни съ его дѣйствіями!

Будемъ, возлюбленные братія и сестры, чаще со вниманіемъ воспомнпать иноческіе наши обѣты. Если начинаемъ ослабѣвать въ исполненіи обязанностей нашихъ: то, воспомнпая время перваго вступленія нашего на путь иноческой жизни, будемъ оживлять въ мысляхъ первыя пламенныя наши расположенія,—коими горѣли приносить себя всемъ существомъ Богу, и умоленнымъ воспомнпаніемъ возбуждать въ себѣ святую ревность,—исправить пути свои предъ Богомъ; еслиже, по благодати Божіей, течемъ: то еще паче будемъ тщиться подвигомъ добрымъ подвизаться, дабы и духъ, душу и тѣло принести намъ непорочно Господу въ пришествіи Его.

Воспомнпаніе иноческихъ обѣтовъ полезно не только для Иноковъ, но и для всякаго внимающаго себѣ Христіанина. Въ иноческихъ обѣтахъ изрекаются тѣже, только въ частнѣйшемъ видѣ, главнѣйшія Христіанскія обязанности, которыя каждый изъ насъ принималъ на себя при купели крещенія.

Инокъ прежде изреченія обѣтовъ своихъ отлагаетъ мірскія одежды; изрекши обѣты, запечатлѣваетъ оные постриженіемъ власовъ, наконецъ облекается во иныя одежды, знаменующія званіе его, какъ во всеоружіе Божіе, дабы въ крѣпости воинствовать подъ знаменіемъ креста.

Вспомнимъ, Христіане, какъ при крещеніи каждый изъ насъ, въ наготѣ естественной бѣдности съ обращеннымъ лицемъ на западъ, изрекалъ сперва обѣты отреченія своего отъ всѣхъ грѣховныхъ сладостей міра, отъ служенія діаволу и отъ всѣхъ темныхъ дѣлъ его, какъ, потомъ обратившись на востокъ, троекратно подтверждалъ рѣшительность сочетанія своего Христу,—затѣмъ послѣ таинственнаго погруженія въ купели крещенія въ смерть Христову, послѣ священнаго помазанія, низводящаго дары Духа, возрожденный и обновленный какъ облеченъ былъ въ одежду бѣлу,—въ знаменіе облеченія во одежду правды Христовой, дабы въ правотѣ ума, въ чистотѣ сердца и непорочности дѣлъ ходить предъ Нимъ всѣ дни жизни своей.

Посему безъ исключенія на всѣхъ насъ,

Христіане, лежитъ необходимая обязанность жить не для міра, а для Бога;—жить въ самоотверженіи для исполненія святой воли Божіей, жить въ чистотѣ и не порочности, и всѣмъ заповѣдано не любить міра, не прилѣпляться къ богатству и земнымъ благамъ, но подражать Тому, Который, богатъ сый, насъ ради обнищалъ; не пристращаться къ почестямъ и славѣ, но быть смиренными подобно дѣтямъ; отвергать плоти сладострастіе и распинать плоть со страстьми и похотьми непрестанными трудами и воздержаніемъ. Никто не можетъ сказать: смиреніе не моя обязанность, я по моему состоянію могу позволить себѣ больше удовольствій, для чего мнѣ изнурять себя воздержаніемъ? Нѣтъ. Всѣ мы, и живущіе въ мірѣ и внѣ міра, богатые и убогіе, благородные и худородные, всѣ во Христа крестились, во Христа облеклись;—по сему всѣ должны быть непорочными предъ Нимъ въ вѣрѣ и любви, и каждый по различію пола и возраста, по состоянію и званію служа Господу исполненіемъ своего дѣла и долга въ преподобіи и правдѣ;—всѣ должны жить не человѣскимъ похотямъ,

по святой волѣ Божіей, и, какъ послѣдователи Христовы, итти спасительнымъ путемъ креста Его и самоотверженія.

Господи Іисусе Христе, Спасителю нашъ, показавый намъ различные пути спасенія! если мы, бывъ поставлены Твоею благодатію на святый — Ангелоподражательный путь иночества, чтобы любить Тебя паче всего, безусловно повиноваться Тебѣ, какъ верховному нашему Господу, приносить себя и въ душахъ и тѣлесахъ нашихъ Тебѣ, Всесвятый, въ жертву святую, не порочную,— утверди насъ, если мы нетвердыми стопами идемъ избраннымъ по свободному изволенію и избранными Твоими освященнымъ путемъ иночества; Милосердный не помяни множества грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ, не лиши насъ спасительной благодати Твоей, но крѣпостію оной направляй, утверждай, влеки насъ, какъ своевольныхъ дѣтей, на святой стезѣ иноческой жизни. Если Мы прилѣпляемся къ міру: Ты отторгай насъ; если ищемъ исполнять растлѣнную волю свою: Ты обуздывай наши нечистыя желанія; если волею

или неволею падаемъ: — Ты благоутробно подъемли насъ безпредѣльными щедротами Твоими, умъ и сердце наше воздвигай къ горнему, и имиже вѣси судьбами, помилуй, Преблагій, и спаси насъ на томъ пути, на которомъ благостію Твоею поставилъ насъ служить Тебѣ. Аминь.

Конецъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Читай.*
56	сниз. 1	гнимся	гонимся
111	сниз. 3	съ освященнымъ	со священнымъ
126	свер. 3	прельщаться	пресыщаться
148	свер. 11	обуявшую въ	обуявшее въ
—	— 12	окаменѣлость сердца	окаменѣніе сердца
157	свер. 4	при рожденнаго	прирожденнаго
163	свер. 1	пріятъ	и пріятъ
164	свер. 2	о ихъ,	о нихъ,
184	сниз. 4	— были	и были
198	сниз. 12	стремленіенъ	стремленіемъ
221	сниз. 7	(сорах.	(Сирах.
222	свер. 10	умираютъ.	умираютъ?
241	свер. 1	родителей.	родѣтелей.
264	сниз. 2	Свое обственное	Свое собственное
265	свер. 1	ніе суета	ніе, суета
269	свер. 4	уничеженное,	уничиженное,
—	— 5	достонства,	достоинства,
271	сниз. 7	служимъ, не	служимъ, не-
272	сниз. 6	прибыли ль	пребыли ль
274	свер. 9	отъ зларуки	отъ зла руки
279	сниз. 6	и дѣже червь	идѣже червь
—	— 5	и дѣже вѣчный	идѣже вѣчный
280	сниз. 2	И область	И область
282	свер. 5	пріидетъ	пріидетъ
—	— 6	Апелъ	Ангелъ
—	сниз. 5	и воинственный;	и воинственный;
286	сниз. 9	о плотскомъ	о плотскомъ,
287	сниз. 5	отъ-дите	отъ-идите
289	сниз. 10	взвѣситъ,—	извѣситъ,—

Стр.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Читай.*
292	свер. 5	да нѣкогда	да некогда
294	сниз. 8	славу и честь	славы и чести
—	— 7	тлѣніе ищущимъ,	тлѣнія ищущимъ,
—	— 4	Тогда проведницы	Тогда праведницы
295	свер. 7	(Іуд. ст. 15). Когда	(Іуд. ст. 15); когда
303	свер. 5	житіи и блогоче-	житіи и благоче-
308	свер. 7	по тѣлу и душѣ.	по тѣлу и по душѣ.
—	сниз. 10	ное жимище,	ное жилище,
313	сниз. 10	совершиною	совершенной
315	сниз. 3	Ева ответствовола,	Ева ответствовала,
316	свер. 9	открываетъ Евѣ,	открываетъ Евѣ
—	— 12	восхитивъ проматерь	восхитивъ праматерь
—	сниз. 8	на противъ коль	напротивъ коль
319	сниз. 8	на землѣ проклятія;	на землѣ проклятія,
321	сниз. 6	удалену увы	удалену, увы
330	сниз. 12	къ исполненію,	къ исполненію »,—
334	свер. 2	Вотъ святоносный	Вотъ свѣтоносный
—	— 12	Богу, и умоленнымъ	Богу, и умиленнымъ
—	сниз. 8	въ пришевствіи Его.	въ пришествіи Его.

ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ

АЛЕКСѢЯ ВАСИЛЬЕВА БУЛАКОВСКАГО,

на Никольской улицѣ, противъ Иконнаго ряда подъ № 11-мъ.

ПРОДАЕТСЯ:

СВѢТЛАЯ СЕДМИЦА,

или поученія на каждый день Свѣтлыя Седмицы съ недѣлею Апостола Ѳомы и Св. Женъ Мироносицъ, Евлампія Епископа Вологодскаго и Устюжскаго. М. 1851 г. Ц. 1 руб. сер.

ПЕРВАЯ СЕДМИЦА

Святаго великаго поста, или краткія поученія на каждый день Первой Седмицы великаго поста, Евлампія Епископа Вологодскаго и Устюжскаго М. 1850 г. Ц. 75 к. сер.